Б. В. СИНИЦЫН

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА ЮЖНОЙ КОРЕИ

(1945–1959 гг.)

ИВЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

Б. В. СИНИЦЫН

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА ЮЖНОЙ КОРЕИ

(1945—1959 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
доктор экономических наук
М. И. ЛУКЬЯНОВА

Борис Владимирович Синицын

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА ЮЖНОЙ КОРЕИ (1945—1959 гг.)

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

Редактор издательства *К. А. Гамазков*
Художник *Н. А. Липин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *И. Ф. Кузьмин*
Корректоры *Г. В. Афонина* и *Р. П. Осповат*

Сдано в набор 17/XI 1960 г. Подписано к печати 27/II 1961 г.
А-01039 Формат 84×108¹/₃₂ Печ. л. 4,75 Усл. п. л. 7,79 Уч.-изд. л. 8,17
Тираж 1600 экз. Зак. 2248 Цена 50 коп.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло уже 15 лет с тех пор, как Южная Корея стала вотчиной американского империализма. Иностранное господство наложило глубокий отпечаток на все политическое и экономическое развитие Юга: под флагом «помощи» американские монополии превратили Южную Корею в свой аграрно-сырьевой придаток и военную базу на Дальнем Востоке.

Политика США в Южной Корее наглядно демонстрирует агрессивные замыслы и колониалистские устремления империалистов США в Азии. Поэтому изучение различных аспектов этой политики в Южной Корее, показ истинного лица американского империализма составляет важную задачу советских ученых. Она стала особенно актуальной в связи с событиями в Южной Корее в апреле 1960 г., приведшими к свержению лисынмановской клики, верной прислужницы американских монополий.

В настоящей книге исследуется одна из важных сторон экономического положения Южной Кореи: состояние промышленности и положение рабочего класса в условиях зависимости экономики от американского капитала.

Проблемы политического и экономического положения современной Южной Кореи являются предметом серьезного изучения в Корейской Народно-Демократической Республике. За последнее время в КНДР вышел в свет ряд трудов, освещающих некоторые стороны экономической жизни Юга (например, «помощь» США Южной Корее). Однако результаты этих исследований известны довольно узкому кругу советских читателей. Эти вопросы еще недостаточно изучены советскими экономистами.

В предлагаемой работе автор стремился проследить возникновение современной структуры южнокорейской промышленности, показать уровень развития промышленности в целом и наиболее важных ее отраслей; выяснить

ее специфику, а также рассмотреть экономическое положение рабочего класса и различных слоев южнокорейской буржуазии. Одна из задач автора заключалась в том, чтобы вскрыть истинный характер американской «помощи».

Вследствие недостатка материала автору в ряде случаев пришлось ограничиться лишь общей постановкой проблем (это относится, в частности, к вопросам об экономическом положении различных слоев южнокорейской буржуазии и о госкапитализме).

Создание марионеточного режима, знаменовавшее собой изменение форм американского господства в Южной Корее, и агрессивная война против КНДР являются естественным рубежом в экономическом развитии Юга. В работе рассматривается состояние экономики Южной Кореи в период военной оккупации (1945—1948) и в послевоенный, так называемый восстановительный период (1953—1959), причем основное внимание уделено последнему периоду.

В работе использован фактический материал, почерпнутый из периодической печати КНДР, изданий ООН, официальных южнокорейских публикаций, американских официальных изданий, использованы также труды ученых КНДР и советских востоковедов. Автор надеется, что его работа в какой-то мере поможет советскому читателю лучше узнать экономику Южной Кореи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭКОНОМИКА ЮЖНОЙ КОРЕИ ПОД КОНТРОЛЕМ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

§ 1. ДВЕ ЛИНИИ РЕШЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ВОПРОСА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Поражение империалистической Японии во второй мировой войне положило конец сорокалетнему господству японских колонизаторов на Корейском полуострове. Разгромив японские вооруженные силы на Дальнем Востоке, Советская Армия сбросила ненавистное ярмо колониального гнета с корейского народа. Создание независимой демократической Кореи стало реальной возможностью.

Согласно договоренности между союзниками по антигитлеровской коалиции, в Корее были определены две зоны ответственности: советская — к северу от 38-й параллели и американская — к югу от нее. Это разделение на две зоны ответственности было чисто формальным и временным: в каждой из них соответственно советское или американское командование принимало капитуляцию японских вооруженных сил, находившихся на Корейском полуострове. На Московском совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании и США в декабре 1945 г. было подписано соглашение о Корее, в основу которого легло предложение Советского Союза о незамедлительном образовании Временного корейского демократического правительства «в целях восстановления Кореи как независимого государства, создания условий для развития страны на демократических началах и скорейшей ликвидации пагубных последствий длительного японского господства в Корее» [1]. В целях содействия образо-

[1] «Советский Союз и корейский вопрос (документы)», М., 1948, стр. 5.

ванию корейского демократического правительства со стороны СССР и США, войска которых находились в Корее, предусматривалось создание Совместной советско-американской комиссии, которая при выработке своих решений должна была консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. Кроме того, по Московскому соглашению предусматривались «меры помощи и содействия (опека) политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости Кореи» [2].

Однако с самого начала при осуществлении Московского соглашения наметились две линии решения корейского вопроса. Игнорируя все предложения Советского правительства, направленные на претворение в жизнь Московского соглашения, американские правящие круги, опираясь на реакционные и коллаборационистские элементы корейского общества, взяли курс на искусственное расчленение страны. Логическим завершением этого курса явилось проведение американскими империалистами сепаратных выборов в Южной Корее и сформирование в августе 1948 г. марионеточного правительства. Анализ состава этого правительства показывает, что в Южной Корее к власти пришел блок помещиков и крупной буржуазии, т. е. те классы корейского общества, которые в прошлом служили главной опорой японского империализма. Естественно, что эти классы, оказавшиеся у власти стараниями американских правящих кругов, стали послушными проводниками их политики.

В северной части страны, где находилась Советская Армия, народные массы получили все условия для свободного волеизъявления. Там уже к концу 1946 г. были осуществлены величайшие в истории Кореи социально-экономические преобразования, в их числе земельная реформа и национализация крупной промышленности, транспорта, банков. По мере того как все яснее вырисовывались истинные планы американского империализма в Южной Корее, Северная Корея начинала играть все бóльшую роль в борьбе всех демократических сил страны за объединение родины. Сепаратные выборы на Юге вызвали

[2] Там же, стр. 6.

необходимость укрепления демократической базы на Севере в политическом и экономическом отношении.

Состоявшееся в Пхеньяне 29 июня — 5 июля 1948 г. второе Объединенное совещание политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи объявило от имени народа южнокорейское «национальное собрание» и «правительство» незаконными и антинародными и постановило провести подлинно демократические выборы в высший законодательный орган — Верховное Народное Собрание Кореи и образовать единое демократическое правительство. Избранное населением как северной, так и южной частей страны, Верховное Народное Собрание Кореи 8 сентября провозгласило создание Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и приняло Конституцию. Этот день отмечается как день рождения нового государства, в котором у руля правления впервые в истории страны стали подлинные представители корейского народа.

Таким образом, к концу 1948 г. на территории Корейского полуострова образовались фактически два государства: КНДР и марионеточная «Корейская республика», совершенно отличные друг от друга по своему политическому и социально-экономическому строю.

Политика американского империализма в Южной Корее после второй мировой войны отражает его агрессивный внешнеполитический курс на создание в Азии и других районах земного шара зависимых от США реакционных политических режимов, на экономическое подчинение азиатских и африканских стран и превращение их в военные базы Пентагона. В этих экспансионистских планах правящих кругов США Южной Корее отводилось одно из главных мест. Это объясняется в первую очередь тем, что она может служить удобным военно-стратегическим плацдармом на Дальнем Востоке вблизи границ Китая и Советского Союза. Не последнее место занимала Южная Корея и в политических планах США на Дальнем Востоке: лисынмановское полицейское государство призвано было сыграть роль «антикоммунистического бастиона». Военно-политическое значение Южной Кореи для американского империализма особенно возросло после краха гоминьдановского режима и образования Китайской Народной Республики (1949 г.) Наконец,

немалый интерес американских монополий вызывали материальные и сырьевые ресурсы Южной Кореи.

Марионеточное правительство так называемой «Корейской республики», созданной в 1948 г., поспешило заключить с США ряд соглашений военного и экономического характера. Подписание этих соглашений окончательно закрепило за Южной Кореей роль военной базы американского империализма на Дальнем Востоке, экономическое развитие которой было подчинено интересам монополий США.

Главным орудием экспансии США в Южной Корее стали прямая военная «помощь» и так называемая экономическая «помощь».

По свидетельству профессора Мичиганского университета Ханна (США), которому Специальный комитет Сената США по изучению проблем американской помощи за границей поручил представить соответствующий доклад о Южной Корее, военная и экономическая «помощь» США Южной Корее в 1953—1956 гг. составляла ежегодно в среднем 800 млн. долл. [3]. Пожалуй, трудно найти более яркое свидетельство большой заинтересованности американского империализма в том, чтобы подчинить Южную Корею.

Приблизительно две трети указанной суммы приходится на долю прямой военной «помощи» [4]. Экономическая «помощь» предоставляется по так называемой программе «поддержки оборонных мероприятий» и тесно связана с прямой военной «помощью» [5]. Таким образом,

---

[3] «Far Eastern economic review», vol. XXII, Hongkong, 1957, № 23, p. 723.

[4] Ibid.—Официальные данные о размере прямой военной «помощи» отдельно не публикуются. Однако вышеприведенное свидетельство американского специалиста подтверждается данными одного из посланий президента США конгрессу: в 1954/55 финансовом году из 700 млн. долл., ассигнованных Южной Корее в порядке «помощи», 420 млн. долл., т. е. 60% всей суммы, приходилось на прямую военную «помощь» (см. «Report to congress on the mutual security programme. For six months ended June 30 1955», Washington, 1955, p. 13).

[5] Бо́льшая часть американской «помощи» Южной Корее предоставляется по так называемому «Акту о взаимной безопасности»— специальному закону, который трактует вопросы «помощи» США за границей. В соответствии с этим законом вся «помощь» США иностранным государствам подразделяется следующим образом:

а) прямая военная «помощь»;

б) поддержка «оборонных мероприятий (средства, ассигнуемые

в целом американская «помощь» Южной Корее носит откровенно милитаристский характер. В этом одна из главных причин пагубного влияния американской «помощи» на экономику Южной Кореи. Другая причина заключается в том, что почти вся американская экономическая «помощь» представлена потребительскими товарами и сырьем. Южная Корея превращена в рынок сбыта американских лежалых товаров, наплыв которых тормозит развитие ее экономики [6].

Несмотря на экономическую «помощь» США, общая сумма которой составила за период 1945—1959 гг. более 2,9 млрд. долл., экономика Южной Кореи находится в плачевном состоянии. Особенно наглядно это проявляется на фоне поистине огромных экономических успехов КНДР. Весьма показательны в этом отношении данные о производстве продукции на душу населения в КНДР и Южной Корее в 1959 г. [7]:

	КНДР	Южная Корея
Электроэнергия, *квт. ч*	781,1	73,4
Уголь, *кг*	886,0	80,0
Сталь, *кг*	45,0	1,6
Цемент, *кг*	190,0	15,6
Минеральные удобрения, *кг*	32,3	0,4
Ткани, *м*	15,8	5,8
Зерно, *кг*	370,0	150,0

по этому пункту, расходуются на закупку различных товаров в США; выручка в местной валюте, получаемая от продажи этих товаров населению страны—получательницы «помощи», является главным источником увеличения бюджетных ассигнований на военные цели);

в) финансирование экономического развития;

г) техническое сотрудничество.

[6] Подробно о «помощи» США Южной Корее см. гл. III, § 2.

[7] Подсчитано по данным: «Сборник материалов по Корее, № 2, 15 лет развития экономики КНДР после освобождения», Пхеньян, 1960, стр. 27; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1960, № 3, стр. 117—126.— Данные о производстве минеральных удобрений приводятся за 1957 г. В 1959 г. в КНДР на душу населения производилось 39 *кг* минеральных удобрений.

Как видно из вышеприведенных данных, Южная Корея по всем важнейшим показателям экономического развития значительно отстает от КНДР. В частности, следует отметить отставание Южной Кореи в области легкой промышленности и сельского хозяйства. До освобождения Кореи Советской Армией 75% всех производственных мощностей текстильной промышленности страны находились на Юге, а сейчас КНДР производит тканей на душу населения в 2,7 раза больше, чем Южная Корея. В прошлом Южная Корея была житницей страны. Общий валовой сбор зерновых культур на Юге был в период 1936—1940 гг. в два раза больше, чем на Севере. А в 1959 г. Южная Корея произвела зерна на душу населения почти в два с половиной раза меньше, чем КНДР, и была вынуждена ввозить продовольствие. Даже по признанию американского справочника «Хэндбук оф Кориа» в 1957 г. валовой национальный продукт Южной Кореи в расчете на душу населения был значительно меньше, чем в 1938 г., в период японского колониального господства, когда он был отнюдь не велик [8]. Не удивительно поэтому, что зависимость Южной Кореи от американской «помощи» все более усиливается. Не случайно южнокорейская газета «Тонъа ильбо» 14 июня 1958 г. констатировала: «Хотя восстановление идет, но самостоятельности нет» [9].

Начиная с 1953 г. американская и южнокорейская пропаганда широко рекламировала план превращения Южной Кореи к 1959 г. в «самообеспечивающуюся страну», т. е. страну с якобы самостоятельной экономикой, не зависящей от иностранной помощи. Однако уже в начале 1958 г. сами составители этого плана — лисынмановское правительство и Управление международного со-

---

[8] Chae Kyung Oh, *Handbook of Korea,* New York, 1958, p. 387.— Следует подчеркнуть, что понятие «валовой национальный продукт» не есть национальный доход в марксистско-ленинском понимании этого термина: в стоимость валового национального продукта включается стоимость амортизационных расходов. С другой стороны, это и не совокупный общественный продукт, ибо в стоимость валового национального продукта не входит стоимость сырья и готовой продукции, но включаются доходы, полученные в непроизводственных отраслях. Однако на основе данных о валовом национальном продукте можно судить о тенденции, наблюдающейся в южнокорейской экономике.

[9] 東亞日報 («Тонъа ильбо»), Сеул, 14.VI.1958.

трудничества [10] — вынуждены были признать его провал [11].

Для правящих классов Южной Кореи американская «помощь» является также средством ослабления социальных противоречий, обостряющихся на почве экономических трудностей. Используя «помощь», южнокорейской буржуазии и помещикам удавалось временно затушевывать наиболее слабые стороны экономического положения Юга и до поры до времени избегать острых классовых столкновений без изменения своей внешнеполитической ориентации на США и без проведения радикальных социально-экономических преобразований. Крах диктатуры Ли Сын Мана в апреле 1960 г. показал, что это весьма ненадежное средство.

Главный результат американской «помощи» Южной Корее — усиление зависимости. Эта зависимость является важнейшим фактором, определяющим политическое и экономическое положение современной Южной Кореи.

§ 2. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

По мере того как в результате агрессивной политики американского империализма усиливался и закреплялся политический раскол Кореи, все более и более обособлялась экономическая жизнь в обеих ее частях, что в конечном счете привело к образованию двух хозяйственных единиц.

После образования на территории страны двух государств, совершенно отличных друг от друга по со-

[10] Управление международного сотрудничества (ИКА)—правительственный орган США, занимающийся вопросами американской «помощи» за границей.

[11] В марте 1958 г. директор ИКА Джеймс Смит в своем докладе Комитету по иностранным делам палаты представителей конгресса США заявил: «В настоящее время южнокорейская экономика, обремененная огромной армией, большим несоответствием между сельскохозяйственным и промышленным производством, недостатком пахотной земли и других естественных ресурсов и обладая неблагоприятными условиями для частных вложений, недостатком квалифицированного административно-технического персонала, еще требует существенной иностранной помощи» («The Department of State bulletin», vol. XXXIII, Washington, 1958, № 979, pp. 527—528).

С этим заявлением перекликается высказывание органа финансовых магнатов США — газеты «Уолл-стрит джорнэл»: «...предстоит пройти еще долгий путь, прежде чем эта еще разделенная нация (имеется в виду Южная Корея.—*Б. С.*) станет отдаленно самообеспечивающейся» («The Wall street journal», New York, 12.VIII.1958).

циально-экономическому и политическому строю, понятие «экономика Кореи» уступило место понятиям «экономика КНДР» и «экономика Южной Кореи». С одной стороны, экономика Юга как часть экономики всей Кореи не могла не нести отпечатка колониального прошлого. С другой стороны, на нее большое влияние оказал искусственный разрыв связей между Севером и Югом и включение Юга в сферу приложения американского капитала. Под воздействием этих двух факторов и сложились основные черты южнокорейской экономики.

Многие годы ключевые позиции в экономике Кореи принадлежали японскому монополистическому капиталу. В добыче железной руды и производстве чугуна монопольное положение занимал концерн Мицубиси. Значительную часть горнодобывающей промышленности контролировали концерны Ниссан и Ногути. Концерн Ногути монополизировал также производство химических удобрений, синтетического горючего и электроэнергии. Наряду с частными монополиями в экономике Кореи хозяйничали японские правительственные компании, в частности Восточно-колонизационное общество (ВКО), под контролем которого находились большие площади наиболее плодородных земель страны и ряд промышленных предприятий; существовали также полуправительственные компании, как, например, Корейский банк (Тёсэн гинко), чья финансовая деятельность распространялась не только на территорию Кореи. Позиции национального капитала были крайне слабыми. Так, в горной промышленности в 1936 г. стоимость продукции предприятий, принадлежавших национальному капиталу, составляла всего 10% общей стоимости продукции, а в обрабатывающей промышленности на его долю в 1940 г. приходилось лишь 6% всех инвестиций [12]. Согласно оценке, произведенной в 1946 г. Специальным экономическим комитетом Американской военной администрации, японские инвестиции в промышленность на юге Кореи составляли 90%; японскому правительству и монополиям принадлежало также около 90% капитала финансовых учреждений и приблизительно 74% капитала коммерческих предприятий [13].

[12] 『朝鮮經济年報』, 서울韓國銀行調査部, 1948, I—86, 100페이지 (далее: «Чосон кёнчже ёнбо»).

[13] Kyung Cho Chung, *Korea tomorrow. Land of the morning calm*, New York, 1956, p. 219.

За 40 лет колониального господства японского империализма Корея была превращена в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Большое влияние на экономику Кореи оказало интенсивное стратегическое строительство, предпринятое японской военщиной в начале 30-х годов. Значительное число предприятий, обслуживавших нужды японской военной машины, возникло во время второй мировой войны. Помимо строительства новых объектов, во время войны в Корею была переведена часть военных предприятий из собственно Японии, подвергавшейся бомбардировкам американской авиации.

Однобокое разбухание отдельных отраслей, вызванное агрессивной войной японского империализма, было временным явлением в экономике колониальной Кореи. Поэтому ниже приводятся данные о валовом производстве, относящиеся к довоенному периоду.

К началу второй мировой войны Корея представляла собой страну с преобладанием сельскохозяйственного производства. Такое положение характерно и для Южной Кореи с той разницей, что в результате расчленения страны удельный вес сельского хозяйства в экономике Юга значительно увеличился. Это подтверждается следующими данными о доле различных отраслей в валовой продукции всей Кореи в 1936 г. и Южной Кореи в 1949 г. (%) [14].

	Вся Корея	Южная Корея
Сельское хозяйство и лесоводство . .	57	77
Обрабатывающая промышленность . .	32	16
Горнодобывающая промышленность .	4	1,3
Рыбная промышленность	7	5,7

Таким образом, в 1949 г. доля продукции обрабатывающей и горнодобывающей промышленности в валовой продукции хозяйства Южной Кореи составила менее

[14] 『朝鮮中央年鑑』,朝鮮中央通信社,평양,1948,80페지 (далее: «Чосон чунъан ёнгам»); «An economic programme for Korean reconstruction, prepared for the United Nations Korean reconstruction agency», [S. l.], 1954, p. 452.

18%, а по сравнению с удельным весом этих отраслей в экономике всей Кореи в 1936 г. относительно уменьшилась в два раза.

В 1937 г. на Юге производилось около 29% продукции горнодобывающей и 50% — обрабатывающей промышленности всей Кореи [15]. Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что в тяжелой индустрии (металлургии, машиностроении, химической промышленности) удельный вес продукции Юга составлял в 1940 г. всего 20,6%, а в легкой — 70% [16]. Не удивительно, что в результате искусственного расчленения страны Южная Корея почти лишилась таких важных отраслей промышленности, как металлургическая, химическая, цементная. Это видно из следующих данных о доле Юга и Севера в продукции важнейших отраслей корейской промышленности в 1937 г. (%) [17]:

	Юг	Север
Валовая продукция	50	50
По отраслям:		
металлургия	7,3	92,7
машиностроение	69,4	30,6
химическая промышленность	14,3	85,7
текстильная промышленность	76,8	23,2
пищевая промышленность	60,7	39,3
производство строительных материалов	38,0	62,0
деревообрабатывающая промышленность	68,0	32,0
полиграфическая промышленность	90,0	10,0
энергетика (газ, электричество)	16,0	84,0
прочие	77,0	23,0

Из этих данных видно также, что на долю Южной Кореи приходилась бо́льшая часть продукции машиностроения, текстильной и полиграфической промышленности.

[15] «Чосон кёнчже ёнбо», 1948, отд. I, стр. 84 и 322.—Доля Южной Кореи в продукции горнодобывающей промышленности всей Кореи вычислена следующим образом: суммированы объемы производства в провинциях, целиком лежащих южнее 38-й параллели, и половина объема производства провинции Канвондо.

[16] «Чосон кёнчже ёнбо», 1948, отд. I, стр. 101.

[17] Там же, стр. 322; Chae Kyung Oh, *Handbook of Korea*, p. 243.

Однако в результате раскола страны эти отрасли были отрезаны от источников снабжения топливом, электроэнергией и сырьем. Действительно, Юг давал всего 21% добычи угля, лишь 3% железной руды и только 8% среднегодового производства электроэнергии всей Кореи [18].

Южнокорейское машиностроение не имело достаточной металлургической базы, а металлургия в свою очередь испытывала острый недостаток сырья. В значительной степени зависела от поставок сырья с Севера деревообрабатывающая промышленность. Многие химические заводы Юга были построены для обработки сырья, добываемого в северных провинциях страны. Из восьми крупных цементных заводов Кореи лишь один находился на Юге [19].

Наконец, непосредственным результатом раздела Кореи явилось усиление унаследованной со времен японского господства диспропорции между различными отраслями промышленности.

Об усилении диспропорции в структуре обрабатывающей промышленности можно судить по сравнительным данным, показывающим, какая часть валовой продукции приходилась на ее различные отрасли в колониальной Корее в 1936 г. и в Южной Корее в 1948 г. (%) [20]:

	Вся Корея	Южная Корея
Металлургия	5	4
Машиностроение	2	6
Химическая промышленность	27	28
Текстильная промышленность	14	41
Пищевая промышленность	27	13
Цементная промышленность	3	3
Прочие отрасли (деревообрабатывающая, полиграфическая, бумажная)	22	5

[18] J. Shoemaker, *Notes on Korea's postwar economic position,* New York, 1947, p. 29.

[19] «Доклад комиссии ООН по вопросу о Корее»,— «Генеральная Ассамблея. Официальный отчет. Четвертая сессия», т. II, Лейк Сокссес, Нью-Йорк, 1949, стр. 17.

[20] «Чосон чунъан ёнгам», 1949, стр. 181; 『經济年鑑』, 朝國銀行調查部, 서울, 1955, I—118페지 (далее: «Кёнчже ёнгам»).

Как видно из этих данных, более половины (54%) продукции обрабатывающей промышленности приходилось на долю двух отраслей — текстильной и пищевой. В то же время отрасли первого подразделения (исключая химическую промышленность) производили лишь 10% всей продукции обрабатывающей промышленности. Большой удельный вес продукции химической промышленности объясняется тесной связью этой отрасли с японской военной машиной.

Таким образом, искусственное расчленение страны еще более усилило колониальную однобокость южнокорейской экономики, обнажив все пагубные последствия 40-летнего господства японского империализма в Корее: огромную диспропорцию между различными отраслями, отсутствие крупного машиностроения, типичное для колоний размещение промышленности и т. д. Кроме того, в промышленности ощущалась острая нехватка квалифицированных рабочих и технического персонала. Достаточно сказать, что в 1944 г. во всей Корее из 9852 инженеров и техников 7953 были японцы [21].

Слабость южнокорейской экономики явилась одним из факторов, которые помогли американскому империализму подчинить ее своим интересам.

§ 3. УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НАД ЭКОНОМИКОЙ ЮЖНОЙ КОРЕИ

8 сентября 1945 г. американские войска высадились в порту Инчхон, чтобы принять капитуляцию японской армии на территории Кореи к югу от 38-й параллели.

11 сентября был учрежден специальный орган американских оккупационных войск — Американская военная администрация (АМГ), которая установила жесткий контроль над политической, экономической и идеологической жизнью Южной Кореи. В условиях оккупационного режима все указы, декреты и распоряжения Военной администрации имели силу закона.

Одним из своих первых указов, а именно указом № 2 от 25 сентября 1945 г. Американская военная администт-

[21] «U. N. Economic survey of Asia and the Far East», Bangkok, 1949, p. 140.

рация прибрала к рукам все бывшее японское имущество в Южной Корее. Согласно этому указу запрещались какие бы то ни было сделки и операции в отношении бывшей собственности японского правительства. Продажа имущества, принадлежавшего японским монополиям и отдельным предпринимателям, разрешалась при условии, что она не нанесет ущерба лицам корейской национальности, а выручка будет депонирована в Корейском банке. Однако эта оговорка была снята в указе АМГ № 33, вступившем в силу 12 декабря 1945 г. Этим указом Военная администрация облекла себя правом на все бывшее японское имущество [22].

В результате Американская военная администрация захватила промышленные и торговые предприятия, кредитные и финансовые учреждения, складские помещения, жилые дома, разнообразные земельные угодья, в том числе пахотную землю. Это означало, что Военная администрация получила возможность контролировать всю экономику Южной Кореи, ибо, как уже говорилось выше, японцам принадлежало от 70 до 90% капитала, вложенного в различные отрасли экономики. Достаточно сказать, что в руках АМГ оказалось 2690 предприятий горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, которые в годы японского господства давали бóльшую часть промышленной продукции Южной Кореи [23].

---

[22] В этом указе говорилось: «Права на все золото, серебро, платину, валюту, ценные бумаги, счета в финансовых учреждениях, кредиты и прочее имущество... любого типа и рода и доходы от него, принадлежавшего или контролировавшегося, прямо или косвенно, в целом или частично, на 9 августа 1945 г. правительством Японии или любым его органом, равно как любым из его подданных или корпораций, зарегистрированных или управляемых таковым, настоящим передаются Военной администрации в Корее по состоянию на 25 сентября 1945 г., и все такое имущество принадлежит Военной администрации в Корее».

Здесь и далее указы АМГ приводятся по тексту, опубликованному в «Чосон кёнчже ёнбо», 1948, отд. II.

[23] В руках Американской военной администрации в Южной Корее оказалось также 9096 торговых предприятий, 2818 складских помещений, 225 судов, 48 456 жилых домов, 324 404 чонбо пахотной земли и большое количество других земельных участков. Приводимые в американских и южнокорейских источниках и литературе данные о количестве бывшего японского имущества значительно разнятся друг от друга. Очень трудно сравнивать их ввиду различий в методах подсчета, в датах обследований и т. д. Здесь приведены данные из южнокорейской газеты 서울신문(«Сеул синмун»), 23.I.1955.

Все бывшее японское имущество, а правильнее говоря, собственность корейского народа, находилось в непосредственном ведении специального органа АМГ — Управления по охране имущества. Вся прибыль, получаемая от эксплуатации этого имущества, переводилась на счета Управления по охране имущества в Корейском банке. Несколько позже указом № 8 от 31 января 1946 г. вся бывшая японская собственность была передана в непосредственное ведение соответствующих департаментов и отделов Американской военной администрации. Особо уполномоченные чиновники департаментов и отделов осуществляли непосредственный контроль за сохранностью и управлением бывшей японской собственности.

Организационная структура Администрации, распоряжавшейся бывшей японской собственностью, осталась в том виде, в каком она существовала в годы колониального режима.

В этом отношении чрезвычайно интересна директива заместителя начальника АМГ Шитца от 27 апреля 1946 г., разосланная главам всех департаментов, управлений и провинциальным начальникам АМГ и предписывавшая, в частности, следующее: «Что касается осуществления указа № 33 в отношении юридических лиц, то существует мнение главного адвоката, что, хотя акционерный капитал (или другие связанные с ним интересы), принадлежащий Японии или японским гражданам (физическим или юридическим), был передан Военной администрации, но титул на активы этих юридических лиц остается у таких юридических лиц» [24].

Сохранив за бывшими японскими компаниями номинальное право на их имущество, Американская военная администрация назначила в качестве руководителей этих организаций своих управляющих, в большинстве случаев бывших служащих той же самой фирмы [25].

Деятельность этих управляющих строго контролировалась чиновниками АМГ. Даже выплата заработной платы не могла быть произведена без письменного разрешения соответствующего чиновника.

Американская военная администрация захватила все товарные запасы сырья, оборудования, строительных ма-

[24] «Ordinance, appointments, instructions», Seoul, 1946.
[25] G. M. McCune, *Korea today,* New York, 1950, p. 100.

териалов, продовольствия, а также различных других потребительских товаров, находившихся на складах «Корейской корпорации по контролю над важнейшими материалами» (указ № 24 от 25 ноября 1945 г.).

Эта бывшая японская правительственная компания, созданная в конце войны для строгого учета и контроля над распределением всех дефицитных товаров, также была сохранена (несколько изменилось только название) и использована Военной администрацией в своих целях. Хотя официально этому органу поручалась распродажа вышеперечисленного имущества, а также всего движимого и недвижимого личного имущества японских лиц, на самом же деле при его помощи было выявлено, взято на учет и вывезено в США все наиболее ценное стратегическое сырье, материалы и т. д. Общая стоимость сырья, вывезенного в США с октября 1946 г. по март 1948 г., составила более 185 млн. долл. Половина общей стоимости вывоза приходится на вольфрамовую руду [26].

Чтобы обеспечить беспрепятственный вывоз различных материальных ценностей из Южной Кореи, а также использовать южнокорейский рынок в своих интересах, Американская военная администрация ввела монополию внешней торговли [27]. Монополия внешней торговли открыла перед американскими концернами благоприятные возможности для сбыта лежалых товаров и подчинения южнокорейского рынка. В начале 1947 г. была создана «Корейско-американская торговая палата», которую возглавил президент «Колониэл траст компани» Артур Климэн. В правлении этой организации были представлены крупнейшие американские компании: «Интернэшнел телефон энд телеграф», «Калифорниа Тексас ойл», «Сокони вакуум ойл», «Интернэшнел бизнес мэшинз», «Американ форин иншуренс ассошиэйшн». Учредители Торговой палаты торжественно обещали «помогать» экономическому

[26] «Чосон чунъан ёнгам», 1949, стр. 315.

[27] Указ № 39 от 3 января 1946 г. гласил: «Транспортировка любого имущества, включая товары или ценности любого рода, в [Корею] или из Кореи по воздуху, суше, воде запрещается, за исключением тех случаев, когда транспортировка осуществляется лицами, должным образом уполномоченными начальником Военной администрации или такими органами или органом, какой может быть указан им в качестве агента Военной администрации в Корее». Позднее этот указ был дополнен и уточнен новыми распоряжениями.

развитию Кореи, как только стабилизуется политическая ситуация [28].

Американские монополии проявили в этот период значительный интерес к Южной Корее. Так, например, финансовым агентом компании «Новая Корея» (создана 12 ноября 1945 г. на базе ВКО), капитал которой составлял более 1 млн. долл., стал «Нэшнел бэнк оф Нью-Йорк», принадлежащий финансовой группе Моргана. Особую активность развила американская фирма «Ориентал консолидейтид майнинг компани», один из руководителей которой, некий Сэмюэл Худ Долбер, был назначен советником по вопросам минеральных ресурсов при созданном в мае 1947 г. «временном правительстве» Ли Сын Мана [29]. Важно отметить и то обстоятельство, что многие крупные чиновники АМГ в Южной Корее, а также высшие офицеры американской армии на Дальнем Востоке одновременно были акционерами крупнейших компаний и банков США или даже занимали в них важные посты. Например, главнокомандующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке Дуглас Макартур был акционером одной из морганов ских фирм. Эти представители монополий, одетые в военную форму, стали новыми хозяевами южнокорейской экономики.

Главной опорой оккупационного режима США была южнокорейская реакция: помещики и крупная буржуазия. Из представителей этих двух классов формировались консультативные органы АМГ. В равной степени это относится и к «демократической палате представителей Южной Кореи» (февраль 1946 г.), и к «переходному законодательному собранию» (декабрь 1946 г.), и к «временному корейскому правительству» (май 1947 г.), куда не вошел ни один представитель трудящихся. В качестве консультативного органа по вопросам экономики в мае 1946 г. указом № 90 была создана «цент-

---

[28] «Soviet Russia today», New York, 1947, April, p. 34.

[29] Как отмечал видный консервативный корейский деятель Киль Су Хан, проживавший в США, лисынмановская клика получила от «Ориентал консолидейтид майнинг компани» 1 млн. долл., и, чтобы отблагодарить новых хозяев, Ли Сын Ман заявил в 1946 г., что все права на шахты и рудники не только в Южной, но и в Северной Корее будут переданы этой фирме. Заявление Ли Сын Мана вызвало возмущение общественности в Южной Корее, и Американская военная администрация предприняла дисциплинарные меры против южнокорейской прессы «за разглашение информации».

ральная экономическая комиссия», председателя и секретаря которой назначал глава Военной администрации. Привлекая корейских реакционеров через консультативные органы к сотрудничеству с оккупационными властями, Американская военная администрация стремилась создать видимость демократического управления и жалкими подачками отвлечь трудящихся от революционных выступлений в защиту независимости своей страны. Вместе с тем американский империализм надеялся с помощью южнокорейской реакции подавить национально-освободительное движение трудящихся Южной Кореи и укрепить социальную базу своего господства в стране.

§ 4. ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ ГОСПОДСТВА АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Оккупанты опасались, что непрекращающаяся борьба народных масс Южной Кореи против господства американских империалистов, выразившаяся в многочисленных забастовках, массовых демонстрациях и, наконец, в вооруженных выступлениях, а также успехи демократических преобразований в Северной Корее и предложения Советского Союза об одновременном выводе войск обоих государств сорвут экспансионистские планы американского империализма в отношении Кореи. Правящие круги США вынуждены были маневрировать, скрывая свои истинные намерения. Учитывая необходимость изменения форм и методов американского господства в Южной Корее, Военная администрация с лета 1947 г. начала подготовку сепаратных выборов на Юге и создания «национального» южнокорейского правительства, послушного США. Планы американских империалистов заключались в том, чтобы поставить у власти южнокорейских помещиков и крупную буржуазию и с их помощью превратить оккупированную территорию в военную базу и плацдарм для нападения на Китай и Советский Союз. Агрессивные круги США, напуганные решающими успехами китайской революции, большое внимание уделили созданию южнокорейской армии: было подсчитано, что содержание одного южнокорейского солдата обойдется правительству США по крайней мере в шесть раз дешевле, чем содержание американского солдата в Южной

Корее [30]. При этом правящие круги США рассчитывали возложить все расходы по содержанию армии на марионеточное правительство, предоставляя в его распоряжение оружие, боеприпасы и военную технику.

Для осуществления этих целей американскому империализму нужно было решить по крайней мере две сложные проблемы: во-первых, укрепить и расширить социальную опору будущего марионеточного режима, во-вторых, сохранить за помещиками и буржуазией основные позиции в южнокорейской экономике, причем в такой форме, которая наиболее полно отвечала бы интересам монополистического капитала США.

Социальная база господства американского империализма, которую составляли два класса — помещики и крупная буржуазия, в условиях широкого размаха национально-освободительной борьбы южнокорейских трудящихся была узкой и ограниченной. Американские империалисты сознавали, что если и удастся успешно провести сепаратные выборы и создать послушное правительство с помощью угроз, шантажа, подкупа и социальной демагогии, то все равно марионеточные власти не смогут проводить политику, угодную монополистическому капиталу США. Поэтому Американская военная администрация, не отказываясь от прямого подавления национально-освободительного движения вооруженной силой, предприняла шаги, направленные на его раскол. Широкий размах национально-освободительного движения в Южной Корее был обусловлен тем, что в нем наряду с рабочим классом активно выступали крестьянство и национальная буржуазия. Назревала аграрная революция, которая грозила смести помещичье землевладение, ликвидировать помещичью эксплуатацию. Для правящих кругов США была совершенно очевидна необходимость реформ сверху, которые предотвратили бы революционный захват

[30] В 1957 г. президент Мичиганского университета Джон Ханна писал в своем отчете Специальной комиссии Сената США: «Американскому народу следует знать, что содержание американской армии в Корее, равной по численности той, которую в настоящее время содержит Корейская республика (т. е. Южная Корея.—*Б. С.*) при американской помощи, будет стоить в 6—10 раз дороже, чем теперь» (J. A. Hannah, *Korea, Japan, Taiwan (Formosa) and the Philippines. Report on United States foreign assistanse programms.* Prepared at the request of the Special committee to study the foreign aid programm United State Senate, Washington, 1957, p. 13).

помещичьей земли, сохранили бы в основном помещичье землевладение и отвлекли бы крестьян от борьбы. Имея это в виду, Американская военная администрация с конца 1946 г. начала широко рекламировать земельную реформу, которую должно было провести в будущем «национальное» правительство. Одновременно было объявлено о ликвидации компании «Новая Корея» и распродаже ее земель частным лицам. В специальном декрете «временного правительства» Южной Кореи от 22 марта 1948 г. указывалось, что цель этого мероприятия — «содействовать тому, чтобы безземельные земледельцы-арендаторы стали независимыми сельскохозяйственными владельцами в интересах укрепления сельского хозяйства Кореи путем поощрения владения землей бо́льшим числом хозяев посредством продажи хозяйственной земли, ранее принадлежавшей японцам» [31].

Распродажа бывших японских земельных владений послужила прологом к земельной реформе, проведенной в Южной Корее в 1949—1951 гг. Эти два мероприятия, осуществление которых представляет собой два этапа одной и той же политики американского империализма и южнокорейской реакции, ускорили расслоение крестьянства, что привело, с одной стороны, к увеличению числа крестьян-бедняков, а с другой — к росту кулацкой прослойки в южнокорейской деревне. Рост этой прослойки способствовал расширению социальной базы лисынмановского режима [32].

---

[31] См. «Доклад Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи», — «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестая сессия», доп. № 12 (A/1881), Париж, 1951, стр. 63.

[32] Законом о земельной реформе устанавливался предельный размер надела — 3 чонбо. Весь излишек сверх этой нормы и все земли, сдававшиеся помещиками в аренду, подлежали продаже правительству, которое распределяло участки среди крестьян за плату, равную выкупным платежам. Как показывают исследования экономистов КНДР и СССР, в частности Ким Хан Чжу и И. С. Казакевича, земельная реформа нисколько не улучшила положения основной массы крестьянства. Помещики, используя двусмысленность формулировок в законе о земельной реформе и различные обходные маневры, утаили большое количество земли, подлежавшей продаже. Высокие выкупные платежи, отсутствие доступного кредита, снижение урожайности в результате недостатка удобрений — все это привело к колоссальной задолженности крестьян и потере ими земли. Даже «комиссия ООН по объединению и восстановлению Кореи» характеризовала ход реформы следующим образом: «Одно перераспределение земли, без общего экономического прогресса, не исключает воз-

Создание на территории Южной Кореи марионеточного государства поставило перед правящими кругами США вопрос о статусе бывшего японского имущества.

После того как Американская военная администрация, выражаясь языком ее указов, «облекла себя правом на все бывшее японское имущество», она неоднократно делала заявления о том, что намерена «распорядиться этим имуществом в пользу корейского народа», избегая, однако, предпринимать какие-либо конкретные шаги. Характерно в этом отношении свидетельство американского буржуазного ученого Маккюна, который писал: «Чтобы оправдать свое бездействие, Американская военная администрация заявляла о том, что окончательное решение этого вопроса (т. е. о бывшем японском имуществе. — *Б. С.*) будет осуществлено южнокорейским правительством лучше, чем американцами» [33]. В марте 1947 г. было наконец объявлено лишь о продаже мелких предприятий, принадлежавших ранее частным японским лицам. Бывшая собственность японского правительства не подлежала распродаже и должна была перейти к южнокорейскому правительству [34].

Распродажа бывших японских предприятий была проведена в очень незначительных масштабах и, по-видимому, не затронула промышленные и торговые предприятия. Во всяком случае, Маккюн отметил, что «программа распоряжения бывшим японским имуществом не была выполнена» [35]. В докладе генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи седьмой сессии Генеральной Ассамблеи также указывалось, что «в отношении земельной собственности Военная администрация смогла осу-

---

можности сосредоточения земли вновь в руках небольшого числа землевладельцев» («Доклад Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи»,—«Генеральная Ассамблея. Официальный отчет. Шестая сессия», доп. № 12 (A/1881), стр. 63. — Как указывают Ким Хан Чжу и И. С. Казакевич, земельная реформа в Южной Корее, несколько ослабив тормозящую роль феодальных пережитков в развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве, отнюдь не привела к подъему производительных сил [«Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945—1958 гг.)», М., 1959, стр. 152 и 155; Ким Хан Чжу, *Земельная политика американского империализма и марионеточного режима Ли Сын Мана в Южной Корее,* — «Кёнчже ёнгу», 1956, № 1, стр. 49, 50].

[33] G. M. McCune, *Korea today,* p. 98.

[34] Ibid., p. 99.

[35] Ibid.

ществить частичное распределение земли в марте 1948 г., но в отношении промышленного и коммерческого имущества такие шаги не предпринимались»[36].

Таким образом, бывшее японское имущество, представленное важнейшими предприятиями и учреждениями в области промышленности, торговли, финансов, транспорта и связи, оставалось в руках АМГ.

Наступил, наконец, момент, когда нужно было окончательно определить будущий статус «японской собственности». Перед правящими кругами США не стоял вопрос о том, кому ее передать: она должна была перейти в руки крупной буржуазии и помещиков, ставших опорой экономического и политического господства американского империализма в Южной Корее.

Разумеется, передача бывшего японского имущества этим классам не устраняла контроль американских монополий над экономикой южной части страны и была рассчитана только на то, чтобы замаскировать его.

Чрезвычайно сложное социально-экономическое положение Южной Кореи, а также стремление американских монополий подчинить ее экономическое и политическое развитие своим интересам обусловили возникновение государственного капитализма, составляющего одну из особенностей южнокорейской экономики. Государство, завладев наиболее важными промышленными объектами и кредитно-денежными учреждениями, получило возможность воздействовать на экономическую жизнь Южной Кореи (конечно, в тех пределах, в каких это вообще возможно в условиях капитализма и господства американских империалистов).

Государственный капитализм явился той формой, которая была приемлема для правящих классов Южной Кореи и для империалистов США. Марионеточное правительство укрепляло позиции крупной южнокорейской буржуазии, а американские монополии, используя государственно-капиталистические мероприятия, по-прежнему оставались хозяевами экономики Юга.

---

[36] «Доклад генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи. Организация и работа органа со времени его учреждения в феврале 1951 г. по 15 сентября 1952 г.», — «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Седьмая сессия», доп. № 19 (A/2222), Нью-Йорк, 1952, стр. 14.

Таким образом, государственный капитализм в Южной Корее выгоден в первую очередь американскому монополистическому капиталу. Поскольку государственный капитализм укрепляет также экономические позиции крупной буржуазии Южной Кореи, которая пришла к власти при поддержке империалистов США и ориентировалась в дальнейшем на американскую «помощь», постольку ни о какой антиимпериалистической направленности и, следовательно, прогрессивности государственного капитализма в Южной Корее говорить не приходится [37].

Передача бывшего японского имущества марионеточному правительству была зафиксирована в так называемом «предварительном финансовом и имущественном соглашении» от 11 сентября 1948 г. Это соглашение давало империалистам США возможность контролировать хозяйственную деятельность лисынмановского правительства, причем специально оговаривалась необходимость заключения «взаимно удовлетворительного» договора «о дружбе и торговле». Такой договор был подписан 10 декабря 1948 г. Содержание этого документа показывает, что под вывеской «помощи» американский империализм намеревался проводить колониалистскую политику превращения Южной Кореи в свой аграрно-сырьевой придаток [38].

§ 5. СОСТОЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГА В ГОДЫ ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА И АГРЕССИВНОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ КНДР

Хозяйничанье империалистов США особенно пагубно повлияло на состояние промышленности Юга. Даже в одном из докладов «временной комиссии ООН по вопросу о Корее» положение в промышленности было охарактеризовано следующим образом: «Состояние фабрик, шахт и транспортной системы, для которых нельзя было получить запасных частей, ремонтных средств, сырья, высококвалифицированных рабочих и административных кадров, было упадочным. Уровень промышленного про-

[37] Подробнее о государственном капитализме в Южной Корее см. в главе III, § 1.

[38] Подробнее об этом см. в главе III, § 2.

изводства в первой половине 1948 г. составлял 20% довоенного уровня» [39].

Уже к концу 1946 г. в южнокорейской промышленности стал ощущаться острый недостаток сырья, поскольку запасы, находившиеся на складах, иссякли; положение стало катастрофическим. Предприятия закрывались, резко сократилось число занятых, быстрыми темпами увеличивалась армия безработных. К марту 1947 г. по сравнению с 1943 г. число функционирующих предприятий обрабатывающей промышленности сократилось на 55%, а число занятых на них рабочих — почти на 48% [40]. Аналогичное положение было и в горнодобывающей промышленности. Уже в ноябре 1946 г. общее число безработных в обрабатывающей и горнодобывающей промышленности Южной Кореи составляло, по официальным данным, более 300 тыс. [41].

По свидетельству американского буржуазного экономиста Маккюна, «некоторые признаки улучшения начали появляться только в 1949 г.» [42]. Однако к началу американо-лисынмановской интервенции в КНДР в 1950 г. южнокорейская промышленность производила продукции в 2,5—3 раза меньше, чем в 1941 г. В ведущей отрасли обрабатывающей промышленности Южной Кореи, текстильной, объем производства составил 27,3%, а в цементной — только 6,6% от уровня 1941 г. [43]. Выплавка чугуна вовсе прекратилась.

Одним из показателей тяжелого положения южнокорейской экономики, и в частности промышленности, служит тот факт, что в 1949 г. валовые капиталовложения во все отрасли хозяйства составили всего 1,6% валового национального дохода Южной Кореи [44]. Южнокорейская буржуазия стремилась инвестировать капитал прежде всего в те отрасли, в которых была обеспечена быстрая оборачиваемость средств и высокая норма прибыли.

---

[39] «Первая часть доклада Временной комиссии ООН по вопросу о Корее», т. 1, — «Генеральная Ассамблея. Официальный отчет третьей сессии», доп. № 9 (A/575), Лейк Соксес, Нью-Йорк, 1948, стр. 30.— Имеется в виду уровень 1940 г.

[40] «Чосон кёнчже ёнбо», 1948, отд. I, стр. 202.

[41] Там же, стр. 203—204.

[42] G. M. McCune, *Gorea today*, p. 141.

[43] («Кукче сэнхваль»), Пхеньян, 1955, № 15, стр. 22.

[44] «Economic bulletin of Asia and the Far East. First quarter, 1950», vol. I, № 1, Bangkok, 1950, p. 20.

Представление о направлении капиталовложений можно составить по данным о новых акционерных обществах, созданных в Южной Корее вскоре после оккупации ее американскими войсками (табл. 1).

Таблица 1

Новые акционерные общества Южной Кореи
(конец августа 1947 г.) *

Отрасль	Число обществ	Объявленный капитал, тыс. иен	Оплаченный капитал, тыс. иен	Удельный вес оплаченного капитала %
Машиностроение	15	133 915	47 405	4,0
Химическая промышленность	37	138 950	50 137	4,3
Текстильная промышленность	31	72 581	26 391	2,3
Металлообрабатывающая промышленность	42	199 380	66 465	5,7
Электротехническая промышленность	16	46 634	12 244	1,1
Земледелие и лесоводство .	15	68 800	20 120	1,7
Военное строительство . . .	132	485 175	167 475	14,4
Торговля	251	1 600 910	479 792	41,2
Транспорт	36	169 260	73 402	6,3
Прочие	158	489 347	221 315	19,0
Итого . . .	733	3 404 952	1 164 746	100,0

* «Чосон чунъан ёнгам», Пхеньян, 1949, стр. 192.

Из табл. 1 видно, что в отрасли обрабатывающей промышленности было вложено немногим более 17% оплаченного капитала новых компаний, тогда как в военное строительство, транспорт (строительство и ремонт дорог и мостов, подвижного состава, железнодорожных путей, т. е. мероприятия военно-стратегического значения) и торговлю — почти 62%. В указанных отраслях хозяйства было создано более 50% всех новых компаний, на долю которых приходилось 66% всего объявленного капитала.

Это прямой результат политики американских империалистов. Перелив значительной части капиталов в сферу обращения объясняется тем, что поставки товаров по программе американской «помощи» открыли для южно-

корейских дельцов широкие возможности для торговых спекуляций. Сравнительно крупные (по отношению к отдельным отраслям обрабатывающей промышленности) вложения в военное строительство и транспорт были обусловлены тем, что Американская военная администрация поощряла создание подрядных организаций, занимавшихся строительством различных военных объектов и ремонтом дорог стратегического значения.

Такое направление капиталовложений усилило однобокий, колониальный характер структуры промышленности Южной Кореи. Диспропорция между различными отраслями южнокорейской промышленности еще более увеличилась в результате войны 1950—1953 гг. Развязанная американским империализмом и лисынмановской реакцией агрессивная война против КНДР привела к подрыву производительных сил как на севере, так и на юге страны. По официальным данным, в Южной Корее из строя вышло 43% промышленного оборудования, а общий ущерб, понесенный всей промышленностью, исчислялся 354 млн. долл. [45].

Большим разрушениям подверглись горнодобывающая промышленность и энергетика. В угольной промышленности было повреждено 50%, а в электроэнергетическом хозяйстве — более 40% оборудования [46]. От военных действий в той или иной степени пострадало около 40% производственных зданий и 37% оборудования обрабатывающей промышленности [47], особенно металлургии и машиностроения, так как основные предприятия этих отраслей находились в районе Сеул — Инчхон, где происходили наиболее ожесточенные бои [48].

В 1951 г. обрабатывающая промышленность Южной Кореи производила продукции на 48% меньше, чем в 1949 г. Экстренные меры марионеточного правительства и американских властей позволили увеличить объем производства в 1953 г. до 87% объема 1949 г.; в текстильной

[45] «An Economic programme for Korean reconstruction...», p. 27.
[46] Ibid.
[47] «Кёнчже ёнгам», Сеул, 1955, отд. I, стр. 127.
[48] Следует указать, что ущерб, понесенный КНДР в результате войны, развязанной лисынмановцами и американскими империалистами, по предварительным подсчетам, определяется в 420 млрд. вон. На ликвидацию последствий войны ушло три года напряженного труда. И тем не менее уже в 1957 г. трудящиеся КНДР приступили к выполнению пятилетнего плана.

и пищевой промышленности уровень производства в 1949 г. был даже превзойден (соответственно на 8% и на 1%). Но металлургия в 1953 г. давала только 37% объема производства 1949 г., а машиностроение — 44% [49].

Отставание этих отраслей обрабатывающей промышленности от других объясняется не только тем, что они наиболее сильно пострадали во время войны, но и тем, что американский капитал менее всего был заинтересован в восстановлении именно металлургии и машиностроения. Об этом свидетельствуют все дальнейшие действия американских империалистов в Южной Корее.

Характерна в этом отношении ситуация, сложившаяся в годы войны в угольной промышленности Южной Кореи. Как уже отмечалось, 50% оборудования этой отрасли вышло из строя. В 1951 г. добыча угля составила всего 15% объема 1949 г. Столь резкое снижение добычи угля грозило парализовать все отрасли хозяйства, что привело бы к катастрофе весь тыл американской и лисынмановской армии. Поэтому были приняты все меры для быстрейшего восстановления угольных шахт, вышедших из строя. В результате уже в 1953 г. добыча угля достигла 80% объема 1949 г. [50].

Положение в горнодобывающей промышленности Южной Кореи в целом было иным, чем в обрабатывающей. В годы войны (1950—1953) добыча золота, серебра, свинцовых и медных руд увеличилась по сравнению с 1949 г. более чем в два раза, а вольфрама — более чем в три раза. В 1949 г. железная руда не добывалась совсем, а в 1953 г. ее добыча составила около 19 тыс. *т*. Усиленная эксплуатация южнокорейских минеральных ресурсов была вызвана главным образом тем, что Южная Корея использовалась американскими империалистами как один из источников пополнения запасов стратегических материалов. Не могло быть и речи о том, чтобы слабая южнокорейская обрабатывающая промышленность смогла переработать добываемое сырье. В 1953 г. удельный вес продукции металлургии и машиностроения по сравнению даже с 1948 г. уменьшился в пять раз и составил всего 2% продукции всей обрабатывающей промышленности; доля текстильной и пищевой промышлен-

[49] «Кёнчже ёнгам», 1955, отд. I, стр. 118.
[50] Там же.

ности в 1953 г. увеличилась до 58%, т. е. на 4%. Одновременно в 2,5 раза уменьшилась доля химической промышленности [51].

Таким образом, в годы войны, развязанной американским империализмом и кликой Ли Сын Мана, уродливая диспропорция отраслей южнокорейской промышленности, однобокий характер ее развития еще более усилились. Промышленность Южной Кореи еще более специализировалась на добыче сырья и обработке полуфабрикатов, получаемых в порядке поставок американской «помощи». Резче обозначился аграрно-сырьевой характер южнокорейской экономики в целом.

Все это привело в послевоенный период к усилению зависимости южнокорейской экономики, и в частности промышленности, от американского капитала.

---

[51] Там же.

ГЛАВА ВТОРАЯ

УСИЛЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮЖНОЙ КОРЕИ ОТ АМЕРИКАНСКИХ МОНОПОЛИЙ ПОСЛЕ ВОЙНЫ 1950—1953 гг.

§ 1. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПОСЛЕВОЕННОГО РАЗВИТИЯ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Провал военной авантюры США и клики Ли Сын Мана в 1950—1953 гг. нанес серьезный удар по агрессивному внешнеполитическому курсу американского империализма во всем мире. Правящие круги США забеспокоились, и не без основания. По мнению официальных представителей Вашингтона от успехов или неудач дальнейшей американской политики в отношении Южной Кореи во многом зависел престиж США. Другими словами, Южная Корея занимала в послевоенный период важное место во внешнеполитических планах США. Это привело к расширению программы экономической и военной «помощи» и в конечном счете к дальнейшему вовлечению Южной Кореи в орбиту американской империалистической политики; южнокорейское правительство готово было пойти на все ради подачки из-за океана. На этой порочной основе в послевоенный период и укрепилось «сотрудничество» Сеула и Вашингтона. Не успели еще просохнуть подписи под соглашением о перемирии, как правящие круги США и Южной Кореи поспешили заключить «договор о взаимной обороне» (сентябрь 1953 г.), по которому США получили право на размещение своих сухопутных, воздушных и морских вооруженных сил на территории Южной Кореи и вблизи ее. В статье 6-й договора специально оговаривалось, что срок его действия неограничен [1].

[1] Текст договора см. в кн.: Kyung Cho Chung, *Korea tomorrow. Land of the morning calm,* New York, 1956, pp. 313—314.

В июле 1954 г. Ли Сын Ман отправился в Вашингтон, где обсуждал с президентом Эйзенхауэром «политические, военные и экономические аспекты послевоенного восстановления Южной Кореи». Результаты переговоров наглядно показывают тесное переплетение этих трех аспектов американской политики в Южной Корее [2].

Во-первых, Ли Сын Ман обязался «сотрудничать с США в своих усилиях объединить Корею» [3] и заверил заокеанских покровителей в том, что не вступит ни в какие переговоры с КНДР без консультации с США и не допустит объединения страны на демократической, миролюбивой основе. Неоднократные воинственные заявления Ли Сын Мана, нежелание его правительства рассмотреть миролюбивые предложения КНДР, отказ от помощи, которую КНДР не раз предлагала Южной Корее, и т. д. — все это результат политической зависимости южнокорейских властей от США.

Во-вторых, южнокорейское правительство, оставляя свою армию под контролем «командования ООН», т. е. генералов из Пентагона, обязалось иметь такие вооруженные силы, содержание которых «позволит сохранить эффективную военную программу, согласующуюся с экономической стабильностью и с наличными ресурсами» [4].

В-третьих, южнокорейское правительство должно было сотрудничать с США при распределении фондов «помощи», причем под контроль американских представителей подпадали не только средства, предоставляемые Соединенными Штатами, но и южнокорейские запасы иностранной валюты. В обязательства Южной Кореи входили также поощрение частного предпринимательства южнокорейской буржуазии, установление нового обменного курса хвана по отношению к доллару [5], отказ от закупок товаров в «коммунистических странах».

---

[2] Результаты переговоров были зафиксированы в «Согласованной памятной записке» правительств США и Южной Кореи от 17 ноября 1954 г. Текст см. в «The Department of State bulletin», vol. XXX, Washington, 1954, № 805, pp. 810—811.

[3] Ibid., p. 810.

[4] Ibid.

[5] Установление нового грабительского обменного курса (1 долл.=500 хван вместо 1 долл.=180 хван) было осуществлено исключительно в интересах американских монополий и американских властей в Южной Корее.

На условиях, описанных выше, правительство США соглашалось продолжать оказание Южной Корее военной и экономической «помощи», причем из общей суммы 700 млн. долл., ассигнованной на ближайший финансовый год (1954/55), 420 млн. долл. выделялось на прямые военные расходы. Как указывалось в «Согласованной памятной записке» правительств США и Южной Кореи от 17 ноября 1954 г., «в намерения США входят поддержка и укрепление военных учреждений Корейской республики, в том числе развитие системы резервистов» [6].

Такое тесное переплетение политических, военных и экономических интересов империалистов США в Южной Корее не могло не оказать существенного влияния на характер послевоенного восстановления южнокорейской экономики.

Разработка планов восстановления южнокорейской экономики проводилась в соответствии с рекомендациями американских представителей и при их непосредственном участии. Иначе и не могло быть, ибо финансирование программы восстановления производилось главным образом за счет американского капитала, предоставляемого в виде «помощи».

Еще до заключения перемирия, в апреле 1953 г., в Южную Корею был направлен специальный представитель президента США Генри Таска, который с группой консультантов занялся обследованием южнокорейской экономики. В августе 1953 г. он представил Эйзенхауэру специальный доклад, в котором были сформулированы основные принципы американской экономической политики в Южной Корее. В докладе подчеркивалось, что американская «помощь» должна быть направлена на решение двух задач: дать возможность южнокорейскому правительству восстановить разрушенную войной экономику и одновременно содержать большую армию. В докладе рекомендовалось сделать упор на капиталовложения в сельское хозяйство, горнодобывающую промышленность, транспорт и энергетику. Особое внимание специального представителя президента США привлекала южнокорейская горнодобывающая промышленность. По его словам, он был поражен богатством и разнообразием минеральных ресурсов Южной Кореи. В докладе указывалось на

[6] «The Department of State bulletin», vol. XXX, 1954, p. 810.

необходимость широкого геологического обследования южнокорейской территории и подчеркивалось, что даже небольшие капиталовложения в горную промышленность могут дать большой эффект [7]. Содержание доклада свидетельствует о том, что американский империализм заинтересован в сохранении и усилении аграрно-сырьевого направления южнокорейской экономики. Восстановление транспорта и энергетического хозяйства подводило необходимую базу прежде всего под развитие так называемых «экспортных отраслей» (добывающая промышленность, сельское хозяйство), подготовляло условия для вложений частного американского капитала.

Стремление американского империализма закрепить за Южной Кореей роль одного из своих аграрно-сырьевых придатков наглядно демонстрирует старую колониальную политику империалистических держав, прикрываемую ныне фиговым листком «помощи».

В Южной Корее маскировкой этой колониалистской политики является демагогический лозунг «превращения Южной Кореи в самообеспечивающуюся страну», т. е. не зависящую от иностранной помощи. Чтобы показать, что в действительности скрывалось под этим лозунгом, обратимся к планам восстановления южнокорейской экономики.

Первый план восстановления экономики Южной Кореи, составленный марионеточным правительством еще в 1951 г., был рассчитан на пять лет. По этому плану из общей суммы ассигнований в 3860,1 млн. долл. лишь 383,1 млн. долл., или менее 10%, предназначалось на капиталовложения в отрасли материального производства, причем 45,7% последней суммы было выделено для сельского хозяйства и рыболовства, а 38,6% — на развитие электроэнергетики, транспорта и связи. После заключения перемирия в качестве рекомендаций для южнокорейского правительства американскими советниками было составлено еще два плана. Первый — это так называемый «план Таска», разработанный под руководством уже упоминавшегося специального представителя президента США. Второй план был составлен в 1954 г. частной американской фирмой технических консультантов «Роберт

[7] «The Department of State bulletin», vol. XXIX, Washington, 1953, № 741, pp. 313—316.

Натан асошиэйшн» по поручению генерального агента «Органа ООН по восстановлению Кореи». Рекомендациями этих планов марионеточное правительство руководствовалось при составлении нового пятилетнего плана восстановления экономики на 1956—1960 гг.

Ассигнования по этому плану распределялись следующим образом (млн. долл.) [8]:

Сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство . . .	113
Горнодобывающая промышленность	50
Обрабатывающая промышленность	217
Электроэнергетика	135
Транспорт и связь	221
Образование, здравоохранение, строительство жилищ и предприятий общественного пользования	200
Сырье и потребительские товары	1150
Техническая помощь	23
Прочее	191
Итого . . .	2300

При рассмотрении ассигнований по второму пятилетнему плану прежде всего бросается в глаза тот факт, что ровно половину всех средств намечалось израсходовать на закупку сырья и потребительских товаров (хлопок-сырец, уголь, пшеница, бензин, нефть, пиломатериалы и др.). Предполагалось, что средства, направляемые в производство, составят 32% общей суммы. Более 48% капиталовложений в сферу производства предназначалось для вложений в энергетику, транспорт и связь, т. е. их удельный вес по сравнению с первым пятилетним планом увеличился более чем на 9%. Увеличились капиталовложения и в горнодобывающую промышленность. (По своему удельному весу они возросли в 2,7 раза.) Ассигнования на обрабатывающую промышленность по второму пятилетнему плану в сравнении с первым увеличились вдвое, и их удельный вес среди капиталовложений в сферу производства составлял около 30%. Однако это вовсе не означало укрепления южнокорейской экономики: был обойден вопрос о развитии металлургии и металлообработки.

[8] Составлено по данным, опубликованным в «Economic survey of Asia and the Far East, 1955», Bangkok, 1956, p. 142.

Средства, направленные в обрабатывающую промышленность, предполагалось израсходовать на строительство двух цементных заводов, завода листового стекла, трех заводов химических удобрений, небольшой верфи и на увеличение мощностей текстильной и бумажной промышленности.

Во втором пятилетнем плане в отличие от первого значительно уменьшились по своему удельному весу (почти в три раза) капиталовложения в сельское хозяйство, хотя абсолютное уменьшение было не таким резким (со 174,9 млн. долл. до 113 млн. долл.). Это объясняется прежде всего тем, что сельское хозяйство в несравненно меньшей степени пострадало от войны, чем промышленность. Кроме того, по первому пятилетнему плану на восстановление сельского хозяйства было ассигновано почти 50% всех средств, предназначенных для капиталовложений в сферу производства. Наконец, дальнейшее увеличение сельскохозяйственного производства в значительной степени зависело от развития обрабатывающей промышленности, в первую очередь от увеличения производства химических удобрений.

Авторы проекта второго пятилетнего плана делали главную ставку на иностранные источники финансирования: 78% всех средств предполагалось получить извне. В этом нетрудно убедиться, вычислив долю иностранного капитала в предусмотренных проектом ассигнованиях по следующим данным об источниках финансирования (млн. долл.) [9]:

Внутренние ресурсы марионеточного правительства	500
«Помощь» США	1500
Кредиты Международного банка реконструкции и развития	130
Иностранные (т. е. американские) частные капиталовложения	30
«Неопределенные» источники	140
Итого . . .	2300

При утверждении проекта второго пятилетнего плана сумма всех ассигнований была урезана до 1,7 млрд. долл.,

[9] Составлено по данным, опубликованным в «Economic survey of Asia and the Far East, 1955», p. 142.

причем 60% этих средств намечалось истратить на закупку сырья и потребительских товаров. В 1957 г., когда план был частично выполнен, он все же рассматривался марионеточными властями как «экспериментальный» [10].

Анализ планов восстановления южнокорейской экономики показывает, что в их основе лежали принципы, изложенные в докладе Генри Таска. Иными словами, южнокорейская экономика развивалась крайне однобоко. Основное внимание было уделено сельскому хозяйству и горнодобывающей промышленности. Увеличение ассигнований во втором пятилетнем плане на обрабатывающую промышленность не меняло дела, ибо при этом ставилась весьма ограниченная задача: сократить по возможности до минимума импорт потребительских товаров и сырья (цемент, химические удобрения, ткани, хлопчатобумажная пряжа, бумага, листовое стекло и т. п.). Это подтверждается и официальными представителями марионеточного правительства [11].

Таким образом, лозунг превращения Южной Кореи в «самообеспечивающуюся страну» отнюдь не означал оздоровления уродливой, колониальной структуры южнокорейской экономики. Под «самообеспечиваемостью» понималась способность Южной Кореи путем усиленного развития так называемых экспортных отраслей обеспечить импорт таких товаров, как станки (для текстильных предприятий), различное промышленное и транспортное оборудование. Короче говоря, аграрно-сырьевое направление в южнокорейской экономике до сих пор остается основным и преобладающим. Более того, Южная Корея вынуждена ввозить жидкое топливо и даже уголь.

Широко разрекламированные планы марионеточного правительства превратить Южную Корею к 1959—1960 г. в «самообеспечивающуюся страну» оказались иллюзорными. Уже в начале 1958 г. официальные представители США и Южной Кореи вынуждены были публично признать их провал. А в марте 1959 г. министр финансов южнокорейского правительства прямо заявил в интервью

[10] «Far Eastern economic review», vol. XXIII, Hongkong, 1957, № 23, p. 716.

[11] См., например, интервью министра финансов Южной Кореи корреспонденту журнала «Фар истерн экономик ревью» («Far Eastern economic review», vol. XXVI, Hongkong, 1959, № 13, pp. 431—432).

корреспонденту журнала «Фар истерн экономик ревью», что достижение самообеспечиваемости «весьма трудно предвидеть в ближайшем будущем» [12]. При этом лисынмановский министр ссылался на то, что решение данного вопроса зависит от того, как долго будет сохраняться военная напряженность в Корее и когда будет объединена страна. Это последнее высказывание было не чем иным, как неуклюжей попыткой оправдать в глазах общественного мнения милитаризацию Южной Кореи.

И после вывода китайских народных добровольцев из КНДР в 1958 г. армия США продолжает оккупировать территорию Южной Кореи, причем из американских частей сформирована атомная дивизия. Еще в 1956 г. лисынмановское правительство односторонним актом запретило деятельность Нейтральной комиссии по перемирию на территории Южной Кореи. В июле 1957 г. из Токио в Сеул был переведен штаб «войск ООН». В Южной Корее регулярно проводятся совместные маневры американских и южнокорейских войск.

По официальным данным, в 1953—1958 гг. расходы на «оборону» составили в среднем 50—55% бюджетных расходов марионеточного правительства [13]. Огромный дефицит государственного бюджета, возникавший в результате этих непроизводительных расходов, покрывался за счет так называемого эквивалентного фонда. Примерно за тот же период около 43% средств этого фонда было израсходовано на военные цели [14]. Таким образом, именно южнокорейские власти, действующие по указке из-за океана, стараются сохранить напряженность в Корее.

Правительство КНДР в послевоенный период неоднократно выдвигало конкретные предложения, направленные на скорейшее объединение страны. Однако всякий раз лисынмановское правительство категорически отказывалось вести переговоры и решительно противодействовало стремлению КНДР оказать материальную и медицинскую помощь населению Южной Кореи и наладить экономические связи между двумя частями страны. Юж-

---

[12] Ibid.

[13] 「韓國銀行調査月 」, 韓國銀行調査部, 서울, 1958, 六月, 9—10쪽 (далее: «Хангук ынхэн чоса вольбо»).

[14] Chae Kyung Oh, *Handbook of Korea,* New York, 1958, p. 350.— «Эквивалентный фонд» складывается из средств, получаемых от продажи населению товаров американской «помощи». Подробнее см. стр. 102—103, 105.

нокорейские власти отвергли предложение КНДР о бесплатной подаче электроэнергии в Южную Корею. Развитие торговли между КНДР и Южной Кореей крайне затруднено, ибо одно из условий, на которых предоставляется американская «помощь», — это отказ от торговли с «коммунистическими странами».

Таким образом, причину провала планов южнокорейского правительства следует искать в экономической зависимости Южной Кореи от американского империализма и в превращении страны в орудие его военно-политических замыслов на Дальнем Востоке.

Судя по официальным заявлениям представителей марионеточного правительства, экономика Южной Кореи к 1958 г. прошла стадию восстановления и началась стадия «экономического развития». Очевидно, основанием для таких заявлений послужил тот факт, что в 1957 г. валовой национальный продукт Южной Кореи несколько превысил крайне низкий уровень предвоенного 1949 года.

Чтобы выяснить характер изменений, происшедших в экономике Южной Кореи после войны 1950—1953 гг., обратимся к соответствующим статистическим материалам.

О тенденциях в экономике в известной мере можно судить по данным о валовом национальном продукте. Приводимые ниже цифры показывают динамику валового национального продукта Южной Кореи (в ценах 1955 г.) [15]:

	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Валовой продукт, млрд. хван	856,3	907,7	947,3	942,7	1033,9	1099,6
Индекс	100,0	106,0	110,6	110,1	120,7	128,4

Из приведенных выше данных видно, что валовой национальный продукт Южной Кореи в 1958 г. по сравнению с 1953 г. увеличился на 28,4%.

В течение 1954—1958 гг. среднегодовой прирост валового национального продукта Южной Кореи составлял

[15] «Korea. Its land, people and culture of all ages», Seoul, 1960, p. 236.

5,2%. Это очень высокие темпы даже для развитых капиталистических стран, не говоря уже о Южной Корее. При этом, однако, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что абсолютные размеры прироста валового национального продукта Южной Кореи были весьма невелики. В 1957 г. валовой национальный продукт был больше чем в 1953 г. всего на 241,3 млрд. хван, что в пересчете по официальному курсу хвана к доллару составит 486,6 млн долл. По сравнению с чрезвычайно низким уровнем 1949 г. увеличение валового национального продукта в 1957 г. составило всего 320 млн. долл. [16]. Нельзя не обратить внимание и на неравномерность прироста валового национального продукта. Если в 1954 г. валовой национальный продукт увеличился по сравнению с 1953 г. на 6%, то в 1955 г. он увеличился по сравнению с предыдущим годом только на 4,4%, а в 1956 г. не только не увеличился, но, наоборот, уменьшился по сравнению с 1955 г. на 0,5%. Резкий скачок в сторону увеличения произошел в 1957 г., но в 1958 г. годовой прирост валового национального продукта снова уменьшился. Эти данные наглядно свидетельствуют о неустойчивости южнокорейской экономики, испытывающей большие трудности, несмотря на регулярные долларовые субсидии.

В послевоенный период различные отрасли южнокорейской экономики восстанавливались неодинаковыми темпами, о чем свидетельствует сопоставление индексов роста доходов (1953 г. = 100) [17]:

	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1953 г.
Сельское хозяйство (растениеводство, рыболовство, лесоводство)	107,5	109,8	102,2	114,0	123,2
Промышленность в целом . . .	119,9	136,3	152,7	176,5	193,3
Горнодобывающая промышленность	82,9	98,7	139,5	156,6	256,6
Обрабатывающая промышленность	116,4	144,7	171,6	193,7	204,3
Строительная промышленность	138,8	125,5	109,0	139,2	148,6

[16] Chae Kyung Oh, *Handbook of Korea*, p. 386.

[17] Индексы вычислены на основании данных о доходах, полученных в каждой отрасли за соответствующий год (в официальных ценах 1955 г.). Эти данные заимствованы из книги «Korea. Its land, people and culture of all ages», p. 236.

Из приведенных данных видно, что промышленное производство Южной Кореи выросло в 1958 г. по сравнению с 1953 г. на 93,3%. Но при этом следует учитывать, что в 1953 г. восстановление обрабатывающей промышленности началось с очень низкого уровня. Для сравнения укажем, что за тот же период продукция сельского хозяйства увеличилась только на 23,2%. Это объясняется тем, что сельское хозяйство в меньшей степени, чем промышленность, пострадало от войны.

О том, как разница в темпах восстановления отдельных отраслей влияла на характер южнокорейской экономики в целом, в каком направлении шло ее развитие в послевоенный период, можно судить по следующим данным о доле различных отраслей в производстве продукции (%) [18]:

	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Сельское хозяйство (растениеводство, лесоводство, рыболовство) . .	75,1	74,6	72,7	69,1	68,3	68,0
Горнодобывающая промышленность	1,5	1,2	1,4	2,0	2,0	3,0
Обрабатывающая промышленность	14,4	15,5	18,4	22,2	22,3	21,6
Строительная промышленность	5,8	7,4	6,4	5,6	6,4	6,3
Энергетика (электроэнергия, газ)	3,2	1,3	1,1	1,1	1,0	1,1

Из этих данных видно, что удельный вес различных отраслей хозяйства Южной Кореи изменился незначительно. Структура южнокорейской экономики, отличительной чертой которой являлось аграрно-сырьевое направление развития, не претерпела существенных изменений.

На первый взгляд может показаться, что уменьшение в послевоенный период диспропорции между сельскохозяйственным и промышленным (горнодобывающая, обра-

[18] Составлено по данным о доходах в каждой отрасли (в официальных ценах 1955 г.), приводимых в книге «Korea. Its land, people and culture of all ages», p. 236.

батывающая и строительная промышленность) производством было положительным явлением (отношение доходов в сельском хозяйстве к доходам в промышленности снизилось с 3,5 : 1 в 1953 г. до 2,2 : 1 в 1958 г.). Однако это далеко не так. Как уже неоднократно отмечалось выше, горнодобывающая промышленность работала главным образом на внешний (американский) рынок и, следовательно, не была органически связана с развитием южнокорейской обрабатывающей промышленности. Внутри этой отрасли также существовала большая диспропорция. Таким образом, развитие горнодобывающей промышленности, по сути дела, вело к усилению однобокости южнокорейской экономики. Еще более односторонним и противоречивым был процесс восстановления обрабатывающей промышленности. Это видно из следующих данных о доле отраслей в валовой продукции (%) [19]:

	1948 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.
Тяжелая промышленность	38	18	24	20	20
в том числе:					
металлургия	4	4	3	3	3
машиностроение	6	6	6	6	6
химическая	28	8	15	11	11
Легкая промышленность	62	82	76	80	80
в том числе:					
текстильная	41	39	31	34	34
пищевая	13	24	28	30	31
прочие	8	19	17	16	15

Приведенные данные показывают основные тенденции восстановления обрабатывающей промышленности в послевоенный период. Совершенно очевидно, что рост производства в 1958 г. на 93,3% по сравнению с 1953 г. был достигнут почти исключительно благодаря развитию легкой промышленности. В самой легкой промышленности также наблюдается большая диспропорция: основная часть продукции приходилась на долю двух отраслей — текстильной и пищевой. Эти две отрасли в 1956 г. дали

[19] «Кёнчже ёнгам», 1955, отд. I, стр. 118; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 25.

приблизительно две трети продукции всей обрабатывающей промышленности.

Удельный вес тяжелой индустрии в обрабатывающей промышленности увеличился в послевоенный период крайне незначительно и в 1956 г. был на 18% ниже, чем в довоенном 1948 году.

Косвенные признания восстановления обрабатывающей промышленности однобоким можно встретить и в официальных отчетах. Так, в южнокорейском «Экономическом ежегоднике» за 1957 г. указывалось, что, «несмотря на увеличение производства, многочисленные отрасли промышленности не удовлетворяют потребности государства» [20]. В отчете Экономической комиссии для стран Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ) за 1956 г. отмечалось, что в Южной Корее «в 1956 г. производство во многих отраслях было значительно ниже уровня предвоенных лет» [21].

Подводя итоги вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, основным направлением в развитии южнокорейской экономики в послевоенный период было аграрно-сырьевое. Именно такой характер придавал южнокорейской экономике американский империализм для усиления зависимости Южной Кореи от «помощи» США.

Во-вторых, промышленное развитие имело однобокий и крайне непропорциональный характер. Горнодобывающая промышленность, как и в годы японского господства, была слабо связана с обрабатывающей, а ориентация на внешний рынок в конечном счете вела к усилению зависимости Южной Кореи от империалистических держав, в первую очередь от США. Отрасли легкой промышленности развивались в значительной степени безотносительно к своей производственно-технической базе — тяжелой промышленности. Особенно медленно восстанавливались металлургия и машиностроение, что также усиливало зависимость южнокорейской экономики от главного поставщика продукции этих отраслей — американских монополий.

В-третьих, способствуя усилению аграрно-сырьевого характера южнокорейской экономики, американский им-

[20] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 90—91.

[21] «Economic survey of Asia and the Far East, 1956», Bangkok, 1957, p. 178. — Имеется в виду уровень 1949 г.

периализм преследует достижение такой «самообеспечиваемости» Южной Кореи, при которой монополии США могут беспрепятственно грабить ее сырьевые ресурсы и использовать ее как рынок сбыта своих товаров и сферу приложения капиталов для получения максимальных прибылей. Аграрно-сырьевой придаток американской экономики — вот какая роль отведена южнокорейской экономике монополиями США.

Таким образом, экономическое развитие Южной Кореи в послевоенный период носит типично колониальный характер. В этом заключается экономическая основа усиления политической и военной зависимости Южной Кореи от американского империализма.

§ 2. ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

Основой энергетической базы Южной Кореи является угольная и электроэнергетическая промышленность. Месторождения нефти пока не разведаны, роль природного газа незначительна. Искусственное расчленение страны сильно ослабило энергетическую базу южнокорейской промышленности, в частности остро ощущается нехватка электроэнергии. К моменту окончания второй мировой войны на долю Юга приходилось не более 11% установленной мощности электростанций всей Кореи. В 1943—1944 гг. в южных провинциях было добыто всего 35% антрацита [22].

Ситуация осложнялась тем, что примерно 60% установленных мощностей электростанций Южной Кореи было представлено тепловыми электростанциями (ТЭС), работа которых зависела от снабжения их углем и жидким топливом [23].

Критическое положение, которое создалось в промышленности в связи с отсутствием топлива и электроэнергии, заставило оккупационные власти принять экстренные меры. Американскому военному командованию в Южной Корее пришлось установить в Пусане и Инчхоне плавучие электростанции (ПЭС), работавшие на жидком топливе. За время своего существования (1948—1955 гг.) они давали в среднем ежегодно треть всего количества

[22] «Кёнчже ёнгам», Сеул, 1955, отд. I, стр. 69 и 131.
[23] «Чосон кёнчже ёнбо», Сеул, 1948, отд. III, стр. 171.

электроэнергии, производившейся в Южной Корее [24]. Эта «помощь» Южной Корее стоила неимоверно дорого — 3,6 млн. долл. в год [25], и, кроме того, она не намного улучшила положение.

Угля также не хватало, несмотря на рост добычи. В 1949 г. было добыто немногим более 1 млн. *т* антрацита, т. е. на 680 тыс. *т* меньше, чем в 1943 г. В результате, чтобы покрыть дефицит, Южная Корея начала ввозить уголь.

После провала агрессивной войны 1950—1953 гг. против КНДР в экономических планах лисынмановского правительства, разработанных по рекомендациям американских советников, восстановлению и развитию энергетической базы отводилось важное место. Были созданы специальные южнокорейско-американские смешанные комиссии, которые занялись разработкой программ восстановления угольной и электроэнергетической промышленности.

В ведении комиссий находились и специально созданные «фонды восстановления». Средства для этих фондов черпались преимущественно из американской долларовой «помощи» и «эквивалентного фонда». Например, за первые три послевоенные года (1954—1956) в электроэнергетическую промышленность было вложено 56 369 600 долл. Из этой суммы лишь 2,5% составили капиталовложения марионеточного правительства [26]. Все производство и распределение электроэнергии было сосредоточено в руках трех правительственных фирм: «Чосон чонги чусик хвеса», «Сеул чонги чусик хвеса» и «Намчосон чонги чусик хвеса». При этом тарифные ставки оплаты потребляемой электроэнергии устанавливало южнокорейское «национальное собрание».

Основная часть угледобычи также приходится на долю государственных предприятий. В 1957 г. в Южной Корее насчитывалось 60 предприятий угольной промышленности с 9260 рабочими. Примерно 62% всего добытого угля в этом году дали шесть предприятий правительст-

[24] «Кёнчже ёнгам», 1955, статистическое приложение, стр. 127; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр 24.

[25] «Доклад генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи», — «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Седьмая сессия», доп. № 19 (A/2222), Нью-Йорк, 1952, стр. 15—16.

[26] A. J. Ellender, *Report on overseas operations of the United States government*, Washington, 1957, p. 144.

венной компании «Тэхан сектхан конса», на которых было занято около 7 тыс. человек [27].

Сосредоточение в руках государства электроэнергетической и угольной промышленности не случайно. Частный капитал был не в силах осуществить крупные капиталовложения в эти отрасли, хотя он и сыграл определенную роль в восстановлении угольной промышленности. Кроме того, острый недостаток электроэнергии и угля обусловил необходимость строжайшего контроля над их распределением в целях достижения «самообеспечиваемости». Крупные капиталовложения, осуществленные за счет «помощи», отвечали и интересам американского империализма, ибо подготовляли базу для частных иностранных капиталовложений.

О состоянии южнокорейской угольной промышленности можно судить по следующим данным (тыс. *т*) [28]:

	1949 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
План добычи . .	—	1220	1440	1760	2200	2740	3107
Добыча	1066	867	889	1308	1815	2441	2700
Ввоз	660	679	906	1065	972	741	700
Общее количество потребляемого угля .	1726	1546	1795	2373	2787	3182	3400

Как видно из этих данных, за послевоенные годы добыча угля увеличилась. Однако Южная Корея по-прежнему, как и в довоенные годы, в значительной мере зависит от ввоза, объем которого, несмотря на увеличение добычи, остался таким же, как и в предвоенном 1949 году. Добыча угля из года в год отставала от плана, составленного марионеточным правительством. По оценке американских экспертов потребности Южной Кореи в угле

[27] «Statistical yearbook 1958», United Nations, New York, 1958, p. 112; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 4, стр. 104.

[28] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 126; 1958, № 4, стр. 104; 1960, № 3, стр. 117—126; «An economic programme for Korean reconstruction...», p. 330; «Far Eastern economic review», vol. XXVIII, 1960, № 15, p. 805.

в 1957 г. определялись в 3740 тыс. *т* [29]. А план предусматривал на этот же год добычу всего 2740 тыс. *т*. Таким образом, предполагалось, что значительная часть потребностей Южной Кореи в угле будет удовлетворена за счет ввоза на средства американской «помощи».

Аналогичное положение наблюдается в электроэнергетической промышленности. Марионеточное правительство надеялось получить значительное количество электроэнергии в результате ремонта старых электростанций, установки более мощных трансформаторов и уменьшения потерь при передаче. Строились и новые электростанции. В начале 1957 г. в строй вошли четыре ТЭС общей мощностью 100 тыс. *квт* и одна ГЭС мощностью 20 тыс. *квт* в год. К середине 1957 г. общая мощность электростанций Южной Кореи составила 250 тыс. *квт*, что по сравнению с планом было меньше на 65 тыс. *квт* [30].

Общая картина производства электроэнергии в Южной Корее выглядит следующим образом (млн. *квт-ч*) [31]:

	1949 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
Общее производство	655	734	898	878	1118	1322	1512	1686,2
в том числе:								
ГЭС	202	394	513	478	517	419	—	—
ТЭС	320	129	120	186	601	903	—	—
ПЭС	133	211	265	214	0	0	0	0

Таким образом, в 1959 г. производство электроэнергии увеличилось почти в 2,6 раза по сравнению с 1949 г. Нужно еще учесть и то, что с 1956 г. ПЭС, установленные «командованием войск ООН», прекратили свою работу.

[29] «An Economic programme for Korean reconstruction...», p. 330.

[30] «Доклад генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи», — «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Двенадцатая сессия», доп. № 17 (A/3051), Нью-Йорк, 1957, стр. 22; «Кёнчже ёнгам», 1955, стр. 133.

[31] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 4, стр. 102; 1960, № 3, стр. 117—126.

Начиная с 1956 г. ТЭС давали, как и до 1949 г., больше половины всей электроэнергии. Однако потребности в электроэнергии намного превышали ее производство: в 1957 г. они определялись в 1,8 млрд. *квт-ч* [32].

Нехватка угля в стране создавала серьезные препятствия для развития электроэнергетической промышленности. Необходимость скорейшего ввода в строй новых мощностей заставила смешанные комиссии при строительстве новых электростанций остановить свой выбор на ТЭС. Это создало дополнительные трудности с топливом. В результате, несмотря на значительные капиталовложения, несмотря на некоторое увеличение добычи угля и производства электроэнергии, южнокорейская промышленность зависит от поставок американского угля и жидкого топлива по программе «помощи». «Стекольный завод, цементные заводы, все тепловые электростанции, за исключением Йонвольской, и более 60% из 1500 фабрик, имеющих собственные генераторы, — констатировал в апреле 1960 г. журнал „Фар истерн экономик ревью", — зависят от импортного топлива» [33].

Таким образом, развитие энергетической базы Южной Кореи, происходившее на весьма противоречивой основе, отстает от потребностей южнокорейской экономики. Это, естественно, замедляет восстановление других отраслей народного хозяйства, усугубляет его диспропорцию. Слабость энергетической базы серьезно осложняет экономическую обстановку на юге страны. На этой почве возникали даже разногласия между американскими представителями и марионеточными властями. Это можно показать на одном примере.

Южнокорейские власти систематически повышают тарифные ставки оплаты за потребляемую электроэнергию. Это ведет к тому, что большое число предприятий, главным образом мелких и средних, вынуждены свертывать производство или вовсе прекращать его. Однако, по мнению американских экономических «советников», ставки оплаты за электроэнергию недостаточно высоки, ибо не позволяют быстро окупить расходы. Несмотря на соответствующие «рекомендации», в 1957 г. южнокорейские вла-

---

[32] «An Economic programme for Korean reconstruction», pp. 352, 363.

[33] «Far Eastern economic review», vol. XXVIII, 1960, № 15, p. 805.

сти по этому вопросу заняли, как выразился сенатор Эллендер, «позицию несотрудничества» и отказались повысить ставки до уровня, требуемого этими «советниками», указав на то, что «командование войск ООН» не производит оплату потребляемой электроэнергии. Способ разрешения этого спора, предложенный Эллендером (он был уполномочен сенатской комиссией конгресса США по ассигнованиям обследовать результаты «помощи» США марионеточным режимам на Дальнем Востоке), ярко отражает сущность взаимоотношений между Сеулом и Вашингтоном. «Следует поставить в известность официальных представителей о том, что если положение не изменится, то в дальнейшем мы не дадим ни цента на оказание помощи», — писал Эллендер в своем отчете сенатской комиссии о результатах поездки в Южную Корею [34]. Угроза возымела действие. Тарифные ставки на оплату электроэнергии продолжали повышаться.

Этот пример еще раз убедительно свидетельствует о том, что подлинными хозяевами южнокорейской экономики являются американские империалисты.

§ 3. ГОРНОРУДНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Недра Южной Кореи содержат большое количество разнообразных полезных ископаемых. Наряду со всемирно известными залежами вольфрама и графита имеются богатые месторождения меди, марганца, магнезита, кобальта, молибдена, свинца, цинка. Золото и серебро чаще всего встречаются в соединении с другими полезными ископаемыми.

В то же время в Южной Корее обнаружено мало крупных месторождений железной руды. Кроме того, южнокорейская железная руда бедна содержанием металла (30—35%). Таким образом, сырьевые ресурсы одной из важнейших отраслей современной промышленности — металлургии явно ограничены. Японские империалисты были заинтересованы в эксплуатации богатых железорудных месторождений прежде всего в Северной Корее, в свою очередь американские монополии отнюдь не соби-

---

[34] A. J. Ellender, *Report on overseas operations of the United States government*, pp. 139—140.

рались развивать южнокорейскую металлургию. Они стремились прежде всего разведать запасы сырья, необходимого для военной промышленности США, например урановой руды.

Эксплуатация минеральных ресурсов Южной Кореи была и остается одной из важнейших задач американского империализма. Не удивительно, что добыча полезных ископаемых постоянно растет.

В 1953 г. в Южной Корее действовало 79 предприятий горнорудной промышленности (рудники, каменоломни, разработки неметаллических ископаемых) с 13,5 тыс. рабочих и служащих [35]. В конце октября 1955 г. предприятий насчитывалось уже 155, и на них было занято всего 15 117 человек. Такой незначительный рост числа занятых объясняется тем, что в 1950—1953 гг. все крупные рудники не прекращали работу и увеличение числа предприятий после войны произошло в результате ввода в действие мелких рудников, которые были распроданы правительством частным лицам. Вообще для горнорудной промышленности Южной Кореи характерно обилие мелких предприятий. Так, в конце 1955 г. насчитывалось всего 17 предприятий, на каждом из которых было занято более 200 человек. Мелкие рудники (до 50 занятых) составляли 60% всех горнорудных предприятий. Подавляющая часть продукции приходилась, однако, на долю крупных предприятий [36]. Так, например, три из 22 действовавших в конце 1955 г. вольфрамовых рудников дали 90% всей добычи вольфрамовой руды (эти три крупных рудника расположены в районе города Сандон) [37].

Все наиболее крупные предприятия принадлежат государству; сбыт минерального сырья на внешнем рынке является основным источником получения иностранной валюты марионеточным правительством (если не считать американскую «помощь»). В этом смысле развитие горнорудной промышленности южнокорейские власти рассматривают как одно из основных условий достижения «самообеспечиваемости».

---

[35] «Кёнчже ёнгам», 1955, статистическое приложение, стр. 206—207.

[36] 류계환, 전후 남조선 경제 형편, 평양, 1958, 68 페지 (далее: Ю Ге Хван, *Послевоенная экономика Южной Кореи*); «Кёнчже ёнгам», 1956, отд. IV, стр. 199.

[37] «Economic survey of Asia and the Far East. 1955», Bangkok, 1956, p. 144.

О размерах добычи полезных ископаемых в Южной Корее можно судить по следующим данным [38]:

	1944 г.	1949 г.	1953 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
Золото (рафинированное), *кг*	10 287	170	494	2 071	2 200	2 000
Серебро (рафинированное), *кг*	38 175	635	1 624	8 626	7 700	7 500
Железная руда, *т*	441991	—	18 971	185412	261025	281700
Медная руда, *т*	12 944	5 160	11 137	9 168	7 645	4 800
Свинцовая руда, *т*	6 996	117	255	1 844	2 437	500
Вольфрамовый концентрат, *т*	2 968	1 376	7 441	3 825	3 012	2 900
Молибденовый концентрат, *т*	570	19	16	27	68	—
Графит аморфный, *т* . . .	38 084	40 739	18 741	147341	94 026	82 400

Как показывают данные, добыча ряда полезных ископаемых в 1959 г. была намного меньше, чем в 1944 г. Но не нужно забывать, что 1944 год — это год военного максимума. Во время второй мировой войны часть минерального сырья потреблялась и обрабатывалась на месте, в Корее, что было обусловлено военной обстановкой. Положение изменилось после окончания мировой войны, когда все отрасли обрабатывающей промышленности Южной Кореи, особенно отрасли первого подразделения, были парализованы и внутреннее потребление минерального сырья было сведено к минимуму. Между тем за 1949—1959 гг. добыча минерального сырья значительно увеличилась. Это объясняется ориентацией горнорудной промышленности исключительно на внешний рынок, что видно из данных табл. 2.

Бо́льшая часть минерального сырья, как явствует из табл. 2, экспортировалась. Более того, нередко экспорт превышал добычу соответствующего года. В этом нагляд-

[38] «Кёнчже ёнгам», 1955, отд. I, стр. 103; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1959, № 12, стр. 123; 1960, № 3, стр. 117—126. — Выплавка золота и серебра дается не на 1944 г., а на 1939 г.; добыча графита — на 1943 г.

но проявляется зависимость горнорудной промышленности Южной Кореи от внешнего рынка. «За исключением угля, — констатировал журнал „Фар истерн экономик ревью“ в апреле 1960 г., — почти все минералы в Южной Корее предназначаются для экспорта». И, поскольку обработка минералов развита слабо, «добыча их в значительной мере определяется тенденциями на мировом рынке».

Неблагоприятная рыночная конъюнктура приводила к тому, что создавались запасы, которые подлежали реализации при новом увеличении спроса. В зависимости от спроса на внешнем рынке колебался объем добычи того или иного минерала. Это характерное для горнорудной промышленности явление наглядно иллюстрируется положением на вольфрамовых рудниках.

На уровень добычи вольфрама в Южной Корее большое влияние оказали закупки США, осуществлявшиеся в соответствии с двумя программами на основе законов «о накоплении стратегических материалов» (июль 1946 г.) и «о производстве на оборону» (сентябрь 1950 г.).

31 марта 1952 г. правительство США заключило с марионеточным правительством специальное соглашение о поставках вольфрама. Переоборудование южнокорейских вольфрамовых рудников было поручено американской фирме «Юта констракшн компани». В результате добыча резко возросла. В 1952—1954 гг. вольфрамовый концентрат составлял по стоимости в среднем 60% всего южнокорейского экспорта (1952 г. — 62,2%, 1953 г. — 68,3%, 1954 г. — 50,5%) [39].

В марте 1954 г. срок соглашения между США и Южной Кореей истек. Накопив за эти годы большие запасы вольфрама, США отказались продлить соглашение и одновременно сильно сократили закупки на мировом рынке. Цены катастрофически начали падать. Не желая терять рынки сбыта и источник иностранной валюты, южнокорейское правительство было вынуждено продавать вольфрам по ценам, не окупающим издержек производства. Когда мировые цены на вольфрам после резкого падения относительно стабилизировались, на авансцену вновь выступили США. Однако если раньше Южная Корея почти исключительно продавала свой вольфрам прави-

[39] «Far Eastern economic review», vol. XX, 1956, № 22, p. 679.

	1955 г.		1956 г.	
	Добыча, *т*	Отношение экспорта к добыче, %	Добыча, *т*	Отношение экспорта к добыче, %
Вольфрамовый концентрат . . .	3 146	70,4	3 742	экспорт превышает добычу
Молибденовый концентрат . . .	21	экспорт превышает добычу	25	то же
Марганцевая руда	3 482	то же	1 958	„ „
Свинцовая руда .	1 365	91,8	2 902	„ „
Железная руда .	—	—	62 867	67,1
Электролитическая медь . . .	328	54,9	907	70,4
Металлический висмут	105	экспорт превышает добычу	172	экспорт превышает добычу
Аморфный графит	89 948	80,5	60 586	то же
Пирофилит . . .	4 769	экспорт превышает добычу	7 963	84,9
Тальк	6 203	то же	6 267	экспорт превышает добычу
Флуорит	10 074	„	3 113	то же
Каолин	14 143	29,8	9 387	80,2

* Составлено по данным: «Mining development in Asia and вольбо», 1959, № 12, стр. 123; 1960, № 3, стр. 117—126; «Far

Таблица 2

минерального сырья *

1957 г.		1958 г.		1959 г.	
Добыча, *т*	Отношение экспорта к добыче, %	Добыча, *т*	Отношение экспорта к добыче, %	Добыча, *т*	Отношение экспорта к добыче, %
3 825	76,8	3 012	экспорт превышает добычу	2 900	экспорт превышает добычу
27	экспорт превышает добычу	68	то же	—	—
3 025	то же	—	—	500	экспорт превышае добычу
1 844	»	2 437	экспорт превышает добычу	50)	то же
185 412	70,2	261 025	79,4	281 700	78,0
—	—	—	—	748	13,3
—	—	—	—	105	86,6
147341	экспорт превышает добычу	94 026	экспорт превышает добычу	82 400	—
4 680	то же	5 843	85,7	—	—
6 600	89,6	10 106	экспорт превышает добычу	—	—
5 120	экспорт превышает добычу	1 620	то же	—	—
6 622	то же	21 565	42,9	—	—

the Far East, 1956», Bangkok, 1957, p. 39; «Хангук ынхэн чоса Eastern economic review», vol. XXVIII, 1960, № 15, p. 804.

тельству США, то начиная с 1958 г. она имеет дело главным образом с частными фирмами. Пользуясь затруднениями Южной Кореи в области сбыта, американская компания «Континентэл ор корпорейшн» заключила в январе 1958 г. с южнокорейской правительственной компанией «Тэхан чунсок хвеса» соглашение, по которому американская фирма получила исключительное право в течение года на покупку и сбыт южнокорейского вольфрама во всех странах так называемого свободного мира, за исключением Японии. В соглашении предусматривалось также, что цены на южнокорейский вольфрам будут пересматриваться в зависимости от колебаний цен на мировом рынке. В конце 1958 г. соглашение было продлено еще на один год.

Колебание цен на мировом рынке отрицательно сказывалось на работе вольфрамовых рудников Южной Кореи. В январе 1957 г. цена за тонну вольфрамовой руды была 27 долл., в январе 1958 г.—11 долл., а в сентябре 1958 г. колебалась в пределах 7,5—9 долл. В результате только за шесть месяцев 1958 г. дефицит компании «Тэхан чунсок хвеса» составил 1 млрд. хван. В первой декаде октября 1958 г. предприятия этой компании (они дают 90% всей добычи вольфрама в Южной Корее) вынуждены были приостановить работу [40].

В 1955—1959 гг. на долю вольфрама приходилось в среднем 20% стоимости всего экспорта (1955 г. — 21,5%, 1956 г. — 36,6%, 1957 г. — 11,5%, 1958 г. — 16%, 1959 г. — 18%). Сокращение вывоза вольфрама после 1954 г. привело к резкому уменьшению общего объема южнокорейского экспорта: с 44,72 млн. долл. в 1953 г. до 17,96 млн. долл. в 1955 г. Колебания объема экспорта в последующие годы (1956 г. — 24,6 млн. долл., 1957 г. — 22,2 млн., 1958 г. — 16,45 млн., 1959 г. — 19,2 млн. долл.) в значительной мере зависели от увеличения или уменьшения вывоза вольфрама [41].

Зависимость от колебания цен характерна и для медных рудников Южной Кореи. В 1958 г. вследствие падения спроса (ввиду отсутствия рынков сбыта экспорт мед-

[40] 로동 신문 («Нодон синмун»), 1.II.1959; БИКИ, 11.III.1958, № 30, стр. 3.

[41] «Far Eastern economic review», vol. XX, 1956, № 22, p. 679; vol. XXVIII, 1960, № 15, p. 804; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1960, № 3, стр. 82.

ной руды в 1957 и 1958 гг. полностью прекратился) добыча медной руды уменьшилась на 17%. Дальнейшее падение спроса и высокие издержки производства (особенно в связи с падением мировых цен на медную руду) привели к тому, что 12 из 20 наиболее крупных рудников полностью прекратили работу, а остальные функционировали не на полную мощность [42]. В результате марионеточное правительство лишилось еще одного важного источника получения иностранной валюты. (В среднем за 1953—1956 гг. поступления от продажи медной руды составляли 416 тыс. долл. в год.) [43].

Приведенные примеры наглядно показывают всю несостоятельность и порочность политики американских империалистов и лисынмановцев в области экономического развития Южной Кореи. Однобокое развитие горнодобывающей промышленности в целом, неестественное разбухание отдельных ее отраслей (например добыча вольфрама) пагубно сказались на всей южнокорейской экономике. Постепенно рушились надежды марионеточного правительства достичь «самообеспечиваемости», делая ставку на развитие горнорудной промышленности. В обстановке продолжающегося понижения мировых цен на вольфрам и ухудшения условий сбыта в США был разработан проект меновой торговли с Южной Кореей. Суть этого проекта заключается в том, чтобы обменивать южнокорейский вольфрам на излишки сельскохозяйственных продуктов США [44]. Не исключена возможность, что этот проект будет утвержден. Как бы то ни было, само предложение этого проекта весьма характерно для политики американского империализма в Южной Корее, стремящегося превратить ее в рынок сбыта своих потребительских товаров. Ведь не предлагают же американцы обменивать вольфрам на машинное оборудование или хотя бы на химические удобрения, необходимые для увеличения сельскохозяйственной продукции Южной Кореи!

В 1953—1959 гг. значительно увеличилась добыча железной руды. И в этом случае рост добычи происходил в значительной степени вне связи с потребностями внутреннего рынка. Предполагалось, что импортером южноко-

---

[42] «Far Eastern economic review», vol. XXVII, 1959, № 12, p. 471.
[43] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 8, стр. 94—95.
[44] «Нодон синмун», 1.II.1959.

рейской железной руды будет Япония. Возлагаются надежды на японский рынок и в отношении сбыта вольфрама, графита и фосфора [45].

В 1951—1955 гг. на минеральное сырье приходилось в среднем 70% общей стоимости южнокорейского экспорта. В последующие годы ввиду затруднений со сбытом доля минерального сырья в экспорте уменьшается: 1956 г. — 63,4%, 1957 г. — 67,1%, 1958 г. — 55,4%, 1959 г. — 48% [46]. Эти затруднения явились одной из важнейших причин провала планов «самообеспечиваемости».

§ 4. ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Последствия раскола страны и хозяйничанья американских империалистов на юге ее отрицательно сказались, пожалуй, сильнее всего на южнокорейской обрабатывающей промышленности. Послевоенное восстановление ее характеризовалось крайней неравномерностью. Это привело к тому, что за послевоенные годы диспропорция между отдельными отраслями усилилась и вся структура обрабатывающей промышленности в целом приняла еще более уродливые формы.

В предвоенные годы ведущее место в обрабатывающей промышленности занимала легкая, а из всех отраслей последней преобладала текстильная промышленность. В 1948 г. на ее долю приходилось более двух пятых валовой продукции обрабатывающей промышленности, т. е. больше, чем на долю металлообрабатывающей, машиностроительной и химической, вместе взятых (табл. 3).

Уровень развития тяжелой индустрии был очень низок. Для предприятий ее отраслей характерен чрезвычайно низкий органический состав капитала, почти все они заняты первичной обработкой сырья, изготовлением полуфабрикатов, сборочными и ремонтными работами. Таково было наследство, доставшееся Южной Корее от японского господства. За послевоенные годы положение в обрабатывающей промышленности изменилось, но в

[45] «Far Eastern economic review», vol. XXVI, 1959, № 13, pp. 431—432.

[46] Ю Ге Хван, *Послевоенная экономика Южной Кореи*, стр. 81; «Far Eastern economic review», vol. XXVIII, 1960, № 15, p. 804.

худшую сторону. Прежде всего значительно увеличился удельный вес легкой промышленности. Если в 1948 г. на долю двух отраслей, текстильной и пищевой, приходилось немногим более половины общей стоимости продукции обрабатывающей промышленности, то в 1955 г. — уже примерно две трети. За этот же период доля отраслей тяжелой индустрии в валовой продукции обрабатывающей промышленности понизилась приблизительно с двух пятых до одной пятой.

Таблица 3

Главные отрасли обрабатывающей промышленности Южной Кореи*

Отрасли промышленности	1948 г., январь			1955 г., октябрь		
	число предприятий	число занятых**	доля в валовой продукции	число предприятий	число занятых	доля в валовой продукции
Металлургическая и металлообрабатывающая . . .	414	10 942	4	436	8 988	3
Машиностроительная . . .	637	19 280	6	638	11 103	6
Химическая	532	25 542	28	731	25 496	11
Силикатная	416	8 565	3	595	13 436	3
Текстильная	541	36 564	41	3217	75 779	34
Пищевая	781	19 665	13	1966	28 501	30
Прочие	873	21 327	5	1227	23 544	13
Итого . . .	4194	141 845	100	8810	186 847	100

* «Кёнчже ёнгам», 1949, отд. IV, стр. 176; «Кёнчже ёнгам», 1956, отд. IV, стр. 198—200; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 25.

** В таблице учтены предприятия с числом рабочих 5 и более.

При этом наиболее резкие изменения произошли в химической промышленности: ее доля в валовой продукции обрабатывающей промышленности уменьшилась более чем в два раза, несмотря на то что число действующих предприятий несколько повысилось, а занятость осталась прежней. Это подтверждает, что для химической промышленности Южной Кореи характерен низкий органический состав капитала. Основными видами ее продукции были

резиновая обувь, мыло, автомобильные и велосипедные камеры и шины, производство которых не требует сложного современного оборудования.

В металлургической и металлообрабатывающей промышленности в 1948—1955 гг. число занятых уменьшилось при незначительном увеличении числа действующих предприятий. В валовой продукции обрабатывающей промышленности эта отрасль заняла последнее место наряду с вспомогательной отраслью тяжелой индустрии — силикатной (главным образом производство цемента). Южнокорейская металлообрабатывающая промышленность к 1960 г. насчитывала только три сравнительно крупных предприятия, из которых одно после войны 1950—1953 гг. почти не функционировало, а два других значительно сократили объем производства.

В послевоенный период доля машиностроения в общем объеме производства обрабатывающей промышленности не изменилась. По-прежнему эта отрасль — одна из самых отсталых. Обращает на себя внимание тот факт, что число занятых в ней сократилось приблизительно на 57%, хотя число действующих предприятий фактически осталось прежним. Сокращение занятости объясняется, во-первых, тем, что наиболее крупные предприятия, на которых прежде работало по нескольку тысяч человек, во время войны серьезно пострадали, а в послевоенные годы восстановление их шло чрезвычайно медленно; во-вторых, в послевоенный период усилилась эксплуатация южнокорейских рабочих в результате капиталистической «рационализации производства», предпринятой марионеточным правительством.

Ведущей отраслью легкой и всей обрабатывающей промышленности по-прежнему осталась текстильная. Главную роль в ней играло хлопчатобумажное производство. С 1948 по 1955 г. число действующих предприятий текстильной промышленности увеличилось почти в шесть раз, а число рабочих — лишь немногим более чем в два раза, что свидетельствует о возросшей эксплуатации южнокорейских текстильщиков. В этой отрасли занято немногим меньше половины всех рабочих обрабатывающей промышленности Южной Кореи. Несмотря на абсолютное увеличение производства, доля текстильной промышленности в валовой продукции обрабатывающей промышленности в 1955 г. уменьшилась на 7%. Это

объясняется быстрым развитием пищевой промышленности, которое в значительной мере стимулировалось потребностями возросшей южнокорейской армии. В развитии пищевой промышленности наблюдались те же тенденции, что и в текстильной: увеличение производства за счет усиленной эксплуатации рабочих. В рассматриваемый период число действующих предприятий возросло примерно в 2,5 раза, а число рабочих — только в 1,5 раза.

Следует подчеркнуть и тот факт, что само развитие ведущих отраслей легкой промышленности таило в себе глубокие внутренние противоречия. Так, например, текстильная промышленность росла безотносительно к ее сырьевой базе, и в этом отношении она почти целиком опиралась на поставки по программе «помощи». Пищевая промышленность приспосабливалась к переработке американской пшеницы, которая поступала в Южную Корею в соответствии с программой сбыта излишков сельскохозяйственной продукции США.

Все это углубляло диспропорции в южнокорейской экономике и неизбежно усиливало ее зависимость от американского империализма.

Характерной чертой обрабатывающей промышленности Кореи в годы колониального господства японского империализма было обилие мелких предприятий. По данным японской статистики, в 1939 г. в Корее мелкие предприятия (с числом занятых 5—29) в обрабатывающей промышленности составляли 81,7%; на их долю приходилось 26,1% всех рабочих и 16,5% всей продукции обрабатывающей промышленности. Ведущую роль играли крупные предприятия (с числом занятых 200 и более). На их долю приходилось 39% рабочих и 61,8% продукции, хотя они составляли только 2% предприятий обрабатывающей промышленности [47].

Наличие в колониальной Корее большого числа мелких предприятий наряду с крупными объясняется историческим прошлым этой страны. Строительство крупных предприятий осуществлялось почти исключительно японскими империалистами и очень слабо было связано с удовлетворением внутренних потребностей самой Ко-

[47] 鈴木武雄, 朝鮮の經济, 日本評論社癸行, 東京, 昭和十七年 (Судзуки Такэо, *Экономика Кореи,* Токио, 1942). — Цит. по журн.: 경제연구 (далее: «Кёнчже ёнгу», Пхеньян, 1957, № 3, стр. 67.

реи. Эти предприятия обслуживали в основном нужды метрополии и японской военной машины. Вместе с тем феодальные пережитки сильно тормозили развитие капитализма в сельском хозяйстве и промышленности колонии. Взаимодействие этих двух факторов чрезвычайно сужало внутренний рынок. Наличие избыточной рабочей силы ввиду растущего аграрного перенаселения и жестокая колониальная эксплуатация позволяли предпринимателям удерживать заработную плату на нищенском уровне. Это также ограничивало емкость внутреннего рынка. Незначительный платежеспособный спрос основной массы населения Кореи удовлетворялся продукцией, производившейся мелкими предприятиями.

Как и для других экономически слаборазвитых стран Востока, наличие большого числа мелких предприятий характерно для Южной Кореи наших дней. К сожалению, материалы о мелких предприятиях Юга крайне скудны и отрывочны. К тому же в южнокорейской статистике этот вопрос достаточно запутан. Вследствие этого приходится ограничиться общей постановкой вопроса о роли мелких предприятий в обрабатывающей промышленности Южной Кореи.

Американский журнал «Уорлд трейд информейшн сервис», орган министерства торговли США, писал в одном из своих отчетов: «Производство обрабатывающей промышленности Южной Кореи ограничивается в основном производством для внутреннего потребления, причем значительная часть промышленной продукции изготовляется ремесленными методами на дому и небольшими фабриками. Имеется относительно немного больших заводов с порядочного размера вложениями в оборудование» [48].

Согласно официальной южнокорейской статистике в 1955 г. в Южной Корее из 8810 предприятий обрабатывающей промышленности 8116 предприятий, или 92%, относились к разряду мелких и мельчайших [49]. На них работало 109 033 человека, т. е. немного больше половины всех занятых в обрабатывающей промышленности [50]. В 1956 г.

---

[48] «World trade information service», pt 1, Washington, 1956, № 56—64, p. 6 (далее: WTIS).

[49] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 99—101. — К мельчайшим предприятиям южнокорейская статистика относит предприятия с числом занятых менее 10, к мелким — от 10 до 50.

[50] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 99—101.

основной капитал этих предприятий составлял всего 13%, а оборотный капитал — 87%. Заметим, кстати, что в 1943 г. соотношение основного и оборотного капитала было 49 и 51% [51]. Таким образом, в южнокорейской промышленности преобладали мелкие предприятия, отсталость промышленного оборудования которых возмещалась дешевизной рабочей силы. Об удельном весе мелких предприятий в обрабатывающей промышленности Южной Кореи можно судить по официальным данным южнокорейской статистики (табл. 4).

Таблица 4

Размеры предприятий обрабатывающей промышленности и их относительное число *, проценты

Число занятых на предприятии	1948 г.	1955 г.	Увеличение (+) или уменьшение (—)
Менее 10	30,0	44,9	+14,9
10 — 19	32,5	28,4	— 4,1
20 — 49	25,0	18,8	— 6,2
50 — 199	10,5	7,1	— 3,4
200 и более	2,0	0,8	— 1,2
Итого . . .	100,0	100,0	—

* «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1956, № 3. — Цит. по кн.: Ю Ге Хван, *Послевоенная экономика Южной Кореи,* стр. 43.

Повышение удельного веса мелких предприятий (с числом занятых до 50) с 87,5 до 92,1% произошло исключительно в результате роста числа мельчайших предприятий (менее 10 рабочих), тогда как удельный вес предприятий с 10—49 рабочими уменьшился на 10,3%. Очевидно, в условиях южнокорейской действительности мельчайшие предприятия с пятью-девятью рабочими были наиболее жизнеспособны.

Было бы неправильно объяснять уменьшение удельного веса средних и крупных предприятий исключительно

[51] 민주조선 («Минчжу чосон»), Пхеньян, 5.VIII.1958.

ростом мелких. Отчасти оно было вызвано и сокращением числа крупных предприятий. Так, в 1948 г. в обрабатывающей промышленности Южной Кореи насчитывалось 96 крупных предприятий с числом занятых более 200, а в 1955 г. осталось всего 71 [52]. В Южной Корее число современных крупных предприятий ничтожно мало: в 1955 г. только на семи из 8810 предприятий было занято по тысяче или более человек [53].

Таким образом, в обрабатывающей промышленности Южной Кореи численно преобладают мелкие предприятия. Однако ведущую роль в производстве играют крупные предприятия.

Приведем примеры. По официальным данным, относящимся к 1955—1957 гг., семь крупных хлопчатобумажных предприятий, на которых было сосредоточено 74% всех веретен и 83—91% всех ткацких станков, выпускали 71—73% всей продукции своей отрасли, тогда как примерно 3 тыс. остальных предприятий давали лишь 27—29% [54]. В пищевой промышленности около 67% производственных мощностей приходилось на четыре крупных предприятия [55]. Примерно то же самое можно сказать о металлообрабатывающей, машиностроительной, химической и других отраслях, в которых основную массу продукции производили крупные предприятия.

Можно полагать, что значительная часть мелких предприятий обрабатывающей промышленности, которые учитываются южнокорейской фабрично-заводской статистикой, относится к предприятиям мануфактурного типа, применяющим ручной труд.

В Южной Корее существует также группа мелких предприятий, которые на основании некоторых косвенных данных можно рассматривать как тип, переходный от мануфактуры к фабрике. Это так называемые механические мастерские.

В февральском номере за 1957 г. южнокорейского журнала «Чечжон» отмечалось: «...наша промышленность (обрабатывающая промышленность Южной Кореи. —

---

[52] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1956, № 3. — Цит. по кн.: Ю Ге Хван, *Послевоенная экономика Южной Кореи,* стр. 45.

[53] WTIS, pt 1, 1956, № 56—64, p. 6.

[54] 「산업은행월보」 («Саноб ынхэн вольбо»), Сеул, 1957, № 29, стр. 102; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 1, стр. 113.

[55] «Саноб ынхэн вольбо», 1957, № 28, стр. 39.

Б. С.) в ее господствующих формах не является промышленностью заводского типа, и ее следует рассматривать как простейшую форму мануфактуры» [56].

Большая группа мелких предприятий вообще не учитывается фабрично-заводской статистикой. Это преимущественно мельчайшие предприятия (с числом занятых менее пяти), на которых трудятся так называемые «семейные рабочие», т. е. глава семьи, его жена, дети и родственники. Производственным помещением такого предприятия является дом семьи, где и обрабатываются сырые материалы, полученные от скупщика или фабриканта. Это не что иное, как мастерские капиталистически занятых на дому рабочих. Однако южнокорейская статистика включает их в категорию «домашняя промышленность». Таким образом, допускается неправильное отождествление капиталистической работы на дому с домашней промышленностью, где, по определению Ленина, добыча и обработка сырых материалов не отделены друг от друга: «Домашней промышленностью мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает» [57]. Следовательно, домашняя промышленность и капиталистическая работа на дому — совершенно различные социально-экономические понятия.

В колониальной Корее капиталистическая работа на дому играла довольно заметную роль. Так, по данным японской статистики, в 1937 г. продукция мастерских капиталистически занятых на дому рабочих составляла 27,1% всей продукции обрабатывающей промышленности колонии, а в некоторых отраслях (деревообрабатывающая, пищевая) — более 50% [58].

В современной Южной Корее, по имеющимся отрывочным данным, капиталистическая работа на дому также занимает видное место в некоторых отраслях промышленности. Согласно официальной южнокорейской статистике, в 1956 г. на Юге насчитывалось 500 тыс. человек,

---

[56] Цит. по журн.: 「경제 건설」 («Кёнчже консоль»), Пхеньян, 1958, № 8, стр. 90.

[57] В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*,— Полное собрание сочинений, т. 3, изд. 5, стр. 328.

[58] 姫野實，朝鮮經濟圖表，朝鮮統計協会發行,京城,昭和十五年 274頁 (Химэно Минору, *Статистические данные об экономике Кореи*, Сеул, 1940, стр. 274). — Цит. по журн. «Кёнчже ёнгу», 1957, № 3, стр. 69.

занятых на мельчайших предприятиях (менее 5 рабочих), включая капиталистически занятых на дому. Следовательно, на этих предприятиях трудилось примерно в два раза больше рабочих, чем на учитываемых фабрично-заводской статистикой (с числом занятых 5 и более) [59].

В качестве примера возьмем хлопчатобумажное производство. В 1949 г. было произведено 107,2 млн. ярдов хлопчатобумажной ткани; 43 млн. ярдов [60], или более 40% продукции, приходилось на долю мастерских капиталистически занятых на дому рабочих. В 1952 г. из общей стоимости продукции текстильной промышленности в сумме 20 710 млн. вон стоимость продукции, произведенной мастерскими капиталистически занятых на дому рабочих, составила 4885 млн. вон, или приблизительно 23,5%; в 1953 г., когда началось сравнительно быстрое восстановление этой отрасли, удельный вес продукции мастерских капиталистически занятых на дому рабочих уменьшился до 20,4% [61].

Особый интерес представляют данные, относящиеся к послевоенному периоду. По пятилетнему плану восстановления южнокорейской текстильной промышленности, к 1960 г. намечалось довести производство хлопчатобумажной ткани до 206 млн. ярдов в год. При этом предприятия капиталистически занятых на дому рабочих должны давать ежегодно 45 млн. ярдов хлопчатобумажной ткани, т. е. 18% всей продукции [62].

В Южной Корее сохранился еще один тип мелких предприятий — ремесленные. В 1959 г. «Корейская национальная ассоциация ремесленников» объединяла около 50 тыс. человек. Индивидуальный спрос на изделия ремесла в самой Южной Корее невелик, они находят сбыт главным образом на внешнем рынке. Экспорт южнокорейской ремесленной продукции (включая продажу изделий ремесла личному составу «войск ООН») составляет в среднем около 500 тыс. долл. в год. Наибольшим спросом пользуются изделия из бронзы, а также лакированные изделия, инкрустированные перламутром.

---

[59] «Кёнчже ёнгам», 1957, статистическое приложение, стр. 282.

[60] «An Economic programme for Korean reconstruction», p. 394.— 1 ярд=0,9144 *м*.

[61] «Кёнчже ёнгам», 1955, отд. III, стр. 229.

[62] «An Economic programme for Korean reconstruction», p. 395.

Положение ремесленных предприятий крайне тяжелое. Вследствие постоянного роста цен на сырье — лак, олово, медь, латунь и пр. (только в течение 1959 г. они удвоились) южнокорейские ремесленники или вообще не в состоянии приобрести его, или не окупают издержек производства. Ассоциация ремесленников отмечала, что по этим причинам южнокорейские ремесленники не могут выполнять все заказы, получаемые из-за границы [63].

Таким образом, в промышленности современной Южной Кореи уживаются самые различные формы организации производства: ремесло, мануфактура, капиталистическая работа на дому и, наконец, фабрика; преобладают отсталые формы, свойственные начальному периоду развития капитализма. Это свидетельствует о неразвитости капиталистических отношений в Южной Корее. Земельная реформа, ускорившая развитие капитализма в Южной Корее, не привела, однако, к значительному расширению внутреннего рынка. В результате господства американских империалистов уровень жизни основной массы населения был настолько низким, что платежеспособный спрос населения мог удовлетворяться ввозными товарами и продукцией мелких предприятий. Не случайно наиболее быстро восстанавливавшаяся в послевоенный период текстильная промышленность вскоре начала испытывать трудности сбыта. По данным майского номера «Фар истерн экономик ревью» за 1959 г., возможное потребление хлопчатобумажных тканей на душу населения в Южной Корее в 1958 г. было равно 9,5 кв. ярда, а в 1938 г. — 12,8 кв. ярда. Приводя эти данные, журнал отмечает, что емкость внутреннего рынка в Южной Корее меньше, чем в годы японского господства [64].

В начале 1959 г. марионеточное правительство поставило вопрос о необходимости вывоза южнокорейского текстиля на внешние рынки, полагая обеспечить его конкурентоспособность низкой заработной платой рабочих-текстильщиков [65].

На узость внутреннего рынка Южной Кореи жалуются и американские монополии, рассматривая это обстоя-

---

[63] «Far Eastern economic review», vol. XXVI, 1959, № 13, p. 432; «The Korean republic», 1.IX, 14.IX.1959.

[64] «Far Eastern economic review», vol. XXVI, 1959, № 22, p. 747.

[65] «Far Eastern economic review», vol. XXVI, 1959, № 13, p. 432.

тельство как одно из главных препятствий, мешающих прибыльным вложениям частного капитала [66].

Это, конечно, не означает, что не происходит вытеснение мелких предприятий крупными. Выше отмечалось, что увеличение числа мелких предприятий в послевоенный период было обусловлено исключительно увеличением числа мельчайших предприятий (с числом занятых от 5 до 10) при одновременном сокращении мелких предприятий (с числом занятых от 10 до 50). Несомненно, что этот процесс означает постепенное уменьшение удельного веса мелких предприятий в промышленном производстве и рост крупных.

Мелкие предприятия испытывают чрезвычайные трудности в получении топлива, электроэнергии, сырья, кредита. Здесь все преимущества на стороне крупных предприятий, которые пользуются поддержкой южнокорейского правительства.

Значительная часть материальных ресурсов и денежных средств, предоставляемых марионеточным правительством крупному капиталу, черпается из американской «помощи».

Не имея необходимых денежных средств, южнокорейская буржуазия все чаще вынуждена обращаться к услугам банков. Американский журнал «Уорлд трейд информейшн сервис» писал по этому поводу, что «местные (южнокорейские. — *Б. С.*) частные капиталовложения состоят главным образом из денежных средств, взятых взаймы в Банке реконструкции и в коммерческих банках» [67]. Иллюстрацией может служить тот факт, что в 1952 г. ссудный капитал составил 63% всего капитала, которым распоряжались предприятия обрабатывающей промышленности, и по сравнению с 1943 г. увеличился на 14% [68]. Эта тенденция наблюдается и в последующий период. Так, в 1955 г. ссудный капитал составил 67% всего капитала предприятий текстильной, химической, машиностроительной и цементной промышленности, взятых вместе [69]. Особенность кредитной системы Южной Кореи заключается в том, что банковский и коммерческий кредит, контролируемый государством, имеет своим источником средства

[66] WTIS, pt 1, 1956, № 56—64, p. 6.
[67] Ibid.
[68] «Кёнчже ёнгам», 1955, отд. I, стр. 118—119.
[69] Цит. по журн.: «Кёнчже консоль», 1957, № 7, стр. 42.

«эквивалентного фонда». За 1953—1958 гг. 42% всех средств, выделенных государством на финансирование частных предприятий, были получены из «эквивалентного фонда». Таким образом, южнокорейская буржуазия чуть ли не половину необходимого ей денежного капитала черпала из американской «помощи». Большая часть этих средств шла на кредитование крупных предприятий. По сообщению сеульской газеты «Кенхян синмун» от 18 ноября 1958 г., 87% общей суммы кредитов государственных учреждений получили в 1958 г. крупные предприятия и только 13% — мелкие и средние [70]. Насколько трудным было положение мелких предприятий, вынужденных прибегать к ростовщическому кредиту, видно из того, что ставка ссудного процента даже коммерческих банков была 20% годовых [71].

Аналогичную политику проводило марионеточное правительство и в области снабжения электроэнергией. Система конкурентной распродажи товаров американской «помощи» (торги, аукционы) также была рассчитана на то, чтобы обеспечить преимущества крупному капиталу. Будучи не в состоянии конкурировать с крупными предприятиями непосредственно на аукционе, мелкие предприятия покупают товары на черном рынке по спекулятивным ценам. Таким образом, американская «помощь» попадает в руки крупной южнокорейской буржуазии, тесно связавшей свою судьбу с американским империализмом. Получение иностранной «помощи» обеспечивало преимущества для крупной буржуазии на внутреннем рынке, что вело к постепенному удушению мелких предприятий. Фактически же американский империализм, используя крупную буржуазию, подчинил южнокорейский внутренний рынок своим интересам, и за сравнительно короткий срок структура обрабатывающей промышленности Южной Кореи, как и всей ее экономики, приняла еще более уродливые формы.

§ 5. ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ (ОТРАСЛЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Металлургическая и металлообрабатывающая промышленность. Металлургия и металлообработка — самые отсталые и запущенные отрасли обрабатывающей про-

[70] Цит. по газ.: «Минчжу чосон», 21.I.1959.
[71] WTIS, 1956, pt 1, № 56—64, p. 9.

мышленности Южной Кореи. В 1955 г. насчитывалось 436 предприятий этой отрасли, что составило лишь 5% всех предприятий обрабатывающей промышленности. На этих предприятиях было занято 9991 человек, или 5% общего числа. В этой отрасли преобладали мелкие и мельчайшие предприятия (91% общего числа), на долю которых приходилось 63% занятых. Крупные предприятия составляли лишь 2%, а число занятых на них не превышало 17% всех занятых в этой отрасли [72].

Основной тип предприятий металлургической и металлообрабатывающей промышленности — это небольшая литейная мастерская, располагающая примитивным оборудованием для механической обработки грубых отливок. Очень часто такие литейные мастерские заняты еще и ремонтом несложных машин и сельскохозяйственных орудий.

Черная металлургия Южной Кореи представлена лишь двумя сравнительно крупными предприятиями современного типа. Первое из них — это чугунолитейный завод «Самхва», сооруженный и пущенный в ход во время второй мировой войны в районе г. Самчхок. Он представлял собой восемь небольших доменных печей общей производственной мощностью 20 *т* чугуна в сутки. Однако их среднемесячная продукция вплоть до 1950 г. не превышала 300 *т* [73]. После войны 1950—1953 гг. эти печи восстанавливались крайне медленно. Правительственной компании «Самхва» к июлю 1954 г. удалось восстановить три небольшие домны, но в сентябре того же года все работы были прекращены. Хотя марионеточное правительство намеревалось возобновить восстановительные работы в 1956 г., на деле они начались только в январе 1958 г., а в августе того же года вновь были приостановлены. В результате единственное в Южной Корее предприятие черной металлургии, которое располагало оборудованием, позволяющим производить чугун из местной руды, так и не достигло своей довоенной мощности [74].

---

[72] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 91.

[73] «Доклад генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи», — «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Седьмая сессия», Нью-Йорк, 1952, стр. 17—18.

[74] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 91; «Минчжу чосон», 5.VIII.1958.

Производство чугуна в послевоенный период было сосредоточено на мелких предприятиях; чугун выплавлялся в вагранках, сырьем для которых служил лом.

Сталелитейное производство было сосредоточено в районе Инчхона, на предприятии правительственной компании «Тэхан чунконоб конса», которое располагало электроплавильной печью мощностью 300 тыс. *т* стали в год. Находящиеся рядом металлообрабатывающие предприятия той же компании выпускали стальной прокат, стальное литье, железную проволоку, стальной трос, гвозди. Сырьем для упомянутых предприятий служил железный лом. До 1945 г. сталь и другие виды сырья для металлообрабатывающей промышленности поставлялись из Северной Кореи, металлургическим заводом в г. Сонним. Вообще сырьевая база южнокорейской черной металлургии очень слаба; недостаточно развито производство кокса.

В противоположность черной цветная металлургия имеет солидную сырьевую базу. Однако производственные мощности для переработки сырья явно недостаточны. Единственный крупный в Южной Корее завод по обработке руд цветных металлов расположен в Чанхане, близ Кунсана (провинция Южный Чунчхон). Он долгое время работал непроизводительно вследствие износа оборудования. В 1956 г. началось переоборудование завода с целью довести его производственную мощность до 350—400 *т* меди, 1000 *кг* серебра и 200 *т* свинца в месяц [75]. На этом же предприятии сосредоточено рафинирование золота.

Переоборудование этого государственного предприятия не было завершено даже в 1959 г. По сообщению журнала «Фар истерн экономик ревью» от 17 сентября 1959 г., Чанханский завод «в состоянии функционировать только при условии крупных субсидий, предоставляемых Министерством торговли и промышленности» [76].

Вследствие того, что это предприятие не могло удовлетворить внутренние нужды в электролитической меди, южнокорейские предприниматели потребовали от правительства Ли Сын Мана наложить эмбарго на экспорт

[75] «Доклад генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи». — «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Двенадцатая сессия», доп. № 17 (A/3651), Нью-Йорк, 1957, стр. 7.

[76] «Far Eastern economic review», vol. XXVII, 1959, № 12, p. 471.

этой продукции. Одна из крупных южнокорейских фирм даже вынуждена была планировать импорт электролитической меди за счет средств американской «помощи»[77]. Следует сказать, что затянувшееся переоборудование завода нельзя признать случайным или единичным: затягивание сроков строительства выгодно американским монополиям, которые тесно связаны с поставками по программе «помощи».

Представление о металлургической и металлообрабатывающей промышленности Южной Кореи дает табл. 5.

Таблица 5

Продукция металлургической и металлообрабатывающей промышленности Южной Кореи в 1949—1957 гг.*

Вид продукции	1949 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Чугун в чушках, *т*	0	63	680	167	0	0
Стальные болванки, *т*	700	3148	145	159	118	17 287
Стальное литье, поковки, заготовки, *т*	8130	6311	6 368	3 993	19 072	32 786
Чугунное литье, *т*	—	8000	12 000	10 000	8 000	11 189
Прокатно-тянутые изделия, *т*	—	2450	4 000	3 000	4 000	4 797
Железная проволока, *т*	3215	7000	6 000	6 000	7 840	5 795
Гвозди, *т*	2466	5740	5 000	5 331	6 201	6 844
Оцинкованное листовое железо, *т*	0	0	0	1 370	5 866	10 562
Золото, *кг*	152	494	1 628	1 463	1 552	2 071
Серебро, *кг*	635	1624	1 563	2 476	6 109	8 626
Электролитическая медь, *т*	—	199	240	328	907	793
Медная проволока, *т*	403	501	672	370	1 747	2 056
Листовая медь, *т*	—	24	48	120	140	168
Листовой свинец, *т*	—	36	24	30	30	40
Свинцовые трубы, *т*	—	60	48	60	60	69

* «Кёнчже ёнгам», 1956, стр. 193; «Кёнчже ёнгам», 1957, стр. 160, 기통계월보 («Тхонге вольбо»), Сеул, 1955, стр. 49—73; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 6, стр. 106; «Саноб ынхэн вольбо», 1958, № 32, стр. 201—202.

Не трудно увидеть, что уровень производства металла в Южной Корее крайне низок. Политика американского империализма, заинтересованного в аграрно-сырьевом

[77] Ibid.

направлении развития южнокорейской экономики, препятствовала увеличению спроса на металл на внутреннем рынке. Например, потребности Южной Кореи в 1958 г. составляли всего 40 тыс. *т* стали [78]. Хотя потребности в стали и железе увеличились по сравнению с 1949 г., когда они определялись в 14 800 *т* [79], этот рост стимулировался главным образом спросом южнокорейской армии. Но даже для того чтобы удовлетворить весьма скромные потребности на 1958 г., южнокорейской металлургии нужно было увеличить выплавку стали по сравнению с 1957 г. более чем в два раза. В действительности в 1958 г. было произведено 19,3 тыс. *т* стали. И даже в 1959 г., когда выплавка стали достигла 38,2 тыс. *т*, потребности Южной Кореи не были удовлетворены. Производство чугуна за последние два года также несколько увеличилось: в 1958 г. оно составило 2,6 тыс. *т*, а в 1959 г. — 8,3 тыс. *т* [80]. Однако этого количества черных металлов для исправления уродливой структуры южнокорейской промышленности недостаточно. Не случайно промышленно-экономическая газета «Саноб кёнчже синмун» писала, что производство стали и чугуна в Южной Корее «близко к нулю» [81].

В послевоенный период капитальное строительство в металлургической и металлообрабатывающей промышленности осуществлялось исключительно за счет внутренних ресурсов марионеточного правительства. Американская программа «помощи» не предусматривала ассигнований на строительство или восстановление предприятий этой отрасли. Частные южнокорейские предприниматели также не проявили интереса к этой отрасли вследствие своей экономической слабости, ограниченной емкости внутреннего рынка и медленной оборачиваемости капитала, характерной для тяжелой промышленности. «В нашей стране (в Южной Корее. — *Б. С.*), — говорится в южнокорейском „Экономическом ежегоднике" за 1957 г., — развитие сталеплавильных и медеплавильных заводов за-

[78] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 1, стр. 51—52.

[79] «Korean aid. Hearings before the committee on foreign affairs». House of representatives. 81 congress, I session on HR 5330, Washington, 1949, p. 80.

[80] Данные о производстве стали и чугуна в 1958 и 1959 гг. получены путем сведения месячных показателей, приводимых в журн. «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1959, № 4—12; 1960, № 1—3.

[81] 산업 경제 신문 («Саноб кёнчже синмун»), 5.X.1959.

труднительно без поддержки государственного капитала» [82].

Лишенная долларовых субсидий южнокорейская металлургия попала в затруднительное положение. Поскольку американский империализм был заинтересован в создании материально-технической базы для удовлетворения повседневных нужд американской и южнокорейской армии, было принято компромиссное решение: марионеточное правительство берет на себя расходы по вводу в строй необходимых мощностей, а правительство США предоставляет сырье. В сентябре 1954 г. между южнокорейской правительственной компанией «Тэхан чунконоб конса» и западногерманской фирмой «Демаг» (Дуисбург) был заключен контракт на строительство мартеновской печи с годовой производственной мощностью 45 тыс. *т* стали [83]. Печь вступила в эксплуатацию в конце октября 1956 г. [84].

В середине января 1955 г. между Министерством иностранных дел Южной Кореи и американским посольством в Сеуле было заключено административное соглашение, согласно которому железный лом и утиль, накопленный правительством США с начала войны в Корее (июнь 1950 г.), подлежал продаже южнокорейскому правительству за местную валюту. Соглашением предусматривалось, что полученные в результате этого средства будут расходоваться на поддержку южнокорейской военной программы. Правительство США получало право постоянного контроля над использованием предоставляемого сырья [85].

Характерно, что марионеточное правительство расторгло первоначальный контракт с фирмой «Демаг», который предусматривал строительство пятидесятитонной доменной печи, прокатного стана и гальванической установки. Проектом предусматривалась, между прочим, возможность выплавки 728 *т* первоклассного чугуна в месяц. Очевидно, южнокорейское правительство было вынуждено расторгнуть этот контракт под нажимом американских монополистов, не заинтересованных в создании законченного цикла металлургического производства в Юж-

[82] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 91.
[83] Chae Kyung Oh, *Handbook of Korea,* p. 249.
[84] Ibid.
[85] Ibid., p. 196.

ной Корее. Следует отметить, что мартеновская печь в Инчхоне (ее строительство обошлось в 1,4 млн. долл.), вступившая в эксплуатацию в октябре 1956 г., в декабре того же года прекратила производство из-за отсутствия огнеупорных материалов. Для закупки этих материалов южнокорейское Министерство финансов вынуждено было ассигновать 200 тыс. долл. из правительственных запасов иностранной валюты [86].

Организационные мероприятия марионеточного правительства также свидетельствуют о том, что сталелитейное производство стимулировалось преимущественно военными нуждами. В августе 1955 г. предприятия правительственной компании «Тэхан чунконоб конса», в ведении которой находились все крупные металлургические заводы, были переданы в непосредственное подчинение ведомству военно-морского флота. Правда, это мероприятие было чисто формальным актом, так как и раньше, когда эти предприятия находились под управлением Министерства торговли и промышленности, финансирование их происходило по линии военного ведомства [87].

Зависимость от поставок американского сырья, естественно, препятствовала созданию в Южной Корее собственной производственно-технической базы металлургии, усиливала диспропорцию мощностей внутри металлургической промышленности. В частности, в Южной Корее практически отсутствует производство доменного чугуна. Таким образом, за послевоенные годы марионеточным правительством почти ничего не было сделано для того, чтобы преодолеть последствия раскола страны, столь пагубные для металлургии Юга.

Машиностроение. В колониальной Корее машиностроительная промышленность находилась в зачаточном состоянии. Ведущая ее отрасль — станкостроение — отсутствовала. Уровень других отраслей был чрезвычайно низок. Например, на электротехнических предприятиях изготовлялись главным образом электролампочки, причем вольфрамовая нить для них ввозилась из Японии. Судостроительная промышленность выпускала небольшие деревянные рыболовные суда. Предприятия сельскохозяйственного машиностроения, типа механических мастерских

---

[86] «The Korean republic», 26.I.1957; 2.II.1957.
[87] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 91.

или кузниц, изготовляли простейшие сельскохозяйственные орудия и первичные двигатели для нужд ирригации. Наиболее крупные предприятия были сосредоточены в районе Сеул — Инчхон. Здесь изготовлялось рудничное оборудование: дизели, компрессоры, шаровые мельницы и прочие несложные машины. В районах Сеула и Пусана находились вполне современные железнодорожные мастерские. В целом машиностроительная промышленность колониальной Кореи (75% всех предприятий этой отрасли находились на юге) обеспечивала потребности страны менее чем на 25% [88].

Почти все необходимые машины и различное оборудование ввозились из Японии. Корейские предприятия были заняты сборкой и ремонтом или, в лучшем случае, специализировались на производстве запасных частей.

За годы, истекшие с момента заключения перемирия в Корее, в южнокорейском машиностроении почти не произошло изменений.

По данным южнокорейской статистики, в 1955 г. насчитывалось 683 машиностроительных предприятия (7% предприятий обрабатывающей промышленности), на которых было сосредоточено около 13 тыс. человек, или 6% всех занятых в обрабатывающей промышленности. На долю мелких предприятий (95% общего числа) приходился 71%, а на долю крупных — 16% всех занятых в машиностроении [89].

После заключения перемирия машиностроительная промышленность Юга восстанавливалась чрезвычайно медленными темпами. По официальным данным, ее продукция в 1955 г. составила всего 55% и лишь в 1956 г. — 98% продукции 1949 г. [90]. Для сравнения укажем, что текстильная промышленность в 1956 г. давала 279% производства 1949 г. [91].

Машиностроение отставало по сравнению с предвоенными годами не только по объему производства, но и по ассортименту выпускаемой продукции. Так, например, на предприятиях компании «Чосон» после войны 1950—1953 гг. не было возобновлено изготовление рудничного

[88] «Чосон кёнчже ёнбо», 1948, отд. I, стр. 101. — Данные на 1940 г.

[89] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 92—93.

[90] Там же.

[91] Там же, стр. 90—91.

оборудования. В послевоенный период, как и в годы японского господства, южнокорейская машиностроительная промышленность выпускала лишь несложные машины для нужд сельскохозяйственной ирригации (насосы, дизели), велосипеды, некоторые виды электрооборудования, запасные части для автотранспорта и текстильной промышленности и т. д. (табл. 6).

Таблица 6

Производство основных видов продукции южнокорейского машиностроения *

Вид продукции	1949 г.	1953 г.	1956 г.	1957 г.
Насосы, шт.	0	3 784	5 000	—
Двигатели (дизели), шт.	0	4 170	8 177	7 817
Пружины, шт.	0	92 769	30 000	—
Поршни, шт.	2 160	9 347	30 000	—
Велосипеды, шт.	15 282	15 539	42 720	36 065
Швейные машины, шт.	0	0	23 347	23 622
Трансформаторы, шт.	1 080	1 499	1 319	709
Электросчетчики, шт.	3 970	645	0	—
Изоляторы, тыс. шт.	52	265	129	1 250
Электролампочки, тыс. шт.	1 889	1 544	2 717	3 268
Сухие батареи, тыс. шт.	277	137	2 231	2 766
Ремонт паровозов, шт.	15	427	471	—
Ремонт пассажирских вагонов, шт.	38	3 157	696	—
Ремонт товарных вагонов, шт.	338	44 546	16 990	—

* «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 93; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 8, стр. 107.

Данные, приведенные в табл. 6, неполны. Южнокорейская статистика не публикует сведений о производстве других видов продукции, изготовление которых играет важную роль для промышленности. Поэтому приходится довольствоваться лишь отрывочными данными. Так, известно, что в 1956 г. было произведено 2300 единиц 55 различных типов запасных частей для автомобильного транспорта. Этого количества хватало лишь для частичного удовлетворения гражданских и военных нужд [92].

[92] «Far Eastern economic review», vol. XXII, 1957, № 14, p. 435.

В том же году предприятия машиностроительной промышленности Южной Кореи изготовили 3600 *т* 25 различных типов запасных частей для текстильной промышленности. На 20 с лишним небольших заводах изготовлялись измерительная аппаратура, режущий инструмент, шарикоподшипники. В 1956 г. было произведено 350 *т* различных видов такого рода продукции [93].

Слабое развитие машиностроения усиливало зависимость южнокорейской экономики от американской «помощи». Во-первых, средства отпускались на закупку оборудования лишь для тех отраслей, развитие которых, по мнению американских империалистов, способствовало достижению «самообеспечиваемости», т. е. усиливало однобокий и уродливый характер южнокорейской экономики. Во-вторых, поставляя промышленное оборудование, американский империализм препятствовал созданию собственного машиностроения в Южной Корее и получал, таким образом, возможность использовать наиболее современные предприятия для обслуживания американской и южнокорейской армии.

В августе 1955 г. крупные в условиях Южной Кореи машиностроительные предприятия правительственной компании «Чосон» были переданы в непосредственное подчинение Министерству военно-морского флота. Военному ведомству были переданы в разное время все крупные заводы черной и цветной металлургии, а также угольная компания «Тэхан» [94].

К началу 1957 г. был создан, таким образом, своеобразный вертикальный «трест», объединявший наиболее крупные предприятия южнокорейской тяжелой промышленности. Это мероприятие, несомненно, свидетельствует о военных усилиях лисынмановского правительства и приспособлении южнокорейской экономики к нуждам армии.

Химическая промышленность. В колониальной Корее химическая промышленность, которая обслуживала в первую очередь японскую военную машину, достигла довольно значительного уровня развития. Расположенный на севере Кореи Хыннамский химический комбинат был одним из крупнейших предприятий такого рода на всем зарубежном Дальнем Востоке. Химические заводы южных

---

[93] Ibid.

[94] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 91.

районов страны работали преимущественно на сырье, доставлявшемся из северных провинций. После искусственного расчленения страны химическая промышленность Юга по мере истощения запасов сырья постепенно свертывала производство.

Если в 1948 г. южнокорейская химическая промышленность давала 28% валовой продукции обрабатывающей промышленности, то в 1956 г. эта цифра уменьшилась до 11%.

В химической, как и в других отраслях обрабатывающей промышленности Южной Кореи, преобладают мелкие и мельчайшие предприятия. В 1955 г. они составляли 82% общего числа; на их долю приходилось 33% всех занятых в химической промышленности [95].

Для химической промышленности Южной Кореи характерно прежде всего почти полное отсутствие основной химии, что говорит о низком уровне развития этой отрасли в целом. Соляная кислота, серная кислота, карбид кальция, цинковые белила — вот те виды продукции основной химии, которые производятся на предприятиях Юга. Об объеме производства этих видов продукции имеются лишь отрывочные данные, так как южнокорейская статистика избегает публиковать подобного рода статистические сведения. Однако даже эти скудные материалы позволяют представить достаточно ясную картину. Так, в 1955 г., когда химическая промышленность по основным показателям достигла уровня производства предвоенных лет, карбида кальция было изготовлено всего 2833 *т*, а серной кислоты — около 1500 *т* [96].

Для Южной Кореи с ее преимущественно аграрной экономикой громадное значение имело развитие производства химических удобрений. Между тем в 1948 г. Юг мог обеспечить свои нужды в химических удобрениях всего на 1% [97]. Во время войны предприятия по производству химических удобрений вышли из строя, но, по оценке экспертов, даже после восстановления могли дать не более 30 тыс. *т* химических удобрений в год, т. е. удовлетворить спрос лишь на 3% [98]. В послевоенный период

---

[95] Там же, стр. 82—83.

[96] «Far Eastern economic review», vol. XX, 1956, № 22, p. 681; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 68; 1958, № 8, стр. 106.

[97] «Korean aid...», p. 28.

[98] «An Economic programme for Korean reconstruction», p. 399.

химические удобрения стали одной из важнейших статей импорта Южной Кореи (12—15% в 1952—1957 гг.) [99]. За семь лет (1953—1959) Южная Корея импортировала более 5 млн. *т* химических удобрений на сумму около 319 млн. долл. Количество ввозимых удобрений увеличилось с 397 тыс. *т* в 1954 г. до 1108 тыс. *т* в 1959 г. В первом полугодии 1960 г. было ввезено около 658 тыс. *т;* ввоз такого же количества ожидался во втором полугодии [100].

Наиболее развитой отраслью химической промышленности Южной Кореи является резиновая (производство резиновой обуви, а также камер и шин для автомобилей и велосипедов). На 43 заводах по производству резиновой обуви в 1955 г. было занято приблизительно 40% всех рабочих химической промышленности [101]. Однако резиновая промышленность не имеет сырьевой базы и работает исключительно на импортном сырье, которое поставляется по программе американской «помощи». По этой программе за первые пять послевоенных лет (1953—1957) сырого каучука ввозилось в среднем на 2,5 млн. долл. в год [102].

Из других отраслей химической промышленности заметную роль играют мыловарение, производство красителей и пластических масс. Однако размеры этих производств невелики. Это можно видеть из данных табл. 7.

В послевоенный период южнокорейская химическая промышленность испытывала большие затруднения вследствие недостатка сырья, слабой технической оснащенности предприятий и узости энергетической базы. Приведенные в табл. 7 данные наглядно иллюстрируют это положение. Производство резиновой обуви и велосипедных шин в 1957 г. не достигло даже уровня предвоенных лет. Очень незначительно увеличилось производство кислорода; в 1957 г. резко сократился выпуск важнейшего вида основной химии — карбида. Между тем объем этих видов химической продукции в предвоенные годы был небольшим. Хотя производство мыла и красителей резко увеличилось уже в 1953 г., в последующее время оно оставалось на уровне этого последнего военного года.

---

[99] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 3, стр. 84—85.
[100] «The Korean republic», 30.VI.60.
[101] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 99—101.
[102] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 4, стр. 89.

Таблица 7

Основные виды продукции химической промышленности Южной Кореи в 1949—1957 гг. *

Вид продукции	1949 г.	1953 г.	1956 г.	1957 г.
Резиновая обувь, млн. пар . .	28,8	21,4	23,7	25,7
Велосипедные шины, тыс. комплектов	482	113	112	306
Хозяйственное мыло, *т* . . .	3 900	19 050	20 755	20 760
Красители, *т*.	1 000	2 500	4 453	3 886
Карбид, *т*	1 466	3 890	4 090	113
Пластические массы, *т* . . .	—	660	2 525	5 581
Кислород, тыс. *куб. м*	895	936	1 020	1 476

* «Кёнчже ёнгам», 1955, отд. I, стр. 121—122 и статистическое приложение, стр. 123; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 8, стр. 106—107.

В послевоенных восстановительных планах, разработанных марионеточным правительством и американскими специалистами, химической промышленности отводилось одно из первых мест. Поскольку достижение «самообеспечиваемости» Южной Кореи предполагало развитие ее экономики в аграрно-сырьевом направлении, увеличение сельскохозяйственного производства было невозможно без развития химии, — точнее, таких ее отраслей, как производство химических удобрений, ядохимикатов и т. п.

Большие требования к химической промышленности предъявляла и южнокорейская армия.

По программе американской «помощи» на восстановление и расширение старых предприятий, а также на строительство новых были ассигнованы значительные средства. На первые три послевоенных года (1954—1956) общая сумма капиталовложений в обрабатывающую промышленность определялась в размере 67 123 900 долл. (94,4% этой суммы — американская «помощь»). Из этой суммы приблизительно 50 млн. долл., или около 74%, было ассигновано на химическую промышленность. Из этой последней суммы 45,4 млн. долл. было ассигновано на строительство двух заводов химических удобрений и 280 тыс. долл. на строительство завода по производству

ядохимикатов [103]. Строить первый завод химических удобрений в г. Чхунчжу начала в ноябре 1958 г. американская фирма «Макгроу гидрокарбон компани» [104]. Контракт на строительство второго завода был подписан 31 января 1958 г. с западногерманскими фирмами «Лурги», «Сименс», «Демаг» [105]. Предусматривалось, что оба завода будут иметь одинаковую мощность: 85 тыс. *т* мочевины в год. Хотя планируемая мощность этих заводов намного выше производственных мощностей, имеющихся в Южной Корее, с завершением их строительства проблема химических удобрений отнюдь не будет решена. Дело в том, что они смогут дать всего лишь 20% требуемого количества удобрений [106].

В первое послевоенное трехлетие предусматривались значительные капиталовложения и в резиновую промышленность. Более 1,5 млн. долл. было израсходовано на расширение старого и строительство нового заводов по производству автомобильных шин и камер, на строительство завода регенерации каучука и завода по производству ускорителей вулканизации каучука. Характерно, что строительство этих заводов прямо мотивировалось необходимостью обеспечить не только гражданские, но и военные нужды.

Сравнительно крупная сумма была ассигнована также на расширение химико-фармацевтической промышленности.

Несмотря на крупные капиталовложения, химическая промышленность в целом далеко еще не удовлетворяет потребностей Юга. Строительство предприятий основной химии, за исключением тех, которые должны производить химические удобрения, не предусматривалось даже в будущем. Между тем Южной Корее требовалось в 1958 г. 60 тыс. *т* серной кислоты, а производственная мощность предприятий составляла только 10 тыс. *т*. В том же году требовалось 6 тыс. *т* каустической соды, а имеющиеся мощности позволяли дать только 360 *т* [107].

---

[103] Подсчитано по данным, опубликованным в кн.: A. J. Ellender, *Report on overseas operations of the United States government*, pp. 196—220.

[104] Chae Kyung Oh, *Handbook of Korea*, p. 248.

[105] БИКИ, 11.II.1958.

[106] «International financial news survey», vol. X, 1958, № 31, p. 254.

[107] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 1, стр. 51—52.

Силикатная промышленность. Важнейшими отраслями силикатной промышленности в Южной Корее являются производство цемента и кирпича.

Спрос на эти строительные материалы в послевоенные годы в связи с восстановлением промышленности увеличился во много раз. Однако существующие предприятия не были в состоянии удовлетворить потребности. Чтобы в какой-то мере уменьшить ввоз цемента по программе «помощи», из средств ЮНКРА была выделена 631 тыс. долл. на восстановление и расширение цементного завода в г. Самчхок, единственного цементного завода Южной Кореи. Кроме того, на средства, ассигнованные «Органом ООН по восстановлению Кореи», в 1955 г. началось строительство цементного завода в г. Мунгёне производственной мощностью 200 тыс. *т* цемента в год [108]. Хотя оба завода вступили в строй, они все же не могли удовлетворить спрос. В 1958 г. потребности Южной Кореи в цементе измерялись 500 тыс. *т* [109], а произведено было всего 296 тыс. *т*, а в 1959 г. — 358 тыс. *т* [110]. Потребности в цементе на 1960 г. определялись в 720 тыс. *т*. Однако, как заявил вице-президент компании «Констракшн ассошиэйшн оф Кориа» Цой Гён Юль, нехватка цемента в этом году составит около 400 тыс. *т* [111].

Производство кирпича непрерывно росло. В 1957 г. было выпущено 424 тыс. *т* кирпича, или примерно в четыре раза больше, чем в 1949 г. [112].

В 1957 г. вступил в строй стекольный завод в Инчхоне с производственной мощностью 120 тыс. ящиков листового стекла в год. Это единственный завод листового стекла на Юге. По мнению южнокорейских специалистов, его мощность достаточна для удовлетворения потребностей Южной Кореи.

Текстильная промышленность. На долю этой ведущей отрасли южнокорейской обрабатывающей промышленности в 1955 г. приходилось 34% всей ее продукции, 38% предприятий и приблизительно 43% занятых (88 372 человека). При этом на 99 предприятиях (с числом занятых

---

[108] Chae Kyung Oh, *Handbook of Korea*, p. 249.
[109] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 1, стр. 51.
[110] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1960, № 3, стр. 117—126.
[111] «The Korean republic», 25.III.1960.
[112] «Кёнчже ёнгам», 1955, статистическое приложение, стр. 124; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 8, стр. 106—107.

100 и более) из 3151 было сосредоточено более 40% всех рабочих текстильной промышленности [113]. Текстильная промышленность развивалась быстрее других отраслей обрабатывающей промышленности, так как была наиболее привлекательна для южнокорейских частных предпринимателей вследствие быстрой оборачиваемости капитала (главным образом в хлопчатобумажной промышленности). Кроме того, развитию ее придавалось важное значение в планах достижения «самообеспечиваемости». За пять послевоенных лет (с 1953 по 1958 г.) капиталовложения в текстильную промышленность составили довольно внушительную в условиях южнокорейской экономики сумму — 80 млн. долл. (табл. 8) [114].

Таблица 8

Продукция текстильной промышленности Южной Кореи в 1949—1958 гг. *

Вид продукции	1949 г.	1953 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Хлопчатобумажная пряжа, тыс. фунтов	28 167	29 310	67 592	91 281	97 500
Хлопчатобумажная ткань, тыс. кв. ярдов	63 668	60 415	103 525	138 805	207 100
Шелк-сырец, кван**	6 324	95 653	104 195	85 596	—
Ткани из натурального шелка, тыс. кв. ярдов . . .	—	2 002	2 343	3 147	—
Ткани из искусственного шелка, тыс. кв. ярдов	—	59 961	48 963	51 998	—
Шерстяная пряжа, тыс. фунтов . . .	562	723	345	819	800
Камвольная пряжа, тыс. фунтов . .	—	0	1 100	4 100	3 600
Шерстяная ткань, тыс. ярдов	—	400	200	500	4 600
Камвольная ткань, тыс. ярдов	—	2 600	4 000	4 200	

* «Кёнчже ёнгам», 1955, отд. I, стр. 124; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 8, стр. 107; «Far Eastern economic review», vol. XXVI, 1959, № 22, p. 747.

** 1 кван=3,75 *кг*.

[113] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 99—101; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 6, стр. 25.

[114] «Far Eastern economic review», vol. XXVI, 1959, № 22, p. 747. — В журнале указывается, что 60% этой суммы было почерп-

Наиболее развитой отраслью промышленности Южной Кореи является хлопчатобумажная, дающая около 80% всей продукции текстильной промышленности.

С 1949 по 1958 г. хлопчатобумажная продукция Юга увеличилась примерно в три раза и была немногим меньше, чем продукция хлопчатобумажной промышленности всей Кореи в 1938 г., причем производство хлопчатобумажной пряжи было даже выше, чем в 1938 г.[115]. Это объясняется, во-первых, тем, что основная часть производственных мощностей корейской хлопчатобумажной промышленности была сосредоточена на юге страны, во-вторых, тем, что в послевоенные годы в этой отрасли произошло обновление и даже увеличение основного капитала.

В 1948 г. в хлопчатобумажной промышленности Южной Кореи насчитывалось 315 тыс. веретен и 10 тыс. станков[116], а в 1958 г. — 468 тыс. веретен и 10,6 тыс. станков. По сравнению же с 1953 г. число установленных станков и веретен увеличилось приблизительно в 2,5 — 3 раза[117]. Обновление промышленного оборудования и наличие огромной армии безработных позволили капиталистам значительно усилить эксплуатацию южнокорейских рабочих-текстильщиков.

Ограниченная емкость внутреннего рынка тормозит развитие хлопчатобумажного производства, приводит к хронической недогрузке установленных мощностей. В течение 1953—1958 гг. на хлопчатобумажных предприятиях постоянно бездействовало около 31% веретен и 25% станков[118].

Картина будет неполной, если не упомянуть о сырьевой базе. В настоящее время южнокорейская хлопчатобумажная промышленность не имеет собственной сырьевой базы. Конкуренция импортного американского хлопка пагубно повлияла на местное производство. Посевные площади из года в год сокращались, сборы хлопчатника резко снизились. Если в 1953 г. Южная Корея могла обеспечить хлопчатобумажную промышленность собственным

нуто из средств иностранной «помощи». Однако делается оговорка, что это несколько завышенная оценка.

[115] «Far Eastern economic review», vol. XXVI, 1959, № 22, p. 747.

[116] «Korean aid...», p. 87.

[117] «Far Eastern economic review», vol. XXVI, 1959, № 22, p. 747.

[118] Ibid.

хлопком на 9%, то уже в 1958 г. процент самообеспечиваемости был равен нулю [119]. За пять послевоенных лет импорт хлопка-сырца увеличился более чем в три раза [120].

В 1957 г. в Южную Корею было ввезено хлопка-сырца на 26 400 тыс. долл. [121]. Иначе говоря, пресловутое «самообеспечение» Юга продукцией хлопчатобумажного производства также целиком зиждется на американской «помощи».

Производство тканей из натурального шелка — старейшая отрасль текстильной промышленности Кореи. Однако развито оно слабо. В 1952 г. производство шелка-сырца обеспечивало только 10% потребностей промышленности. В этой отрасли преобладает ручной труд. В 1952 г. на Юге насчитывалось 35 тыс. шелкоткацких станков, из которых около 20 тыс. приводилось в действие ручным или ножным приводом [122].

Значительно более развито в Южной Корее производство тканей из искусственного шелка. Однако эта отрасль, как и хлопчатобумажное производство, целиком зависит от привозного сырья. В 1957 г. по программе американской «помощи» было ввезено пряжи искусственного шелка на сумму более 12 млн. долл. [123]. Основная часть тканей из искусственного шелка идет на экспорт.

Шерстяное производство — самая отсталая отрасль текстильной промышленности Юга. Это и не удивительно, так как в Южной Корее нет своей сырьевой базы, и продукция этой отрасли не является предметом потребления для широких масс населения. До 1950 г. Южная Корея производила только грубошерстные ткани. После войны было налажено производство и камвольных тканей. Однако абсолютные размеры этого производства невелики; сырая шерсть и шерстяной топс целиком импортируются.

Пищевая промышленность. Эта отрасль занимает второе место в валовой продукции обрабатывающей промышленности. В 1955 г. на пищевых предприятиях было сосредоточено около 30 тыс. человек, т. е. примерно 14%

---

[119] Ibid.
[120] Ibid.
[121] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 4, стр. 88—89.
[122] «Доклад генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи», — «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Седьмая сессия», Нью-Йорк, 1952, стр. 18—19.
[123] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 4, стр. 89.

всех занятых в обрабатывающей промышленности. Подавляющее большинство предприятий — мелкие и мельчайшие [124].

Главные отрасли пищевой промышленности — очистка риса и помол зерна. Однако мощность оборудования в них недостаточна: в 1956 г. 65% всего зерна было обработано вручную в крестьянских хозяйствах [125]. Согласно планам достижения «самообеспечиваемости», основная продовольственная культура Южной Кореи — рис — должна была стать предметом экспорта в целях получения иностранной валюты. Так, например, в 1959 г. предполагалось экспортировать 200 тыс. *т* риса на сумму 30 млн. долл. [126]. Для того чтобы восполнить недостаток продовольствия, по программе американской «помощи» ввозится пшеница. В 1957 г. было ввезено пшеницы на сумму 22 809 тыс. долл. [127].

Поскольку производственная мощность мукомольных предприятий оказалась недостаточной, на их строительство по линии Управления международного сотрудничества (ИКА) было ассигновано более 1,5 млн. долл.

Южнокорейская пищевая промышленность производит также консервы, дистиллированный этиловый спирт, пиво, сакэ, сахар-рафинад. Производство сахара-рафинада основано целиком на импортном сырье, и объем его невелик (всего около 31 тыс. *т* в 1957 г.) [128]. Почти вся продукция консервной промышленности идет на снабжение армии [129].

---

[124] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 99—101.
[125] WTIS, pt 1, 1956, № 56—64, p. 7.
[126] «Far Eastern economic review», vol. XXVI, 1959, № 13, p. 432.
[127] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 4, стр. 89.
[128] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 8, стр. 106.
[129] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 61.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

§ 1. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Государственный капитализм является одной из особенностей экономики современной Южной Кореи. Анализ этой чрезвычайно сложной проблемы не входит в задачу данного исследования, в котором рассматривается вопрос о роли государственных промышленных предприятий в южнокорейской экономике и лишь в этой связи затрагиваются некоторые другие вопросы госкапитализма.

В июле 1948 г. вошла в силу конституция новоявленного марионеточного государства, разработанная в юридическом отделе Американской военной администрации. По этой конституции государство сосредоточивало в своих руках командные высоты экономики: добывающую промышленность, источники электроэнергии, транспорт, связь, финансы, внешнюю торговлю [1].

[1] В статье 85 говорится: «Рудники и другие важные источники минеральных ресурсов, морские богатства, водная энергия и естественные силы, которые могут быть использованы экономически, будут находиться во владении государства». Статьей 87 предусматривается, что в руках государства будут находиться весь транспорт и железные дороги, предприятия связи, учреждения финансового и страхового характера, электростанции, газоснабжение и водоснабжение. Внешняя торговля также ставилась под контроль правительства. Правда, в конституции содержалась оговорка о том, что «в случае общественной необходимости» частным лицам будут на определенный срок выдаваться лицензии на аренду государственной собственности. В статье 88 предусматривалось: «Для того чтобы удовлетворить настоятельные потребности национальной обороны или национальной жизни, частные предприятия будут передаваться в государственную собственность, или управление ими будет находиться под контролем либо наблюдением государства или юридических лиц, облеченных полномочиями по закону, когда это ока-

Все формальности, связанные с передачей бывшего японского имущества из рук АМГ в руки марионеточного правительства, были зафиксированы в так называемом «Предварительном соглашении об урегулировании финансовых и имущественных расчетов», подписанном представителями США и Южной Кореи 11 сентября 1948 г.

В начале декабря того же года южнокорейские власти официально взяли на себя административный контроль над этим имуществом и действующими предприятиями. Спустя год, 19 декабря 1949 г., марионеточное правительство опубликовало «Закон о распоряжении возвращенным имуществом» (так официально именуется бывшее японское имущество). Статьи 5 и 6 этого закона предусматривали, что «все предприятия горной промышленности, важные сталелитейные и машиностроительные предприятия, транспорт, связь, газо- и водоснабжение, энергетические предприятия, учреждения финансового и страхового характера, ранее принадлежавшие японским компаниям или японскому правительству, переходят в государственную собственность»[2].

Так американский империализм и южнокорейские марионетки распорядились собственностью корейского народа.

Каковы позиции государственного сектора в экономике, видно из следующего.

В горнодобывающей промышленности, например, на предприятиях правительственной компании «Тэхан сокткан» добывается около 70% всего угля в Южной Корее. Другая правительственная компания, «Тэхан чунсок хвеса», дает 90% ежегодной добычи вольфрама. Ряд других наиболее важных предприятий горнодобывающей промышленности контролируется правительственными компаниями «Самсон кваноб» и «Хангук кваноб». Три правительственные компании распоряжаются всем производством и распределением электроэнергии. В 1955 г. в обрабатывающей промышленности государству принадлежало 97 предприятий, но они играли

жется крайне необходимо в соответствии со статьями закона» («Constitution of democratic republic of Korea», — «Korea, 1945 to 1958. A report on political developments and economic resources with selected documents», Washington, 1948, pp. 71—90).

[2] «Кёнчже ёнгам», 1955, отд. I, стр. 376.

большую роль в экономике: в их числе крупные металлургические и машиностроительные предприятия. Правительство контролирует важнейшие финансовые учреждения (государственный Корейский банк, Банк реконструкции), внешнюю торговлю, транспорт и связь; существуют государственные монополии на соль, табак и женьшень [3].

Помимо внутренних материальных и денежных ресурсов, в руках государства находится и американская долларовая «помощь», которая расходуется, конечно, с разрешения американских властей. Крупная южнокорейская буржуазия широко использует эти ресурсы в своих классовых интересах.

Возникновение государственного капитализма в Южной Корее обусловлено особенностями политической и экономической обстановки в стране.

Стремление антинародной лисынмановской клики во что бы то ни стало удержаться у власти в условиях массового недовольства населения Южной Кореи не могло не повлечь за собой громадных расходов на расширение и укрепление государственного аппарата насилия — полиции и регулярной армии.

Далее, как уже говорилось выше, раздел Кореи создал на Юге крайне сложную экономическую ситуацию. Южнокорейская промышленность испытывала острый недостаток в угле, электроэнергии, сырье. Большинство фабрик и заводов не работало, транспорт простаивал и требовал замены подвижного состава, сельскохозяйственное производство, особенно производство технических культур не удовлетворяло потребностей народного хозяйства. Промышленность в свою очередь была не в состоянии обеспечить сельское хозяйство химическими удобрениями. Добывающей промышленности предстояло обеспечить империалистов США военно-стратегическими материалами; восстановление энергохозяйства и транспорта должно было создать соответствующие условия для строительства военных объектов различного назначения.

Между тем южнокорейский национальный капитал, распыленный между многочисленными мелкими вла-

[3] 「미제 강점하의 남조선 경제」 평양, 1958, 93 페지 («Экономика Южной Кореи под гнетом американского империализма», Пхеньян, 1958, стр. 93); WTIS, pt 1, 1956, № 56—64, p. 6.

дельцами, был чрезвычайно слаб. Капиталы крупной южнокорейской буржуазии также были недостаточно велики, чтобы удовлетворить запросы империалистов США. Кроме того, у южнокорейской буржуазии зачастую отсутствовала и заинтересованность вкладывать капитал, особенно в те отрасли, в которых он был бы надолго связан.

На поведении южнокорейской буржуазии сказались последствия колониального режима. Она не обладала ни опытом управления, ни необходимыми знаниями, не располагала она и квалифицированным административно-техническим персоналом. Все это ставило под сомнение прибыльность промышленного предпринимательства: гораздо выгоднее было пуститься в торговые спекуляции. Кроме того, южнокорейская буржуазия, напуганная размахом национально-освободительного движения, боялась потерять свои капиталы, что также удерживало ее от вложения средств в сферу производства.

Совокупность этих причин и привела к возникновению государственного капитализма в Южной Корее.

Сосредоточив в своих руках наиболее важные хозяйственные объекты, кредитно-денежные учреждения, государство, выступая как крупнейший капиталист, имело возможность аккумулировать средства в масштабе всей южной части страны, через систему прямых и косвенных налогов, путем выпуска займов и получения ссуд в государственном эмиссионном банке. Вполне понятно, что выигрывал при этом крупный капитал за счет мелкого налогоплательщика, которому и пришлось нести все бремя государственных расходов.

В условиях южнокорейской действительности государство было призвано направить полученные средства в отрасли, наименее привлекательные для вложения частного капитала: энергетику, транспорт, связь, в развитии которых, однако, заинтересован американский империализм.

Экономическая политика марионеточного правительства в конечном счете сводилась к тому, чтобы в возможно кратчайший срок превратить Южную Корею в «самообеспечивающуюся страну». Исходя из интересов крупной буржуазии, марионеточное правительство создавало промышленные предприятия на государствен-

ные средства, т. е. по существу за счет народа. В то же время правительство оказывало финансовую помощь и передавало частным лицам предприятия, принадлежавшие ранее японцам, а также построенные на средства американской «помощи». Таким путем правительство помогало крупному частному капиталу стать на ноги, укрепляло его позиции в экономике Юга. Точнее, крупная южнокорейская буржуазия, связанная с монополиями США, широко использовала государственный аппарат в своих интересах.

Чтобы показать классовую природу южнокорейского госкапитализма, остановимся на некоторых вопросах: о так называемой распродаже предприятий, об использовании иностранной «помощи» и о контроле марионеточного правительства над финансами и внешней торговлей.

«Закон о распоряжении возвращенным имуществом» от 19 декабря 1949 г. предусматривал распродажу той части бывшего японского имущества, которая не передавалась под контроль государства. По приблизительным подсчетам, распродавалось примерно 2300 из 2586 предприятий, принадлежавших ранее японцам[4]. Это были предприятия химической, пищевой, силикатной, полиграфической, деревообрабатывающей, текстильной промышленности, а также мелкие металлургические и машиностроительные предприятия.

Распродаже подлежали также акции бывших японских компаний. К началу 1954 г. в руки частных предпринимателей перешло более 1700 предприятий[5]. По-видимому, остальные были проданы в течение 1954—1956 гг. Во всяком случае, специальный представитель сенатской комиссии конгресса США по ассигнованиям Эллендер, посетивший Южную Корею в 1956 г., писал в своем отчете: «Мне было приятно отметить, что большинство предприятий, ранее находившихся в государственной собственности, перешло в частные руки»[6].

---

[4] Подсчитано по данным, приведенным в кн.: Kyung Cho Chung, *Korea tomorrow. Land of the morning calm,* New York, 1956, p. 228.

[5] «Congressional record», Washington, 1954, vol. 100, № 42, march 5, pp. A 1781—1783.

[6] A. J. Ellender, *Report on overseas operations of the United States government,* p. 141.

Согласно закону частные лица приобретают предприятия путем аукционной распродажи и покупатель обязан выплатить стоимость предприятия в течение срока, не превышающего 15 лет, причем первый взнос должен быть не меньше 10% общей стоимости. Это положение не относилось к распродаже движимого имущества, которое должно было оплачиваться единовременно. Выкупные платежи за приобретаемое имущество погашались за счет прибылей покупаемых предприятий. Почти исключалась распродажа того или иного имущества частями (статья 8, пункт 1). Оговорки, содержащиеся в этой статье, носят формальный характер. Показательна в этом отношении распродажа акций финансовых учреждений. Так, при распродаже акций банка «Чохын» покупатель должен был приобрести не менее 503 акций, при распродаже акций Сберегательного банка — не менее 1240, при распродаже акций Торгово-промышленного банка — не менее 3572[7]. Естественно, что купить столько акций могли только крупные капиталисты. Показательна в этом отношении распродажа акций Промышленного банка («Хынъоп»): все 615 043 акции, подлежавшие продаже, купил богатейший сахарозаводчик и текстильный фабрикант Ли Бён Чуль (в 1960 г. он контролировал 11 предприятий), став, таким образом, владельцем 83% капитала этого банка[8]. В силу закона начальники департаментов, в ведении которых находилось распродаваемое имущество, отбирали покупателей (статья 17), окончательно ту или иную кандидатуру утверждал специальный комитет по управлению бывшим японским имуществом. В результате с торгов устранялись нежелательные конкуренты и предприятия продавались тем крупным капиталистам, которые были наиболее тесно связаны с государственно-чиновничьим аппаратом лисынмановского правительства. В ряде случаев, когда речь шла о передаче в частные руки наиболее крупных и прибыльных предприятий, правительство вообще игнорировало закон о распродаже с аукциона[9]. Такие предприятия передавались на основе «специальных указов президента» и попадали в руки заправил либеральной партии, выражающей интересы

[7] 「력사 과학」 («Ёкса квахак»), Пхеньян, 1955, № 6, стр. 42.
[8] «The Korean republic», 18.I.1957.
[9] «Минчжу чосон», 10.I.1957.

помещиков и крупной буржуазии, тесно связанных с американским империализмом. Так, например, один из представителей партийной бюрократии, Кан Иль Мэ на основе такого указа стал владельцем крупнейшей в Южной Корее Пусанской текстильной фабрики. Таким же путем казначей либеральной партии Соль Гён Ю приобрел текстильную фабрику в Тэгу. Одно из важнейших предприятий Южной Кореи — цементный завод в Самчхоке — досталось некоему Кан Сик Суну, тоже «деятелю» этой партии.

Особые привилегии при покупке предприятий предоставлялись по закону бывшим помещикам. Они имели право погасить выкупные платежи облигациями, которые правительство выдавало им в качестве компенсации за отчужденную по земельной реформе землю.

Правда, лишь очень небольшое число помещиков приобрело промышленные предприятия. Многие предпочли вложить свои деньги в спекулятивную торговлю. Желая поскорее реализовать свои облигации, они продавали их по цене на 20—30% ниже номинальной [10].

Кроме бывшего японского имущества, распродаются и некоторые предприятия, строящиеся исключительно на средства американской «помощи». Так, например, в конце 1956 г. частным южнокорейским фирмам были проданы завод листового стекла в Инчхоне [11] и цементный завод в Мунгёне [12]. Однако случаев распродажи предприятий, строящихся на средства американской «помощи», еще немного. Это объясняется следующими причинами.

Во-первых, строительство таких предприятий затягивается. Орган деловых кругов США, газета «Уолл-стрит джорнэл» 12 августа 1958 г. писала по этому поводу: «К сожалению, строительство многих новых промышленных предприятий отстает от плана, если не на годы, то на месяцы. Некоторые предприятия, постройка которых уже завершена, простаивают вследствие недостатка сырья, наличных денег или вследствие ухудшения рыночной конъюнктуры» [13]. Естественно, что такие предприятия не могут привлечь частный капитал.

[10] «Кёнчже ёнгам», Сеул, 1955, отд. I, стр. 79.
[11] «Korean survey», Washington, vol. 6, 1957, № 2, p. 13.
[12] «The Korean republic», 4.II.1957.
[13] «The Wall street journal», 12.VIII.1958.

Во-вторых, некоторые предприятия лисынмановское правительство предпочитает оставить у себя, так как они имеют военное значение и обслуживают американскую и южнокорейскую армию. Эти предприятия империалисты США не хотят передавать частному капиталу.

В-третьих, южнокорейская буржуазия располагает ограниченными денежными капиталами, ей еще не хватает опыта управления крупными предприятиями, недостает и технических знаний.

Наибольшее практическое значение использования долларовой «помощи» для укрепления позиций крупной буржуазии имеют так называемые «проекты малой индустриализации». Суть этих проектов сводится к совместному участию американского капитала, предоставляемого в виде «помощи», и частного южнокорейского капитала в строительстве новых предприятий сравнительно небольших размеров или в расширении старых. Ежегодно из средств американской «помощи» на эти цели выделялось около 10 млн. долл. Капиталовложения на каждое предприятие составляли, как правило, от 30 тыс. до 500 тыс. долл.[14]. Распределение этих средств находилось под строгим контролем так называемого Объединенного экономического совета (ОЭС), который был создан в мае 1952 г. для координации различных программ американской помощи Южной Корее. В него входили: представитель США по оказанию помощи Корее, так называемый координатор по экономическим вопросам, представитель марионеточного правительства и, в качестве наблюдателя, генеральный агент ЮНКРА[15]. Разумеется, право решающего голоса в этом совете принадлежало американскому представителю, хотя формально обе стороны имели равные права.

В рамках ОЭС были заключены специальные соглашения, регулирующие распределение соответствующих средств среди частных лиц. Одно из них, «Соглашение о программе экономического восстановления и финансовой стабилизации», было подписано 14 декабря 1953 г. американским и южнокорейским представителями, дру-

[14] «Moniteur officiel du commerce et de l'industrie», Paris, 1958, déc. 10, № 2061, p. 3970.

[15] «Доклад генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи», — «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Девятая сессия», Нью-Йорк, 1956, стр. 1.

гое было заключено в мае 1954 г. между южнокорейским представителем и генеральным агентом ЮНКРА. Эти соглашения предусматривали обеспечение интересов представителей крупного южнокорейского частного капитала [16].

Непосредственное распределение средств, предназначенных для капитальных вложений, и контроль над ними осуществлялись марионеточным правительством. В 1958 г. был принят закон «Об использовании иностранного капитала». Этим актом законодательно оформлялась сложившаяся практика и усиливался контроль за использованием «помощи» [17]. На основании этого закона иностранный капитал переходил к отдельным лицам по решению министра реконструкции, который заключал с ними специальное соглашение о порядке использования предоставляемых средств. Министерство реконструкции получило неограниченное право контролировать деятельность предприятий, принадлежащих получателям американской «помощи», и в случае необходимости могло отдать им соответствующее распоряжение, невыполнение или нарушение которого наказывается в уголовном порядке. В отношении тех владельцев, капитал которых более чем наполовину состоит из иностранного капитала, министр реконструкции может применить крайние меры — распорядиться о продаже их предприятий. В этом случае владельцу выплачивается сумма его собственного капитала, за вычетом расхо-

[16] В первом соглашении указывалось: «Объединенный экономический совет согласен с тем, что возможно большая часть общей стоимости планируемых инвестиций должна быть вложена предприятиями из своих собственных денежных средств или сбережений, а не за счет кредита. При передачах индивидуального инвестиционного проекта преимущество будет отдано тем предприятиям, которые способны покрывать большую часть общей стоимости проекта из своих собственных сбережений» (текст этого соглашения опубликован в «The Department of State bulletin», vol. XXX, 1954, № 759, pp. 65—67). Изложение второго соглашения см. в «Докладе генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи», Нью-Йорк, 1955, стр. 2.

[17] В этом законе говорилось: «Получателями иностранного капитала являются лица, которые получают иностранные капиталы по согласованию с правительством. Предприятиями иностранного капитала называются предприятия, часть оборудования которых приобретена за счет иностранного капитала в период получения ими капитала» (статьи 2 и 3), — текст закона см. в журн.: «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 3, стр. 32—33.

дов, связанных с продажей. Кроме того, продать такое предприятие можно только при участии в аукционе не менее четырех предпринимателей, «располагающих необходимыми возможностями для улучшения работы данного промышленного объекта».

Как сообщило Министерство реконструкции, строительство по программе «малой индустриализации» «продвигается крайне медленно». В течение 1954—1958 гг. было начато строительство 237 различных объектов. К концу мая 1960 г. в эксплуатацию был сдан только 41. Строительство 117 объектов практически даже не начиналось [18]. Среди вступивших в строй предприятий — завод по производству автомобильных шин и камер, фабрика по переработке шелковых отходов, небольшая верфь, асбестовый, кожевенный и фармацевтический заводы, а также завод по переработке агар-агара [19]. Кроме того, предусматривалось построить фабрику по производству фарфора, небольшие литейные мастерские по выплавке чугуна, стали и алюминия, небольшой мыловаренный завод, предприятия по сборке фотоаппаратов, предприятие по производству небольших флаконов, хлебопекарни и другие различные предприятия пищевой промышленности [20].

За 1954—1958 гг. на малую индустриализацию было выделено 34,8 млн. долл.[21]. Эту сумму нельзя считать значительной. Укажем для сравнения, что средства, ассигнованные на капиталовложения в государственный, так называемый «общественный сектор», с 1953 по ноябрь 1957 г. составили 357 511 тыс. долл. [22].

Несмотря на то что сумма, предназначенная для частных предприятий, невелика, использование ее способствует укреплению позиций крупной южнокорейской буржуазии. Ассигнование этих средств имеет большое значение и для усиления экономического подчинения южнокорейской буржуазии американскому капиталу. Фактически американский империализм выращивает на

---

[18] «The Korean republic», 27.VI.1960.

[19] Chae Kyung Oh, *Handbook of Korea,* New York, 1958, pp. 392—393.

[20] «Moniteur officiel du commerce de l'industrie», 1958, déc. 10, № 2061, p. 3970.

[21] «The Korean republic», 26.VII.1960.

[22] Chae Kyung Oh, *Handbook of Korea,* pp. 392—393.

свои средства особую компрадорскую прослойку южнокорейской буржуазии, которая в свою очередь служит американскому империализму социальной опорой его экономического и политического господства.

Путем эмиссии денежных знаков, выпуска займов, использования налоговой системы и средств «эквивалентного фонда» государство сосредоточивает в своих руках денежные капиталы в масштабе всей южнокорейской экономики. Значительная часть банковского и коммерческого кредита южнокорейских финансовых учреждений широко используется крупной буржуазией Юга. За пять послевоенных лет государство предоставило частному капиталу кредиты на сумму 174 666 млн. хван, или почти 350 млн. долл.[23] (по курсу 1 долл. за 500 хван).

Более 60% всех кредитов в течение 1954—1956 гг. было предоставлено предприятиям текстильной и пищевой промышленности. За тот же период предприятия химической, машиностроительной и металлургической промышленности, вместе взятые, получили менее 25% общей суммы кредитов[24]. Эти цифры говорят о том, что частный капитал вливался главным образом в отрасли легкой промышленности.

Важное место в системе государственного капитализма занимает государственный контроль над внешней торговлей. Три четверти импорта Южной Кореи в послевоенный период было оплачено средствами американской «помощи»[25]. Распределение их строго регламентировалось. Чтобы приобрести иностранную валюту для ввоза товаров, импортер должен был участвовать в своеобразном аукционе. В обмен на местную валюту (по курсу 500 хван за 1 долл.) импортер получал определенную сумму в долларах, но при этом он был обязан приобрести облигации государственного займа. Далеко не все могли участвовать в таком аукционе. Право участия предоставлялось так называемым «уполномоченным» покупателям. Чтобы стать таковым, импортер должен был представить соответствующее свидетельство о том, что он импортировал до момента участия на аук-

[23] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 6, стр. 142.

[24] «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 102.

[25] «Саноб ынхэн вольбо», 1956, № 4, стр. 211; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1958, № 3, стр. 90.

ционе товаров на сумму не менее 3 тыс. долл. или что он экспортировал товаров на сумму 10 тыс. долл. [26]. При таких условиях только представители крупного торгового капитала могли использовать средства американской «помощи».

Таким образом, политика марионеточного правительства в области промышленности в конечном счете сводилась к всемерному укреплению позиций крупной южнокорейской буржуазии.

Южная Корея находится на такой стадии экономического развития, когда накопление капитала происходит преимущественно в отраслях легкой промышленности. Крупная южнокорейская буржуазия перекладывает все бремя расходов по развитию тяжелой промышленности на государство, т. е. на плечи трудящихся. С одной стороны, поскольку развитие южнокорейской экономики идет однобоко и уродливо, постольку существование государственного капитализма не противоречит устремлениям американского империализма. Однако, с другой стороны, попытки южнокорейского правительства, направленные на развитие производства средств производства, наталкиваются на молчаливое сопротивление американского империализма. Не случайно строительство металлургических предприятий марионеточные власти вынуждены были финансировать исключительно за счет внутренних ресурсов. Эта сторона экономической политики южнокорейского правительства идет вразрез с интересами американского империализма. Американские монополии отнюдь не склонны содействовать укреплению государственного капитализма в Южной Корее, ибо это в какой-то мере способствует самостоятельности крупной буржуазии Юга, и требуют от марионеточного правительства скорейшей распродажи государственных предприятий. При этом американские монополии преследуют далеко идущие цели. Переход этих предприятий в руки частных лиц открывает перед американским капиталом новые возможности. Имея дело с отдельными предпринимателями или фирмами, американским монополиям без особого труда удалось бы установить непосредственный контроль над ними путем скупки акций или предоставления кабальных кредитов

[26] WTIS, 1955, pt 2, № 55—92, p. 2.

и т. д. Иными словами, распродажа государственных предприятий сулит частному американскому капиталу новые прибыли, расширяет сферу его приложения.

Однако южнокорейская буржуазия еще слаба, капиталы ее сравнительно невелики, а отсюда ее боязнь (а зачастую и отсутствие объективной заинтересованности) инвестировать свои капиталы в сферу промышленного производства. «Накопление достаточного размера капитала, — говорится в докладе „Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи" XIV сессии Генеральной Ассамблеи, — имеет главное значение во всех усилиях в отношении экономического развития»[27]. В докладе отмечается также отсутствие у южнокорейской буржуазии уверенности в прибыльности своих капиталовложений, или, как выражаются авторы доклада, «доверия к экономике»[28].

Государственно-капиталистические мероприятия марионеточного правительства способствуют укреплению экономических позиций южнокорейской крупной буржуазии, ориентирующейся на США. Наиболее дальновидные и наиболее сведущие в экономике Южной Кореи представители американского империализма сознают, что важная роль госкапитализма в упрочении этой социальной базы господства США обусловлена именно ее слабостью[29].

§ 2. АМЕРИКАНСКАЯ «ПОМОЩЬ» ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Активное проникновение американского капитала в южнокорейскую экономику началось с установления на юге страны оккупационного режима. Главной формой экспансии американских монополий была и остается

---

[27] «Report of the United Nations commissions for the unification and rehabilitation of Korea», — «General assembly. Official records: fourteenth session», Supl. № 13(A/4187), New York, 1959, p. 5.

[28] Ibid.

[29] Так, советник Ли Сын Мана по политическим и экономическим вопросам Джеймс Кромвелл писал в начале 1954 г.: «С тех пор как Ли Сын Ман стал президентом... он боролся за то, чтобы снять со спины своего народа ненавистное бремя государственной собственности. К сожалению, его усилия оказались тщетными, *вследствие недостатка капитала* (курсив мой. — *Б. С.*), недостатка, который ужасными разрушениями войны был доведен до вакуума» («Congressional record», Washington, 1954, march 5, № 42, p. A 1781).

экономическая «помощь». Предоставление ее является прежде всего средством экономического закабаления стран-получательниц и, тем самым, средством усиления экономического и политического контроля империализма США.

Экономическая «помощь» США Южной Корее, так же как и другим странам и географическим районам, предоставляется в соответствии со специально принятыми законами, в силу которых создаются особые правительственные органы, непосредственно занимающиеся ее распределением. После окончания второй мировой войны, когда впервые стала осуществляться программа «помощи», это законодательство несколько раз пересматривалось в целях приспособления программы к изменившимся условиям и придания ей большей гибкости.

В период оккупационного режима «помощь» предоставлялась Южной Корее через так называемое «Управление по оказанию помощи в оккупированных районах» (ГАРИОА). После создания марионеточного правительства она стала получать «помощь» на основе двухсторонних договоров с США. В 1948 г. на Южную Корею по существу было распространено действие «плана Маршалла»; 10 декабря 1948 г. был подписан южнокорейско-американский договор «о дружбе и торговле», который лег в основу всех позднейших программ «помощи». Последовавшие затем двусторонние соглашения о «помощи» между США и Южной Кореей подтверждают действие кабальных обязательств, взятых на себя Южной Кореей по этому договору, и аналогичны условиям «помощи» по «плану Маршалла». Эти обязательства сводятся к следующему. Южная Корея должна обеспечить США поставки стратегических материалов и увеличить их производство; расходовать запасы иностранной валюты в первую очередь для этих целей; поощрять вложения частного иностранного капитала и способствовать деятельности иностранных коммерсантов.

Южнокорейское правительство согласилось на то, чтобы распределение «помощи» контролировал специальный представитель США, полномочия которого простираются так далеко, что он может рекомендовать своему правительству прекратить ее.

С января 1950 г. «помощь» Южной Корее стала предоставляться по так называемой программе «взаимной обороны», а с января 1952 г. — на основе «Акта о взаимном обеспечении безопасности», что усилило милитаристский характер американской «помощи».

Южная Корея получала «помощь» от США также по линии ООН. В декабре 1950 г., оказав давление на делегатов стран, зависящих от американского империализма, и использовав голоса своих союзников по агрессивному блоку НАТО, США протащили на Генеральной Ассамблее свою резолюцию по корейскому вопросу. В результате этого были созданы «Управление ООН по оказанию помощи гражданскому населению в Корее» (1 июля 1953 г. переименованное в «Корейское управление гражданской помощи» — КСАС), действовавшее по ноябрь 1955 г., и «Орган ООН по восстановлению Кореи» (ЮНКРА), функционировавший до 30 июня 1958 г.

Общая сумма американской экономической «помощи» Южной Корее с 1945 г. по июль 1959 г. составляет 2 606 869 тыс. долл. [30].

«Помощь» в соответствии с программами ГАРИОА и КСАС была предоставлена главным образом сырьем и потребительскими товарами (медикаменты, продовольствие, одежда, уголь, удобрения), распределявшимися в качестве вспомоществования. Сумма «помощи» по этим двум программам составила 778 373 тыс. долл. [31], т. е. около 30% всей экономической «помощи».

Условия предоставления и реализации «помощи» в соответствии с «планом Маршалла», программами «взаимной обороны» и «взаимного обеспечения безопасности» значительно отличаются от условий, предусматривавшихся программами ГАРИОА и КСАС.

Наиболее характерным примером в этом отношении может служить «Акт о взаимном обеспечении безопасности». В соответствии с этим законом через ИКА Южной Корее оказывается как военная, так и экономическая «помощь», причем характерно, что последняя предоставляется по «программе усиления обороны». Поясняя смысл этой программы, официальный орган правительства США, журнал «Департмент оф стейт бюлле-

[30] «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1959, № 11, стр. 120.

[31] Там же; «The Department of State bulletin», vol. XXXII, 1955, p. 297.

тин», писал: «Программа усиления обороны прямо способствует безопасности США и свободного мира путем оказания помощи странам на содержание нужных для эффективной обороны вооруженных сил, зачастую больших, чем нация может содержать своими средствами. В то же самое время программа усиления обороны помогает достигнуть уровня экономического прогресса, необходимого для поддержания финансовой и экономической стабильности»[32].

Таким образом, экономическая «помощь» США Южной Корее тесно связана с военной «помощью». На практике такое сочетание чисто военных целей с «поддержанием финансовой и экономической стабильности» достигается путем создания так называемого эквивалентного фонда. «Эквивалентный фонд» слагается из депонируемых южнокорейским правительством на специальный счет в Корейском банке денежных сумм (в хванах), равных (в пересчете на доллары по официальному курсу) ассигнованиям правительства США по программе экономической «помощи». Средства «эквивалентного фонда» могут быть израсходованы только с разрешения правительства США, и значительная их часть используется на военные цели. Так, с 1953 по 1957 г., по данным «Белой книги» марионеточного правительства, прямые военные расходы составили 42% всех расходов из средств «эквивалентного фонда»[33]. Создание «эквивалентного фонда» весьма затруднительно для южнокорейского правительства, так как, не имея средств, оно вынуждено брать займы в Корейском банке, который предоставляет их за счет эмиссии денежных знаков. В результате растет государственный долг, усиливается инфляция.

По условиям реализации американская «помощь» распадается на так называемую «проектную» и «непроектную». «Проектная помощь» предусматривает капиталовложения в различные отрасли экономики, а также в строительство таких объектов, как больницы, школы, административные здания и т. п. Сюда же относятся и расходы на закупку угля для железнодорожного транспорта.

[32] «The Department of State bulletin», vol. XXV, 1956, № 894, p. 269.

[33] Цит. по кн.: Chae Kyung Oh, *Handbook of Korea*, p. 350.

90% «непроектной помощи» составляют потребительские товары и сырье. Сюда включаются также расходы на закупку некоторых видов оборудования (генераторы, электроаппаратура, запчасти, лабораторное и научное оборудование).

За 1953—1959 гг. примерно 70% всей «помощи» было предоставлено в виде сырья, удобрений и потребительских товаров. Почти две трети средств, выделенных на инвестиционную программу, было вложено в транспорт, связь, в энергетическое хозяйство. Такое направление инвестиций нельзя считать случайным. Улучшение средств сообщения имеет немаловажное военное значение. Кроме того, их развитие подготовляет условия для вложения частного американского капитала. Весьма показательны следующие цифры. В 1954—1956 гг. инвестиционная программа предусматривала вложения в транспорт, связь, энергетическое хозяйство и в так называемые «общественные работы» (строительство мостов, дорог, тюрем, полицейских участков) на сумму более 135 млн. долл., что составило примерно 63% общей суммы капитальных ассигнований. Одновременно на эти же цели было выделено около 92,5 млн. долл. в местной валюте из «эквивалентного фонда», т. е. 60% средств, предназначенных для капиталовложений [34].

Следует указать и на то обстоятельство, что ряд предприятий, построенных за счет средств инвестиционной программы, непосредственно предназначались для обслуживания южнокорейской армии. К таким предприятиям относятся два завода автомобильных шин и камер, завод запасных частей для автомашин, фабрика пошива военного обмундирования, кожевенный завод.

На первый взгляд подобные утверждения могут показаться преувеличением. Однако это не так. Вот, например, как мотивировалась постройка такого, казалось бы, мирного предприятия, как кожевенный завод. «Одной из основных нужд южнокорейских военных учреждений и национальной полиции, — читаем мы в объяснительной записке ИКА, — являются армейские ботинки. Кожа хорошего качества и машины для пошива обуви необходимы для производства более или менее

[34] A. J. Ellender, *Report on overseas operations of the United States government*, pp. 144—145.

пригодных ботинок и обуви. Этот проект (проект строительства кожевенного завода. — *Б. С.*) сократит число армейских ботинок и обуви, которые должны быть вывезены из-за границы. Это будет значительным вкладом в корейскую экономику»[35]. На строительство этого завода было ассигновано 480 тыс. долл.[36].

С 1956 г. Южная Корея получает американскую «помощь» в соответствии с «Законом о развитии торговли сельскохозяйственной продукцией и об оказании помощи» конгресса США. Условия ее предоставления таковы.

Правительство США ассигнует определенную сумму в долларах для финансирования вывоза американской сельскохозяйственной продукции в Южную Корею. Правительство Южной Кореи в свою очередь перечисляет на специальный счет правительства США в Корейском банке такую же сумму в местной валюте. Эти средства считаются собственностью правительства США, которыми оно может распоряжаться по своему усмотрению. С конца 1955 г. по 1959 г. США ассигновали на экспорт своей сельскохозяйственной продукции (пшеница, ячмень, гаолян, кукуруза, хлопок, табак) 198 млн. долл.[37]. Средства, перечисленные на счет правительства США в Корейском банке, идут главным образом на прямые военные расходы. Например, с 1955 по 1958 г. на нужды южнокорейской армии было израсходовано 134 млн. долл., что составляет более 81% суммы, полученной от продажи американской сельскохозяйственной продукции в Южной Корее[38]. Остаток обычно используется для расширения в Южной Корее рынка сбыта американских товаров, особенно сельскохозяйственных. Для этого южнокорейским и американским торговым фирмам, деятельность которых способствует увеличению товарооборота между США и Южной Кореей, Корейский банк выдает денежные ссуды.

«Помощь» Южной Корее по линии ООН была сравнительно невелика. За время своего существования «Орган ООН по восстановлению Кореи» распорядился

---

[35] Ibid.
[36] Ibid.
[37] «The Korean republic», 7.VII.1960.
[38] Ibid.

суммой всего в 146,5 млн. долл.[39]. (63% средств было предоставлено правительством США). Однако «помощь» ЮНКРА была использована в основном на финансирование инвестиционных проектов. На эти средства построены стекольный завод в Инчхоне, цементный завод в Мунгёне, бумажная фабрика, закуплено различное оборудование для текстильной и горнодобывающей промышленности. Из средств ЮНКРА предоставлялись кредиты мелким предприятиям. В силу специального соглашения, заключенного между этим органом и южнокорейским правительством, был создан «эквивалентный фонд» ЮНКРА. Средства его расходовались только с одобрения генерального агента ЮНКРА.

Одно из важнейших условий предоставления «помощи» по всем без исключения программам состоит в том, что средства, ассигнованные на закупку тех или иных товаров, должны расходоваться в США. Это способствует рассасыванию товарных излишков, накопленных американскими монополиями. Кроме того, при сбыте своих товаров по программе «помощи» американские монополии получают более высокую прибыль, чем при продаже тех же товаров на мировом рынке. Дело в том, что стоимость поставок по программе «помощи» определялась не по мировым, а по монопольным ценам. Так, например, в 1955 г., когда цены на мировом рынке за тонну угля составляли 13—15 долл., американский уголь, поставлявшийся в Южную Корею, оценивался в 30—35 долл. за тонну[40]. В этой связи южнокорейская газета «Кенхян синмун» 1 февраля 1955 г. отмечала, что на выделенные средства в других странах можно приобрести угля в два раза больше, чем в США[41]. Американские торговые фирмы развили бурную деятельность в Южной Корее. В 1955 г. их насчитывалось около 60.

Так как товары «помощи» согласно договоренности между США и Южной Кореей должны продаваться на рынке, а доходы американских монополий определяются комиссионным вознаграждением от суммы чистого

---

[39] «Report of the United Nations commission for the unification and rehabilitation of Korea», p. 4.

[40] Цит. по кн.: Ю Ге Хван, *Послевоенная экономика Южной Кореи*, стр. 72.

[41] См. там же.

дохода [42], то естественно, что монополии заинтересованы во всемерном повышении цен. Оно создается искусственным путем, например, преднамеренной задержкой поставок, что ввиду отсутствия запасов у корейских предпринимателей не может не сказаться на рыночной конъюнктуре. Многие американские фирмы выступают как подрядные организации при осуществлении строительства промышленных объектов по линии ИКА (а до 1958 г. и ЮНКРА), а также при осуществлении различных научно-изыскательских программ.

Прибыли американских монополий были столь велики, что в 1955 г. лисынмановское правительство предприняло попытку в целях сбережения запасов иностранной валюты, на которую обменивались доходы монополий в хванах, распространить на американские фирмы действие местного закона от 1950 г. о налогах. Это вызвало большое недовольство американских монополий, и Торговая палата США даже обратилась к своему правительству с просьбой прекратить экономическую и военную «помощь» Южной Корее, если марионеточное правительство не откажется от своего намерения [43]. Как и следовало ожидать, марионеточное правительство капитулировало перед американскими дельцами, которые, впрочем, не ограничились выражением протеста и занялись контрабандой и прочими темными махинациями вплоть до подкупа южнокорейских политических деятелей ради выгодных контрактов. Коррупция, разъедающая марионеточный режим, зачастую приводит к тому, что в Южную Корею товары завозятся без учета того, нужны ли они потребителю и сможет ли он использовать их по назначению [44]. Этому в немалой степени способствует и сам механизм распределения «помощи».

Один из способов ее распределения заключается в том, что Корейский банк продает с аукциона непосредственным потребителям доллары за хваны. Таким путем в 1957 г. был распределен приблизительно 61% «непроектной помощи». Из оставшихся 39% «непроектной

---

[42] Чистый доход равен разности вырученной суммы в хванах и стоимости товаров в долларах в пересчете на хваны по курсу, действующему в момент продажи.

[43] «United States news and world report», Washington, vol. XXXIX, 1955, № 13, p. 71.

[44] «Eastern world», London, vol. XI, 1957, № 12, pp. 20—21.

помощи» 29% было распределено путем свободного предложения товаров через американскую «Службу снабжения Корейской республики». Следовательно, 90% средств «непроектной помощи» было продано с аукциона[45]. В таких условиях купить доллары или товары могут лишь лица, обладающие крупными средствами. Поэтому, как правило, и доллары и товары приобретают спекулянты и крупные торговцы, которые затем втридорога перепродают их на черном рынке.

Бóльшая часть «проектной помощи» распределяется путем «специального снабжения».

Как видно из вышеизложенного, характер американской «помощи» был таков, что она не могла принести никаких благодеяний корейскому народу, о которых так шумно вещает американская пропаганда. Лишь небольшая кучка крупной торгово-промышленной буржуазии, тесно связанная с бюрократическим государственным аппаратом, выигрывает от «сотрудничества» с американским монополистическим капиталом. Эта верхушка южнокорейского общества, жертвуя ради наживы национальными интересами, является проводником политики американских империалистов, превративших Южную Корею в военную базу и рынок сбыта своих товаров.

§ 3. ЧАСТНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛ И ПОЛИТИКА МАРИОНЕТОЧНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В одном из отчетов, опубликованных в американском журнале «Уорлд трейд информейшн сервис» в 1956 г., говорилось: «За прошедшее десятилетие нет никаких сведений о вложениях частного иностранного капитала в Южной Корее»[46]. Год спустя, в сентябре 1957 г., другой американский журнал, «Форин коммерс уикли», орган Министерства торговли США, отмечал, что в Южной Корее «... практически нет частных иностранных капиталовложений в производственные предприятия»[47].

---

[45] «Board of trade journal», London, vol. 173, 1957, № 3168, pp. 824—825.

[46] WTIS, 1956, pt 1, № 64—65, p. 6.

[47] «Foreign commerce weekly», Washington, vol. 58, 1957, № 12, p. 25.

Чем же объясняется такое положение вещей?

Журнал «Уорлд трейд информейшн сервис» дает следующее объяснение: «Факторами, которые препятствуют частным капиталовложениям США, являются политическая напряженность, а также неопределенность, вытекающая из отсутствия закона об иностранных капиталовложениях в Корее, равно как и договора о дружбе, торговле и мореплавании. Кроме того, в Корее местный рынок для многих товаров узок вследствие низкого душевого дохода, естественные ресурсы ограничены и развивается инфляция»[48].

С момента создания марионеточного режима и южнокорейское правительство и американские монополии прилагали немало усилий для того, чтобы создать благоприятные условия для вложения своих капиталов. Поощрение частных иностранных капиталовложений предусматривалось уже в «Договоре о дружбе и торговле» 1948 г. Однако в нем не упоминалось о гарантиях иностранным инвесторам. Кроме того, на позицию последних в этот период сильно повлияло неустойчивое экономическое и политическое положение Южной Кореи, а также начинавшаяся подготовка войны против КНДР.

После заключения перемирия вопрос о привлечении частного иностранного капитала в Южную Корею вновь стал в повестку дня. Американские монополии потребовали от лисынмановского правительства гарантии безопасности своих капиталовложений. Выражая мнение американских частных предпринимателей, крупный промышленник Эдгар Квини после возвращения из поездки в Южную Корею в 1954 г. заявил в печати: «Никакой американский частный капитал не будет помещен в страну, которая имеет конституцию, предусматривающую, что государство может экспроприировать частный капитал в целях „удовлетворения насущных нужд национальной жизни“...»[49]. Требуя изменить соответствующие статьи конституции, Квини писал: «Позиция Ли (Ли Сын Мана. — *Б. С.*) открывает дверь (частным капиталовложениям. — *Б. С.*), а громадные американские ассигнования на восстановление Кореи должны повлиять на все упорствующих в своем мнении членов ко-

[48] WTIS, pt 1, 1956, № 56—63, p. 6.

[49] «Congressional record», Washington, vol. 100, 1954, July 28, № 143, p. A 5504.

рейского Национального собрания»[50]. Судя по этому высказыванию, Ли Сын Ман натолкнулся на сильное сопротивление национальной буржуазии, которая, естественно, боялась конкуренции американского капитала. Все же в ноябре 1954 г. Ли Сын Ману удалось протащить в «национальном собрании» соответствующие поправки к конституции. Из нее были исключены положения, предусматривающие возможность национализации частного капитала. Однако, добиваясь изменения конституции, американские монополии рассматривали и более широкие планы обеспечения благоприятных условий для вложения своих капиталов. Экспансионистские устремления американских монополий наиболее полно и отчетливо отражены в так называемом плане Кромвелла, который десять лет был личным советником Ли Сын Мана.

По мнению Кромвелла, экономика Южной Кореи должна основываться исключительно на принципах «свободного предпринимательства», и только такой характер экономики обеспечит быстрое восстановление хозяйства, укрепит марионеточную республику в политическом и экономическом отношении. Кромвелл считал, что программа экономической «помощи» США нуждается «в омоложении» и что громадные расходы на экономическую «помощь» будут необходимы в течение весьма продолжительного периода, если отказаться от осуществления его плана. Далее Кромвелл указывал на большое значение своего плана и с идеологической точки зрения, противопоставляя его социалистической системе экономики в КНДР.

Конкретные мероприятия этого плана сводились к следующему. В Южной Корее учреждается «Корейская финансовая корпорация по реконструкции» (КФКР) с капиталом в 250 млн. долл. в качестве кредитного органа, предоставляющего долгосрочные займы по низким процентным ставкам.

Займы предоставляются, во-первых, на приобретение тех предприятий, находящихся в собственности государства, которые правительство пожелает продать; во-вторых, на восстановление и создание совершенно новых учреждений и промышленных предприятий путем орга-

[50] Ibid.

низации новых корейских акционерных компаний при американской акционерной ответственности (поручительстве). Американское ответственное юридическое лицо осуществляет управление этими акционерными компаниями, передает корейским компаньонам секреты производства, с тем чтобы в конечном счете упразднить американское директорское управление. Поручитель, т. е. какая-либо американская фирма, получает право на владение 25% выпущенных акций. Иначе говоря, она получает право контроля над данной акционерной компанией. И, наконец, в-третьих, займы предоставляются в целях оказания частновладельческим предприятиям финансовой и административной «помощи», но уже на основе передачи поручителю 50% выпущенных акций.

Новые акционерные компании выпускают три вида ценных бумаг: обыкновенные акции, закладные облигации для правительства в обмен на право владения имуществом и закладные облигации под движимое имущество в качестве обеспечения ссуд КФКР.

Выплата процентов по займам и погашение облигаций производятся на основе скользящей шкалы, т. е. постепенно возрастающими долями, в хванах, причем перевод их в доллары обусловливается конкретными обстоятельствами [51].

Существенным моментом этого плана явилось то, что проведение его в жизнь и конкретные мероприятия по его осуществлению тесно увязывались с программой американской «помощи»: ОЭС выносил окончательное решение при определении общей суммы, которую КФКР может ссудить на определенный период для определенных промышленных объектов. Таким путем достигался бы полный контроль над распределением средств, и, конечно, при этом учитывались в первую очередь интересы американских монополий.

Таким образом, план был рассчитан на то, чтобы убить сразу двух зайцев: передать государственные предприятия южнокорейской буржуазии и открыть дорогу частному американскому капиталу. Этот план получил одобрение Американской ассоциации промышленников и ряда высших должностных лиц. В конце марта 1954 г. член палаты представителей конгресса США Ша-

[51] «Congressional record», vol. 100, 1954, № 42, pp. A 1781—1783.

фер, который находился в личном контакте с Кромвеллом, внес на рассмотрение палаты проект совместной резолюции, в котором говорилось: «... Мнение сената и палаты представителей состоит в том, что неизрасходованные денежные средства вместе со всеми будущими фондами, ассигнованными на восстановление национальной экономики Корейской республики, должны быть израсходованы так, чтобы создать в вышеупомянутой республике национальную экономику, базирующуюся на праве частной собственности и свободного конкурентного предпринимательства; а также в том, что никакие будущие денежные фонды из числа вышеупомянутых ассигнований не должны быть прямо или косвенно израсходованы так, чтобы продлить существование настоящего социализированного (?) статуса и монополистической правительственной собственности в промышленности Кореи» [52].

Однако этот план не был претворен в жизнь. Очевидно, взвесив все «за» и «против», американские монополии пришли к выводу, что условия для реорганизации программы «помощи» и замены ее частными иностранными инвестициями еще не созрели. Политическая и экономическая обстановка в Южной Корее продолжала оставаться крайне неблагоприятной для прибыльного вложения американского частного капитала. Весьма вероятно, что возобладала точка зрения той группы монополистической буржуазии США, которая подчинила себе государственный аппарат и поэтому без всякого риска получала достаточно высокие прибыли за счет государственного финансирования «помощи», т. е. за счет американских налогоплательщиков.

Лисынмановскому правительству пришлось смириться с выжидательной позицией американских монополий и уповать на то, что приложение капиталов, ассигнуемых по программе «помощи», создаст со временем благоприятные условия и для частных инвесторов. Поэтому южнокорейское правительство решило сосредоточить свои усилия в области законодательного обеспечения гарантий частному иностранному капиталу.

На такой исподволь ведущейся подготовке настаивали и американские монополии. Как сообщала газета

[52] «Congressional record», vol. 100, 1954, № 54, p. A 2206.

«Сеул синмун», в январе 1955 г. американский посол в Южной Корее Бриггс открыто потребовал от лисынмановского правительства заключить соответствующие соглашения с США [53]. В конце января 1955 г. южнокорейское правительство опубликовало «Законопроект о вложениях иностранного капитала и предпринимательстве». Одновременно велись переговоры о заключении между США и Южной Кореей «Договора о дружбе, торговле и мореплавании», который был подписан в ноябре 1956 г. Этот договор формально предусматривал «равные возможности» для обеих сторон; американским физическим и юридическим лицам предоставлялся «национальный режим», т. е. они были уравнены в правах с южнокорейскими предпринимателями [54]. Естественно, что американский монополистический капитал при «равных возможностях» мог сразу же оттеснить слабый южнокорейский капитал и занять ключевые позиции в экономике Юга. Однако «Договор о дружбе, торговле и мореплавании» фиксировал привлечение американского частного капитала лишь в общей форме. Этого было недостаточно для американских монополий. Им нужны были твердые гарантии прибыльности их капиталовложений.

Поэтому американское посольство в Сеуле настаивало на том, чтобы марионеточное правительство приняло закон о поощрении частных иностранных капиталовложений и подписало с правительством США соглашение о гарантиях для частных инвесторов. Одновременно представители ИКА в Южной Корее требовали принятия мер, направленных на «оздоровление» южнокорейской экономики. Одно из основных мероприятий такого рода заключалось в проведении южнокорейским правительством политики «сдерживания инфляции» путем контроля над ценами, замораживания заработной платы, повышения налогов, ограничения выдачи ссуд мелким и средним предпринимателям. Эта политика тяжело отразилась прежде всего на положении трудящихся масс и мелкой буржуазии.

После долгих проволочек «национальное собрание» Южной Кореи приняло «Закон о поощрении частных

[53] «Сеул синмун», 14, 15.I.1955. — Цит. по кн.: «Экономика Южной Кореи под гнетом американского империализма», стр. 124.

[54] «Congressional record», 1957, August 8, p. 12729.

иностранных капиталовложений» в том виде, в каком он был составлен американскими экспертами.

Этим законом, вошедшим в силу 1 января 1960 г., предусматривается, что он будет применяться к подданным только тех стран, с которыми Южная Корея заключила «договор о дружбе, торговле и мореплавании». Как известно, она подписала такой договор только с США. Иными словами, закон рассчитан исключительно на поощрение частных капиталовложений американских инвесторов.

19 февраля 1960 г. правительства США и Южной Кореи подписали соглашение «О гарантиях частных капиталовложений». В марте того же года в Сеуле был опубликован президентский декрет № 1569, которым предписывались дополнительные правила практического осуществления закона о поощрении частных иностранных капиталовложений. Вышеназванные законодательные акты марионеточного правительства и договоры между США и Южной Кореей в совокупности составляют юридическую основу частных американских инвестиций в Южной Корее[55].

Эти законодательные и договорные акты широко распахивают дверь перед частным капиталом США. Прежде всего следует отметить, что законодательством не предусматривается каких-либо ограничений права владения акционерным капиталом: все 100% акций могут принадлежать американскому инвестору. Правда, имеются «ограничения» другого рода: доля иностранных инвестиций должна составлять не менее 25% акционерного капитала той или иной компании. Это положение рассчитано на то, чтобы помочь крупной южнокорейской буржуазии восполнить нехватку своего собственного капитала за счет достаточно крупных вложений американских инвесторов и одновременно в какой-то мере усилить заинтересованность последних в успеш-

[55] Изложение закона о поощрении частных иностранных капиталовложений см. в «Far Eastern economic review», vol. XXVIII, 1960, № 10, pp. 525—526, а также в «Board of trade journal», vol. 178, 1960, № 3285, p. 528. Изложение президентского декрета № 1569 см. в «The Korean republic», 26.III. 1960. Текст договора о гарантиях частных капиталовложений см. TIAS 4431 Guaranty of Private investments. Agreement between the USA and Republic of Korea. Effected by Exchange of Notes. Signed at Seoul, Febr. 19, 1960, Washington, 1960.

ной деятельности компании. Разумеется, нельзя упускать из виду и теневой стороны данного положения: оно, несомненно, усиливает зависимость южнокорейских акционеров от американского капитала.

При инвестировании частного иностранного капитала в страну, располагающую ограниченными запасами иностранной валюты, чрезвычайно важную роль играют условия перевода прибылей и репатриации капитала. В Южной Корее частным американским вкладчикам разрешается перевод прибылей за границу в размере 20% от основного капитала ежегодно, начиная с момента регистрации. Что касается репатриации капитала, то она допускается в размере 20% основного капитала ежегодно спустя два года после регистрации иностранного инвестора в качестве вкладчика. Предусматривается также, что в случае банкротства предпринимателя могут быть установлены более сжатые сроки.

Предусматриваемые южнокорейским законодательством определенные ограничения перевода прибылей и репатриации капитала обусловлены как недостатком валютных резервов, так и стремлением направить часть прибылей американских инвесторов на дальнейшее расширение производства в Южной Корее. В этой связи японская печать отмечала, что «с точки зрения конверсии валюты корейский закон об иностранных капиталовложениях примерно такой же, как и другие законы на Дальнем Востоке (имеются в виду Япония и Тайвань.— *Б. С.*). Он устанавливает общий процентный предел на ежегодную конверсию, но этот предел не так велик, чтобы быть препятствием»[56]. Однако этим вопрос не исчерпывается, так как Южная Корея, располагая ограниченными запасами иностранной валюты, не всегда в состоянии обеспечить конверсию прибылей даже в установленных пределах. В этом отношении важную роль играет договор «О гарантиях частных капиталовложений». В случае если правительство Южной Кореи блокирует переводы прибылей или инвестированного капитала американских вкладчиков, то правительство США выплачивает инвестору эту сумму в долларах[57], а взамен получает право на суброгацию, т. е. замещение од-

[56] «The Japan times», 11.III.1960.

[57] Инвестор предварительно уплачивает правительству США небольшую страховую премию (0,5% от вложенного капитала).

ного лица другим в отношении исковых прав, притязаний и т. п. Иными словами, правительство США приобретает право свободного распоряжения денежными суммами в хванах, перевод которых блокирован южнокорейскими властями. Таким образом, прибыли монополиям США гарантированы в любом случае. Общие положения, касающиеся перевода прибылей и репатриации капитала, были уточнены специальным президентским декретом № 1569. Им предусмотрено, что иностранная валюта, контролируемая правительством Южной Кореи, не будет использоваться для оплаты переводов денежных сумм, принадлежащих американским инвесторам, и что оплата этих переводов должна производиться иностранной валютой, депонированной на частные счета в Корейском банке, или экспортными товарами. Вышеприведенное постановление можно было бы рассматривать как помеху частному американскому капиталу.

Однако «все в Корее (т. е. в Южной Корее. — *Б. С.*), включая бизнесменов, по-видимому, считают, что это просто временная бухгалтерская мера, так как в настоящее время нет запросов на перевод таких больших денежных сумм, какие требуют использования правительственной иностранной валюты», — писала 11 марта 1960 г. японская газета «Джапан таймс»[58]. Большие льготы предоставляются американским вкладчикам капитала в области налогообложения.

В течение первых пяти лет американские инвесторы полностью освобождаются от уплаты налогов на прибыли. В течение трех последующих лет предусматривается частичное освобождение от налогообложения. В пределах такого же периода не подлежат обложению таможенными сборами товары, импортированные как часть основного капитала инвесторов, а также машины, оборудование и строительные материалы, ввозимые для дальнейшего расширения деловой активности той или иной компании, в которой участвует иностранный капитал. Очень важным является то обстоятельство, что товары, произведенные на предприятиях, в которых участвует иностранный капитал, при продаже их на рынке также не подлежат обложению налогом. Несомненно, что эта

[58] «The Japan times», 11.III.1960.

налоговая льгота облегчит американским монополиям, инвестировавшим свои капиталы в Южной Корее, сбыт товаров, усилит ограбление трудящихся Юга, увеличит прибыли американских монополий и обеспечит им таким образом серьезные преимущества перед национальными предприятиями. Заметим, кстати, что законом запрещается создание государственных предприятий, которые смогли бы конкурировать с предприятиями американских инвесторов. Льготные условия налогообложения в Южной Корее открывают перед американскими монополиями новые возможности для наживы. Не случайно орган деловых кругов Японии газета «Джапан таймс», давая оценку этим условиям, писала: «Это делает закон в Корее в отношении налогообложения намного более благоприятным, чем законы, действующие где-либо... и этого будет почти достаточно, чтобы привлечь иностранных инвесторов ввиду налоговых сбережений, в частности потому, что американцы, очевидно, получат кредит в США на весь период, в течение которого они освобождаются от налога в Корее» [59].

Используя свое господствующее положение в Южной Корее, американские монополии получили особые гарантии своего капитала. В случае экспроприации частного капитала, допускаемой лишь в условиях «крайней национальной необходимости», инвестор получает соответствующую компенсацию от южнокорейских властей. Такие же гарантии предусмотрены и в том случае, если американский вкладчик понесет ущерб в результате военных действий. Правительство США со своей стороны гарантирует американским монополиям выплату компенсации или покрытие ущерба, нанесенного войной, в долларовой валюте, если южнокорейское правительство будет не в состоянии это сделать.

Южнокорейский закон о поощрении частных иностранных капиталовложений содержит такие положения, которыми предусматривается заключение с американскими фирмами контрактов о предоставлении займов и технической «помощи». Это объясняется острой нехваткой оборотного капитала и квалифицированных специалистов на Юге [60].

---

[59] Ibid.

[60] «The Korean republic», 26.III.1960.

Платежи по техническим контрактам, выплата процентов по займам и вознаграждений американским специалистам полностью освобождаются от взимания налогов в течение первых пяти лет и частично в течение трех последующих лет. Переводы за границу денежных сумм, причитающихся по таким контрактам, гарантируются южнокорейским правительством.

В целом южнокорейское законодательство о поощрении частных иностранных капиталовложений, по словам японской газеты «Джапан таймс» от 11 марта 1960 г., «удивительно либерально», ибо оно «предоставляет больше уступок, чтобы привлечь иностранный капитал, чем какой-либо подобный закон на Дальнем Востоке, включая законы Японии и Тайваня, прежде бывшие самыми либеральными»[61]. И тем не менее южнокорейская печать оценивает перспективы частных американских инвестиций довольно сдержанно. Так, газета «Кориэн рипаблик» в марте 1960 г. писала, что «все же можно надеяться на приток американского капитала, хотя экономическое положение Южной Кореи довольно трудное»[62].

Таким образом, несмотря на то что южнокорейское законодательство чрезвычайно благоприятно для американских инвесторов, оно не может полностью компенсировать внутреннюю слабость и неустойчивость экономики Юга. Именно это обстоятельство и вызывает опасения монополий США за свои прибыли.

Однако, с другой стороны, было бы ошибочным предполагать, что американские монополии вообще откажутся от инвестирования своих капиталов в Южной Корее. Они уже протягивают свои щупальца, стремясь захватить наиболее лакомые кусочки. По сообщению южнокорейской печати в начале марта 1960 г. было получено несколько запросов от американских фирм. Так нью-йоркская компания «Нейшнл балк кэриерс инкорпорейтид» предполагает построить нефтеочистительный завод. Другие американские фирмы интересуются возможностями капиталовложений в фармацевтическую и пищевую промышленность, в производство автомобильных шин[63]. Крупная южнокорейская буржуазия со своей

[61] «The Japan times», 11.III.1960.
[62] «The Korean republic», 26.III.1960.
[63] «The Korea times», 9.VI.1960.

стороны стремится использовать частный американский капитал для собственного обогащения. Еще в сентябре 1959 г. была учреждена акционерная компания «Кориа петролеум компани» с капиталом 2,5 млрд. хван[64], т. е. 5 млн. долл. В июне 1960 г. стало известно, что эта компания планирует привлечение частного американского капитала в размере 15 млн. долл. для совместного строительства и эксплуатации нефтеочистительных предприятий[65].

Вполне понятно, что такое «содружество», а в действительности хозяйничанье американских монополий ляжет тяжким бременем на плечи трудящихся Юга, ибо усилит их эксплуатацию. Разумеется, это усилит также и зависимость южнокорейской экономики от монополистического капитала США.

---

[64] «The Korean republic», 22.IX.1959.
[65] «The Korea times», 9.VI.1960.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА ЮЖНОЙ КОРЕИ

§ 1. ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА

После второй мировой войны и особенно после войны 1950—1953 гг. в Корее структура южнокорейского рабочего класса претерпела серьезные изменения. Это связано как с политикой США, направленной на свертывание ведущих отраслей национальной промышленности Юга, так и с крупными разрушениями народного хозяйства в военный период, вызвавшими сокращение рабочей силы. Кроме того, в результате репрессий и террора империалистов США и лисынмановских властей из рядов рабочего класса были вырваны многие кадровые рабочие, составлявшие авангард национально-освободительного движения. Все это крайне ослабило пролетариат Юга.

По данным официальной статистики, в 1958 г. из всего населения Южной Кореи в 22 655 тыс. человек [1] самодеятельное население (т. е. способное к труду, в той или иной отрасли народного хозяйства) [2] составляло 8440 тыс., или немногим более 37%. Подавляющее большинство самодеятельного населения было занято в сельском хозяйстве, рыболовстве, лесоводстве — 6229 тыс. человек; в горнодобывающей промышленности было занято 24 тыс., в обрабатывающей — 125 тыс., в строительной — 59 тыс., на транспорте и предприятиях связи — 74 тыс., на предприятиях общественного пользования

[1] «Economic survey of Asia and the Far East, 1958», Bangkok, 1959, p. 160.

[2] Южнокорейская статистика относит к самодеятельному населению лиц, достигших 14 лет.

(электричество, газ, вода) — 33 тыс. (в 1957 г.), в торговле — 530 тыс., в сфере услуг — 401 тыс. [3].

Таким образом, в 1958 г. общая численность промышленного пролетариата, учитываемого статистикой, составляла 315 тыс.

Эта цифра неточна, так как, с одной стороны, учитываются все занятые, а не только рабочие и, с другой стороны, не учтены безработные и полубезработные.

Кроме того, сюда не включены капиталистически занятые на дому рабочие, которых южнокорейская статистика учитывает в рубрике «домашняя промышленность» (см. стр 65). Поэтому численность промышленного пролетариата можно определить лишь приблизительно.

Далее, для того чтобы установить общую численность пролетариата Южной Кореи, необходимо учесть и ту, хотя и немногочисленную, группу рабочих, которая занята в сфере торговли и услуг. Однако сделать это не представляется возможным ввиду несовершенства южнокорейской статистики.

После войны 1950—1953 гг. в Южной Корее наблюдались серьезные изменения в структуре распределения общественного труда по отраслям народного хозяйства, связанные, в частности, с переливом капитала из сферы производства в сферу обращения. Это можно видеть из следующих данных о занятости южнокорейского населения (%) [4].

	На 31 декабря 1949 г.	На 31 декабря 1957 г.
Сельское хозяйство	79,9	78,3
Обрабатывающая промышленность	3,3	1,6
Горнодобывающая промышленность	0,4	0,3
Торговля	4,8	6,3
Транспорт	0,9	0,8
Свободные профессии	5,2	6,1
Прочие	5,5	6,6

[3] «Yearbook of labor statistics. 1959», Geneva, 1959, p. 82.

[4] «Минчжу чосон», 28.XI.1957. — Газета заимствовала данные за 1949 г. из южнокорейского ежегодника 1956 г., а за 1956 г. — из доклада Министерства внутренних дел Южной Кореи, опубликованного в сеульском журнале «Сеге вольбо», 27.V.1957.

Таким образом, удельный вес населения, занятого в промышленности, а также в сельском хозяйстве и на транспорте, уменьшился (причем в обрабатывающей промышленности более чем в два раза), а занятых в торговле — увеличился с 4,8 до 6,3%. Это объясняется неустойчивостью южнокорейской экономики, испытывающей большие трудности; оказал свое влияние и курс на «рационализацию производства», взятый предпринимателями после окончания войны в Корее.

Для более подробной характеристики структуры рабочего класса обратимся к статистике конца 1953 г. (табл. 9), ибо в более поздних публикациях данные неполны.

Таблица 9

Структура занятости по отраслям народного хозяйства в 1953 г.*

Отрасль народного хозяйства	Число занятых		
	мужчин	женщин	всего
Горнодобывающая промышленность	19 889	1 968	21 857
в том числе:			
угольная	8 012	434	8 446
горнорудная	11 636	1 497	13 133
каменоломни, песчаные карьеры	241	37	278
Обрабатывающая промышленность	55 057	46 390	101 447
в том числе:			
пищевая	13 958	5 530	19 488
текстильная	12 159	32 273	44 432
деревообрабатывающая и бумажная	3 656	496	4 152
полиграфическая	2 176	288	2 464
металлургическая и машиностроительная	8 964	664	9 628
химическая	6 914	2 520	9 434
силикатная	3 372	1 337	4 709
прочие	3 848	3 282	7 130
Строительная промышленность	3 071	382	3 453
Транспорт и связь	79 409	4 044	83 453
Итого	157 426	52 784	210 210

* «Кёнчже ёнгам», 1955, статистическое приложение, стр. 206—207. — В таблице не учтены предприятия с числом рабочих менее 5.

Уродливый, однобокий характер промышленности Южной Кореи обусловил такую структуру рабочего класса, при которой ведущее место занимают рабочие легкой промышленности. Как следует из таблицы 9, в конце 1953 г. более 63% всего фабрично-заводского пролетариата Южной Кореи составляли рабочие текстильной и пищевой промышленности. В конце 1955 г. в этих отраслях было занято 56% рабочих обрабатывающей промышленности[5]. (Некоторое падение удельного веса занятых в этих двух отраслях объясняется увеличением занятости в других отраслях легкой промышленности.)

Одной из особенностей пролетариата колониальных стран является высокий процент в его составе женщин и детей. Широкая эксплуатация женского и детского труда характерна и для южнокорейской промышленности. 25% всех рабочих Юга — женщины.

Особенно высокий процент использования женского труда наблюдается в обрабатывающей промышленности, где он постоянно растет. Так, в 1953 г. женщины составляли 46% всех фабрично-заводских рабочих, а к концу 1955 г. — уже 49,7%[6]. Этот показатель один из наиболее высоких в капиталистическом мире. По эксплуатации женского труда на первом месте стоит наиболее развитая отрасль обрабатывающей промышленности, текстильная: с 1953 по 1955 г. удельный вес женщин увеличился с 73 до 81,6% всех занятых на текстильных предприятиях[7].

По официальным данным, в 1953 г. 10—12% рабочих обрабатывающей промышленности составляли дети и подростки моложе 18 лет, в том числе почти 3% — дети моложе 12 лет[8]. В последующие годы, несмотря на прекращение военных действий, процент применения женского и детского труда в обрабатывающей промышленности изменился незначительно. В 1957 г., по данным ООН, женщины составляли 44,1% всех фабрично-заводских рабочих, подростки и дети — 11,1%[9]. Следователь-

[5] «Минчжу чосон», 28.XI.1957.
[6] «Кёнчже ёнгам», 1956, отд. I, стр. 199.
[7] Там же.
[8] «Кёнчже ёнгам», 1955, статистическое приложение, стр. 209.
[9] «Доклад генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи за период времени с 1 июля 1956 г. по 30 июля 1957 года», — «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Двенадцатая сессия», доп. № 17(А/3651), Нью-Йорк, 1957, стр. 22.

но, более 55% рабочих обрабатывающей промышленности — женщины и дети.

Образовательный уровень южнокорейских рабочих крайне низок. Колонизаторская политика японских и американских империалистов, направленная на удушение национальной культуры корейского народа, привела к тому, что среди рабочих велико число неграмотных (табл. 10).

Таблица 10

Образовательный уровень рабочего класса Южной Кореи (1953 г.)*

Отрасль хозяйства	Без образования	Окончившие начальную школу	Все рабочие
Горнодобывающая промышленность	11 144	7 839	21 857
Обрабатывающая промышленность	27 926	59 874	101 447
Строительная промышленность	1 357	1 606	3 453
Транспорт и связь	19 124	55 840	83 453
Итого . . .	59 551	125 159	210 210

* «Кёнчже ёнгам», Сеул, 1955, статистическое приложение, стр. 208—209.

Почти 24% всех рабочих Юга совершенно неграмотны. В целом, даже по официальным данным, около 88% южнокорейских рабочих либо неграмотны, либо владеют самыми элементарными знаниями.

Не имея цифровых данных о степени профессиональной подготовки и производственном стаже рабочих Юга, можно сделать лишь некоторые общие замечания. Южнокорейская официальная статистика не делает различий между высококвалифицированной рабочей силой и инженерно-техническим персоналом, объединяя их под общей рубрикой «кисульчже» (специалисты). Поэтому установить даже приблизительно число квалифицированных рабочих не представляется возможным. В конце

1953 г. из общего числа специалистов (42 191) в горнорудной промышленности было занято 2448, в обрабатывающей — 27 957, в строительной — 587, на транспорте — 11 219 [10].

В послевоенные годы на предприятия пришли новые рабочие, главным образом из разорившихся крестьян и кустарей. Естественно, что эта наиболее многочисленная категория южнокорейского промышленного пролетариата еще находится в плену отсталой мелкобуржуазной идеологии.

Выработке боевых качеств, консолидации южнокорейского пролетариата мешает и его распыленность по мелким предприятиям. По официальным данным, в конце 1955 г. менее 32% фабрично-заводского пролетариата работало на 244 предприятиях с числом занятых 100 и более [11].

§ 2. УСЛОВИЯ ТРУДА

Как сказано выше, после войны 1950—1953 гг. в Южной Корее произошло некоторое обновление основного капитала, что имело своим результатом увеличение производительности труда и связанное с этим повышение степени эксплуатации рабочего класса.

Промышленное оборудование, установленное в период японского господства, совершенно устарело. Наглядным свидетельством этого являются показатели о производительности труда в текстильной промышленности Южной Кореи в сравнении с соответствующими показателями в других странах. Так, в 1949 г. на одно веретено в Южной Корее за 8 часов работы приходилось 0,15—0,26 фунта пряжи, а в довоенной Японии — 0,4 фунта, в Англии — 0,33 фунта. В том же году ткач в Южной Корее вырабатывал за 8 часов от 11,4 до 19,48 ярда ткани, т. е. от одной трети до одной пятой производства ткани в довоенной Японии, где в среднем ткач вырабатывал от 55,26 до 64,57 ярда ткани [12]. Кроме того, многие промышленные предприятия были раз-

---

[10] «Кёнчже ёнгам», 1955, статистическое приложение, стр. 207.

[11] Подсчитано по данным, опубликованным в «Кёнчже ёнгам», 1957, отд. I, стр. 99—101.

[12] «Far Eastern economic review», vol. VII, 1949, № 16, p. 520.

рушены во время войны и, естественно, нуждались в обновлении основного капитала. В результате установки нового оборудования в ряде отраслей промышленности несколько повысилась производительность труда. Нормы выработки в угольной и текстильной промышленности возросли в три раза [13].

Однако этот рост норм — не столько результат обновления основного капитала, сколько следствие дальнейшей интенсификации труда. Об этом свидетельствует широко применяемая в послевоенный период так называемая «система оплаты в зависимости от производительности труда», предусматривающая различные мелкие надбавки, что позволяет предпринимателям устанавливать очень низкие основные ставки заработной платы [14].

Южнокорейские предприниматели не ограничиваются увеличением относительной прибавочной стоимости и стремятся приумножить свои прибыли также за счет увеличения абсолютной прибавочной стоимости путем интенсификации труда и удлинения рабочего дня. Применение этих методов повышения степени эксплуатации рабочего класса официально именуется «движением за рационализацию управления производством», которое было начато по инициативе марионеточного правительства сразу же по окончании войны [15].

Удлинение рабочего дня остается основным методом эксплуатации южнокорейского пролетариата. Продолжительность рабочего дня неодинакова в различных отраслях промышленности и даже на отдельных предприятиях одной и той же отрасли. Это зависит от степени организованности, от активности рабочих в борьбе за те права, которые формально предоставляются им трудовым законодательством.

Как явствует из «Меморандума Всемирной Федерации Профсоюзов о положении трудящихся в Южной Корее и о деятельности комиссии ООН для Кореи», в начале 1950 г. рабочий день, как правило, продолжался 10—14 часов. Так, у работников транспорта рабочая неделя составляла 70 часов, а на текстильной фабрике

---

[13] «Всемирное профсоюзное движение», 1957, № 7, стр. 36—37.
[14] Там же.
[15] «Минчжу чосон», 25.IV.1957.

«Синхан» в Сеуле молодые девушки работали более 90 часов в неделю [16].

Мы располагаем лишь отрывочными и неполными данными об увеличении продолжительности рабочего дня в послевоенные годы. Однако и имеющийся материал позволяет утверждать, что оно несомненно имело место. Так, например, в июле 1955 г. на многих крупных предприятиях, работающих беспрерывно, в том числе на текстильной фабрике компании «Тэхан» в Тэгу, вместо трех восьмичасовых смен были введены две двенадцатичасовые [17]. В феврале 1958 г. такое же «мероприятие» осуществила на своих предприятиях и другая крупная текстильная компания «Чосон панчик» [18].

Даже по официальным южнокорейским данным, рабочая неделя в текстильной промышленности составляла в 1955 г. 67 часов, так как предприниматели зачастую произвольно увеличивали ее продолжительность. В полиграфической промышленности рабочая неделя достигает 60 часов. Грузчики и разнорабочие городского хозяйства трудятся по 70 часов в неделю [19]. Не случайно поэтому одним из основных экономических лозунгов рабочего класса Южной Кореи является требование восьмичасового рабочего дня. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что курс на «рационализацию», предпринятый марионеточным правительством, выразился также в увольнении рабочих и служащих промышленных предприятий.

Удлинение рабочего дня, тяжелые условия труда на фабриках и заводах при отсутствии техники безопасности приводят к росту производственного травматизма на промышленных предприятиях. Хотя официальная статистика стремится скрыть истинное положение дел, проскальзывающие в печать данные позволяют утверждать, что число несчастных случаев растет.

Чрезвычайно тяжелым бременем для рабочего класса Южной Кореи является система принудительного труда, проводимая американскими империалистами и их южнокорейскими приспешниками. Строительство объектов стратегического значения — дорог, мостов и

[16] «Всемирное профсоюзное движение», 1950, № 4, стр. 25.
[17] «Всемирное профсоюзное движение», 1957, № 7, стр. 36—37.
[18] «Минчжу чосон», 5.XII.1958.
[19] «Yearbook of labor statistics. 1956», p. 195.

прочих сооружений — сопровождается насильственной мобилизацией рабочей силы по распоряжению марионеточных властей или «командования войск ООН в Корее».

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что после войны американские колонизаторы и южнокорейские власти повели новое наступление на рабочих. Естественно, это ухудшило и без того тяжелое положение пролетариата, усилив его обнищание. В связи с этим рабочий класс Южной Кореи активизирует свою борьбу против колонизаторов, в которой наряду с экономическими требованиями все яснее выступают общеполитические требования — изгнание чужеземных империалистов и завоевание подлинной независимости путем мирного объединения родины.

§ 3. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ

Единственным источником существования рабочего, эксплуатируемого капиталистом, является заработная плата. Проследив, в какой мере заработная плата обеспечивает необходимый прожиточный минимум, т. е. каково соотношение номинальной и реальной заработной платы, можно составить конкретное представление об абсолютном обнищании пролетариата.

Рассмотрим уровень заработной платы южнокорейского рабочего. Южнокорейская официальная статистика, как и статистика всех капиталистических стран, пытается замаскировать действительное соотношение между заработной платой и ценами. Однако даже эта фальсифицированная статистика не может скрыть того, что рост заработной платы резко отстает от роста цен. Ниже приводятся данные Корейского банка об индексах цен и заработной платы на декабрь 1945 г. — январь 1948 г. (1936 г. = 100) [20]:

	Декабрь 1945 г.	Декабрь 1948 г.
Цены	6 964	149 381
Заработная плата	2 564	18 715

[20] «Первая часть доклада Временной комиссии ООН по вопросу о Корее», т. I, — «Генеральная Ассамблея. Официальный отчет третьей сессии», доп. № 9 (A/575), Лейк Соксес, Нью-Йорк, 1948, стр. 30. — За базу принят 1936 год — последний год перед началом японо-китайской войны 1937—1945 гг.

Следовательно, за этот период цены выросли приблизительно в 20 раз, а заработная плата — только в 7,5 раза. Цены резко подскочили в августе 1945 г. и затем начали неудержимо расти. Заработная плата, по свидетельству американского журнала «Мансли лейбор ревью» (апрель 1949 г.), была пересмотрена только в марте 1947 г. Более полное представление о динамике цен и заработной платы дают данные Корейского банка (табл. 11).

Таблица 11

Индекс цен и заработной платы в г. Сеуле в 1945—1947 гг. *, (1936 г. = 100)

Месяц	1945 г.		1946 г.		1947 г.	
	цена	заработная плата	цена	заработная плата	цена	заработная плата
Январь	238	246	10 913	3386	45 912	12 589
Август	4323	—	20 058	7 526	54 183	17 010
Декабрь . . .	9605	2564	37 021	11 936	76 898	17 704

* «Chosun Bank. Monthly statistical review», 1948, January. — Цит. по кн.: G. M. McCune, *Korea today*, p. 167.

Из таблицы видно, что рост цен намного опережал рост заработной платы. Здесь, правда, не отражено некоторое повышение заработной платы в марте 1947 г.: видимо, это изменение незначительно повлияло на средний индекс.

Показательны также и абсолютные цифры: так, например, в течение 1946—1947 гг. месячная заработная плата рабочего-железнодорожника составляла в среднем 1728 вон. В течение этого периода цена за один маль (14,6 *кг*) риса, основного продукта питания корейского рабочего, повысилась в два раза, с 500 до 1000 вон. Таким образом, в 1947 г. рабочий мог приобрести на семью из пяти человек менее 29 *кг* риса в месяц[21]. По расчетам американского автора Маккюна, покупка ряда товаров обыкновенной семьей рабочего потребовала бы по

[21] Подсчет сделан по данным официальной южнокорейской статистики, опубликованным в книге: G. M. McCune, *Korea today*, p. 341.

рыночным ценам расходов в 3,5 раза больших, чем заработная плата главы семьи, в то время как даже в 1936 г. стоимость этих товаров составляла менее 60% средней заработной платы главы семьи [22]. Необходимо помнить также, что в 1946—1947 гг. приблизительно в такой же пропорции, что и цены на рис, росли цены и на другие важнейшие потребительские товары: соль, минтай (вяленая рыба), хлопчатобумажные ткани и т. д. По сведениям южнокорейской буржуазной газеты «Кенхян синмун», цены выросли по сравнению с 1936 г. к 1948 г. в 800 раз, а заработная плата — только в 160—180 раз. Накануне нападения на КНДР в Южной Корее продолжался быстрый рост цен на рис и другие продовольственные товары. С декабря 1948 г. по декабрь 1949 г. цены на рис почти удвоились и продолжали повышаться. К июню 1950 г. они возросли по сравнению с декабрем 1949 г. почти на 300% [23].

Таким образом, разрыв между номинальной заработной платой и ценами неуклонно увеличивался, реальная заработная плата становилась еще более низкой. Представитель марионеточного правительства Дэвид Ли вынужден был признать низкий жизненный уровень южнокорейских рабочих. «Корейская система заработной платы, — заявил он в июле 1950 г., — базируется, главным образом, на стоимости риса; при средней месячной заработной плате фабричного рабочего в 7989 вон бушель риса (29,3 *кг*. — *Б. С.*) стоит 25 000 вон» [24].

Следовательно, в июле 1950 г. рабочий мог приобрести на свою месячную заработную плату менее 10 *кг* риса. В таких условиях чрезвычайно обострилась проблема обеспечения городского населения продовольствием. Американская администрация прибегла к принудительному сбору риса у крестьян по низким закупочным ценам. Была введена пайковая система снабжения. Принудительный сбор риса, составлявший основной пайковый фонд, все время увеличивался и в 1947 г. составлял 30% всего летнего урожая. По американским

[22] Ibid., p. 168.

[23] «Доклад комиссии ООН по вопросу о Корее (15 декабря 1949 г. — 4 сентября 1950 г.)»,— «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятая сессия», доп. № 16 (A/1350), Лейк Соксес, Нью-Йорк, 1950, стр. 21—22.

[24] «Industrial worker», Chicago, 14.VII.1950.

данным эти сборы обеспечивали 68% ежедневного потребления южнокорейского населения в период с 1 декабря 1946 г. по 1 июля 1947 г. Позднее норма пайка была снижена еще на 20%. Трудно установить, насколько достоверны эти цифры, но совершенно очевидно, что небольшой паек мог обеспечить южнокорейскому рабочему лишь полуголодное существование. В целом, как неоднократно признавала американская печать, жизненный уровень населения Южной Кореи в 1945—1950 гг. был даже ниже, чем в период японского господства. Так, в 1932—1936 гг. средняя калорийность пищевых продуктов, приходящихся ежедневно на душу населения, составляла 2039 кал., а в 1946—1947 гг. только 1468 кал.[25]. Весьма примечателен тот факт, что снижение калорийности произошло, несмотря на увеличение душевого потребления риса. Совершенно очевидно, что население стремилось восполнить нехватку других дорогостоящих высокопитательных продуктов за счет увеличения потребления риса, а в конечном счете питалось хуже. С другой стороны, повышенный по сравнению с периодом 1932—1936 гг. спрос на рис еще более взвинчивал цены.

Материальное положение рабочего класса Южной Кореи после войны 1950—1953 гг. остается по-прежнему тяжелым, хотя, судя по официальным данным, главным образом по сведениям ООН, отставание заработной платы от цен в послевоенный период было несколько меньшим, чем до 1950 г.

Не случайно Экономическая комиссия для стран Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ) в своем очередном обзоре признавала, что в Южной Корее «розничные цены на зерно оказывают более непосредственное влияние на представление рабочих и служащих о „справедливой" зарплате, чем это делает общий индекс розничных цен»[26]. С июня 1954 по март 1955 г. розничные цены в Сеуле выросли на 87%, а заработная плата — только на 43%. Изменения в заработной плате сильно варьировались как по отраслям, так и по различным профессиям одной и той же отрасли. Например, заработная плата штукатуров, маляров, рабочих-металли-

[25] G. M. McCune, *Korea today*, p. 121.

[26] «Economic survey of Asia and the Far East, 1955», Bangkok, 1956, p. 148.

стов и печатников увеличилась более чем на 100%, каменщиков — на 76%, текстильщиков — на 80%. В то же время заработная плата рабочих в резиновой промышленности возросла всего на 20%. В столь же тяжелом положении оказались стеклодувы, пивовары, кузнецы, швейники. Заработная плата неквалифицированного рабочего выросла на 60%, а увеличение оплаты труда чернорабочего составило только 30% [27]. Если же проследить разницу в заработной плате по отраслям обрабатывающей промышленности в 1945—1956 гг., то окажется, что самая низкая оплата труда была в текстильной промышленности, т. е. в отрасли, где насчитывалось наибольшее число рабочих, а самая высокая — в строительной. Объясняется это, во-первых, лучшей организованностью строителей и, во-вторых, тем, что в текстильной промышленности были заняты преимущественно женщины и подростки, труд которых оплачивается очень низко, спрос же на рабочих-строителей был относительно велик. (Он вызывался строительством военных объектов, восстановлением предприятий, учреждений и жилищ, разрушенных во время войны.) Поэтому предпринимателям приходилось несколько повышать оплату строительных рабочих.

В 1956 г. цены на рис. вновь выросли на 58%, что было вызвано резким повышением цен (в пять раз) на удобрения. Такой резкий рост цен на удобрения связан с тем, что с 1 января 1956 г. вступило в силу соглашение с США, согласно которому цены на удобрения, ввозимые по программе экономической «помощи», назначались исходя из валютного курса 800 хван за доллар. Между тем заработная плата возросла только на 25% [28]. Все это приводило к падению реальной заработной платы, положение рабочих ухудшалось. Даже фальсифицированная официальная статистика не могла это скрыть. Вот некоторые данные за 1951—1957 гг. (табл. 12).

Из таблицы видно, что и в послевоенный период рост заработной платы резко отставал от роста стоимости

[27] Ibid.

[28] «Доклад генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи за период времени с 1 июля 1955 г. по 30 июня 1956 г.», — «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Одиннадцатая сессия», доп. № 16 (A/3195), Нью-Йорк, 1956, стр. 19—20.

жизни. В течение четырех послевоенных лет реальная заработная плата составляла в среднем приблизительно 41% прожиточного минимума.

Таблица 12

Заработная плата рабочих обрабатывающей промышленности и прожиточный минимум в 1951—1957 гг. *, хваны

Год	Среднемесячная заработная плата одного рабочего (А)	Среднемесячный прожиточный минимум (Б)	Отношение А к Б в процентах
1951	1 594	5 500	29
1952	4 185	10 970	38
1953	6 781	19 248	35
1954	13 831	33 837	41
1955	21 405	50 230	43
1956	26 429	61 946	41
1957	22 308	57 883	38

* «Кёнчже ёнгам», 1956, отд. I, стр. 275—311; 1957, отд. I, стр. 275—293; «Хангук ынхэн чоса вольбо», 1957, № 8, стр. 87; 1958, № 2, стр. 78.

На предприятиях Южной Кореи сохранилась выдача части заработной платы натурой, т. е. продовольственным пайком. На первый взгляд, выдача пайка (весьма небольшого) в какой-то мере облегчает положение рабочего, предотвращая падение его реальной заработной платы в результате непрерывного роста цен. На деле пайковая система выгодна только предпринимателям, так как она облегчает обман и обсчет рабочих. Кроме того, выдача пайков (как и заработной платы) часто задерживается, и вместо них выдаются особые талоны, которые, пользуясь безвыходным положением рабочих, скупают предприимчивые спекулянты. В целом с 1948 по 1956 г. покупательная способность всего населения понизилась в два раза [29].

Таким образом, отставание роста заработной платы от роста цен наблюдается в Южной Корее как до войны 1950—1953 гг., так и в послевоенные годы. Для полноты картины необходимо подчеркнуть, что некоторое

[29] «Economist», London, vol. CLXXX, 1956, № 5896, p. 618.

подтягивание заработной платы до уровня цен далеко не одинаково для различных отраслей промышленности и даже групп рабочих. Более того, в некоторых отраслях заработная плата оставалась зачастую неизменной и даже снижалась, несмотря на рост цен. Так, с июня 1956 по май 1957 г. заработная плата рабочих угольной промышленности увеличилась на 47% при росте цен за тот же период на 20,9%. Однако за те же годы номинальная заработная плата рабочих горнорудной отрасли, число которых составляет 46,8% всех занятых в горнодобывающей промышленности, оставалась фактически неизменной; следовательно, положение их ухудшилось. Номинальная заработная плата рабочих в резиновой промышленности снизилась на 4%, а в обувной промышленности и производстве готового платья — на 0,5% [30]. Следовательно, некоторое улучшение положения какой-либо группы рабочих происходит, как правило, за счет ухудшения других групп.

Заработная плата женщин значительно ниже, чем рабочих-мужчин. В мае 1957 г. средняя ежемесячная заработная плата мужчин составляла 25 900 хван, а женщин — 14 100 хван, т. е. всего 54% заработной платы мужчин [31].

Бедственное положение южнокорейского рабочего усугубляется и вследствие крайне нерегулярной выдачи заработной платы, причем задержка ее в Южной Корее разрешена законом. В начале 1954 г. был издан «примерный закон о труде», согласно которому предпринимателю разрешается задерживать рабочим заработную плату на любой срок. За это с него взимается штраф в размере не более 1000 хван [32]. На практике оплата труда нередко задерживается на 6—8 месяцев, и предприниматель, охраняемый антинародным южнокорейским законодательством, штрафа не уплачивает.

Чтобы представить яснее положение рабочего класса в южной части Кореи, необходимо рассмотреть и нало-

[30] «Доклад генерального агента Органа ООН по восстановлению Кореи за период времени с 1 июля 1956 г. по 30 июня 1957 г.», — «Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Двенадцатая сессия», доп. № 17 (A/3651), Нью-Йорк, 1957, стр. 22.

[31] Там же.

[32] «Информационный бюллетень Департамента культурных связей с заграницей Министерства культуры и пропаганды КНДР», Пхеньян, 20.VI.1954, № 17, стр. 78.

товую систему, которая ложится тяжким бременем на трудящихся. Налоги, взимаемые с населения, составляют, как правило, 50—70% доходной части бюджета марионеточного правительства.

Неудержимый рост цен и непосильное налогообложение привели к тому, что реальная заработная плата в феврале 1957 г. была в среднем на 40% ниже, чем в 1935—1937 гг. [33].

Уровень реальной заработной платы южнокорейского пролетариата неуклонно падает вследствие роста безработицы. Безработица в Южной Корее вызывается большой недогрузкой производственных мощностей национальной промышленности в мирное время в результате наплыва американских потребительских товаров, аграрным перенаселением и отливом в связи с этим значительного числа крестьян из деревни в город, разрухой народного хозяйства после войны 1950—1953 гг., а также курсом на «рационализацию» производства.

Официальная статистика безработицы так отрывочна и неполна, что лишь в некоторых случаях можно отличить собственно рабочих, уволенных с предприятий, от крестьян, пришедших из деревни на заработки. Изредка можно установить, какой процент составляют полубезработные. А самое главное — официальная статистика преуменьшает данные о численности безработных. Тем не менее даже такого рода цифры весьма показательны.

В ноябре 1946 г. в Южной Корее, по официальным данным, насчитывалось 1 101 723 безработных, в том числе в фабрично-заводской промышленности 187 955, т. е. несколько больше 17%, в горнодобывающей — 122 598, или приблизительно 11,1%, на транспорте — 39 965, или примерно 3,6%, в строительной — 141 784, или около 13%. Таким образом, безработные в промышленности и на транспорте составили приблизительно 44,7% общего числа безработных [34].

В последующий период безработица неуклонно увеличивалась. В 1949 г. насчитывалось уже 3 млн. безработных [35]. Можно полагать на основании косвенных дан-

[33] «Кёнчже консоль», 1957, № 8, стр. 90.

[34] Проценты подсчитаны по данным, приводимым в «Чосон кёнчже ёнбо», 1948, отд. 1, стр. 203—204.

[35] «Tribune», Sydney, 8.VII.1950.

ных, что увеличение безработицы было вызвано главным образом за счет сельскохозяйственного населения, пришедшего на заработки в город. В послевоенный период безработица отнюдь не уменьшилась. По сообщению южнокорейской печати в начале 1958 г. в Южной Корее насчитывалось уже 4286 тыс. безработных и полубезработных, что составляет 36,6% всего самодеятельного населения [36]. Южнокорейская печать открыто признает, что безработица является настоящим бедствием, одной из основных проблем, которые ждут своего разрешения.

§ 4. ТРУДОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В условиях колониального господства японского империализма рабочий класс Кореи не имел никакого трудового законодательства.

Американская военная администрация в период оккупационного режима под напором массового демократического движения в стране была вынуждена издать ряд декретов, регулировавших отношения между рабочими и предпринимателями. Новоявленные колонизаторы пытались обмануть рабочих Южной Кореи демагогической фразеологией и лживыми обещаниями, доказывая им, что с колониальным господством покончено, что наступил какой-то новый период.

Стремясь отвлечь трудящихся от классовой борьбы, империалисты США лицемерно внушали им, что их положение не хуже, чем в северной части страны. Действительный характер мероприятий Американской военной администрации в области трудового законодательства достаточно ясно виден уже в ее первых декретах. Так, в декрете № 14 от 10 октября 1945 г. было сказано, что установление основной заработной платы и возможности ее увеличения «позволят иметь обычную восточную (?) практику дифференциации между заработной платой мужчины и женщины, между молодым и старым рабочим, между простым рабочим и рабочим-надсмотрщиком» [37]. Таким образом, о демократическом характере такого рода актов не может быть и речи. Дек-

[36] «Сеул синмун», 13.V.1958.
[37] «Ordinances, Instructions, Appointments», Seoul, 1946.

рет АМГ № 19 от 30 октября 1945 г. прямо указывал: «Чтобы предотвратить прекращение или сокращение производства в отраслях промышленности, которые объявлены Военной администрацией основными, конфликты.... будут разрешаться арбитражной комиссией, чьи решения окончательны и обязательны для обеих сторон» [38]. Следовательно, оккупационные власти не только предусматривали передачу конфликтов в промышленности на разрешение принудительного арбитража, но и запрещали бросать работу до вынесения арбитражного решения. Это означало, что в так называемых «основных отраслях промышленности» забастовки фактически запрещались вообще.

Национальная арбитражная комиссия и провинциальные арбитражные комиссии были учреждены на основании декрета № 34 от 8 декабря 1945 г. Деятельность их полностью контролировалась Военной администрацией и местными исполнительными властями.

23 июля 1946 г. при АМГ был учрежден департамент труда (декрет № 97). Одновременно южнокорейским рабочим предоставлялось право на организацию и заключение коллективных договоров. Однако система принудительного арбитража и фактическое запрещение забастовок в основных отраслях промышленности сводили на нет значение коллективных договоров. Практика заключения их не получила широкого распространения. Единственный случай — это заключение коллективного договора с правительственной компанией «Сеул чонги хвеса» в сентябре 1946 г. [39]. Что касается рабочих организаций, то, как признавал в апрельском номере за 1949 г. американский буржуазный журнал «Мансли лейбор ревью», «рабочие союзы не играли важной роли... во время американской оккупации». По свидетельству того же журнала, осуществлению права рабочих создавать свои организации, так же как и заключать коллективные соглашения, препятствовал «интерес рабочих союзов к политическим делам, активность коммунистов, а также борьба корейских и американских чиновников с коммунистическим влиянием» [40]. Деятельность профес-

[38] Ibid.

[39] 「想思界」 («Саганге»), Сеул, 1959, № 4, стр. 187.

[40] «Monthly labor review», Washington, vol. 68, 1949, № 4, pp. 405—406.

сиональных союзов была поставлена под неослабный надзор полиции. Даже свои собрания рабочие могли проводить только с ее разрешения.

Чтобы ослабить борьбу рабочего класса за национальное единство, подорвать ее изнутри, южнокорейские власти под видом рабочей организации 10 марта 1946 г. создали проправительственную профсоюзную организацию «Лигу труда Великой Кореи», куда рабочих вовлекали насильно[41]. Иными словами, американское военное командование и его южнокорейские приспешники стремились помешать политической организации рабочего класса, консолидации его сил.

Однако американские власти не могли игнорировать выступления рабочих Юга. Согласно декрету АМГ № 21 от 7 ноября 1946 г. («О максимуме рабочих часов») были установлены 8-часовой рабочий день и 48-часовая рабочая неделя. Истинный характер этого постановления виден уже из того, что предпринимателям в законодательном порядке предоставлялось право увеличивать рабочую неделю до 60 часов. По признанию официальных представителей АМГ, и этот максимум рабочих часов в неделю, как правило, игнорировался предпринимателями.

Формально американские оккупационные власти специальным законом запретили применять труд детей моложе 12 лет. По поводу этого закона американский журнал «Мансли лейбор ревью» писал с циничной откровенностью, что «он (закон. — *Б. С.*) был неприменим во многих отраслях потому, что корейская традиция (!?) делала неприемлемыми для взрослого населения опре-

---

[41] Для характеристики политического облика этой организации приведем высказывания южнокорейского журнала «Сасанге», который никак нельзя заподозрить в симпатиях к коммунистам. В апрельском номере этого журнала за 1959 г. говорилось, в частности, следующее: «13 лет назад, в 1946 г., на свет появилась „Лига труда Великой Кореи", чтобы непосредственно разрешить вопрос о так называемом коммунистическом движении „всеобщей критики" (имеется в виду общедемократическое движение после второй мировой войны. — *Б. С.*), которое тогда почти господствовало среди трудящихся нашей страны. Поэтому в начальный период своего существования „Лига труда Великой Кореи"... не могла не сосредоточить свои усилия на борьбе за разгром организованного движения „всеобщей критики", опиравшегося на коммунистов» («Сасанге», 1959, № 4, стр. 186).

деленные виды работ, а также потому, что фабричное оборудование было достаточно эффективно только при детском труде» [42].

Показательно свидетельство американского журналиста Марка Гейна, посетившего Южную Корею в конце 1946 г. Он писал: «Фабрика, которую мы осматривали, явно предназначалась специально для показа посетителям. Но даже в качестве таковой она представляла собой весьма поучительное зрелище. Из 1300 рабочих 900 — девочки. Все они говорили, что им по 14 лет, однако они или лгали, чтобы сохранить работу, или же из-за их недоедания выглядели такими тщедушными, что им нельзя было дать больше 9 лет. Мы шли мимо бесконечных рядов ткацких станков и маленьких бледнолицых детей, а наш проводник, американский офицер, рассказывал о больших успехах в области промышленного восстановления под руководством военной администрации» [43].

Оценивая деятельность АМГ в области трудового законодательства, нужно отметить наряду с ярко выраженным демагогическим характером изданных ею декретов полное отсутствие законов по вопросам социального страхования.

В свою очередь марионеточное правительство, сменившее Военную администрацию, не торопилось принимать новые декреты, хотя официально, под давлением рабочего движения, признавало ограниченность и недостаточность ее трудового законодательства. Только 20 апреля 1953 г. соответствующими президентскими декретами были введены в силу «закон о профсоюзах», «закон об урегулировании трудовых конфликтов», «закон о коллегиях по вопросам труда». Однако все эти акты приобрели реальное значение лишь спустя год, когда 7 апреля 1954 г. президентским декретом № 889 был введен в силу основной закон трудового законодательства Южной Кореи — «закон о трудовых стандартах» («Нодон кичжун поп»), который содержал положения, касающиеся продолжительности рабочего дня, минимума заработной платы, охраны труда женщин и несовершеннолетних, социального страхования. Все четыре вы-

[42] «Monthly labor review», vol. 68, 1949, № 4, pp. 405—406.
[43] М. Гейн, *Японский дневник*, М., 1951, стр. 422—423.

шеназванных закона и составляют в совокупности трудовое законодательство в современной Южной Корее [44].

Южнокорейские власти, копируя декреты АМГ, все же вынуждены были включить в трудовое законодательство некоторые новые положения, что создавало видимость заботы о благе рабочих. Так, в «законе о трудовых стандартах», как и до 1948 г., предусматривалась возможность увеличения 48-часовой недели до 60 часов, но на вредных и опасных работах устанавливалась 36-часовая рабочая неделя, которая могла быть увеличена до 48 часов.

Новым по сравнению с законодательством АМГ является введение социального страхования в случае болезни или смерти. Однако предусмотренное им ничтожное пособие никак не может компенсировать южнокорейскому рабочему потерю здоровья. О широком распространении так называемых профессиональных болезней среди рабочих в результате чрезвычайно тяжелых условий труда писала в своих отчетах даже ЭКАДВ. По данным этой комиссии, в 1955 г. 80% шахтеров угольной компании «Тэхан», на предприятиях которой было занято около 8 тыс. человек, были больны туберкулезом легких [45].

Наряду с этими новыми положениями в трудовом законодательстве были и такие положения, которые являются шагом назад по сравнению с ранее принятыми законами. Так, по новому закону запрещается применение труда детей моложе 13 лет. Этим актом южнокорейские власти отступили от принятого в июне 1947 г. «временным законодательным собранием» закона, запрещавшего применение труда детей моложе 14 лет. Более того, согласно статье 50 «Закона о трудовых стандартах» допускается применение труда детей и в возрасте ниже 13 лет, если имеется специальное разрешение департамента социальных дел. Хотя рабочий день подростков в возрасте от 13 до 16 лет и ограничивается

[44] Официальный текст вышеназванных законов в сильном сокращении опубликован в «Yearbook on human rights for 1953» United Nations, New York, 1955, pp. 175—182. Более или менее подробное изложение этих законов опубликовано в «Кёнчже ёнгам», 1955, отд. I, стр. 183—189 и «Industry and Labor», Geneva, vol. X, 1953, № 8, pp. 316—321.

[45] «Economic survey of Asia and the Far East. 1955», Bangkok, 1956, p. 143.

7 часами, его продолжительность по разрешению департамента социальных дел может быть увеличена до 9 часов (статья 55).

Следует особо подчеркнуть, что даже этот ограниченный закон применяется далеко не на всех предприятиях Южной Кореи, так как предприниматели попросту игнорируют его. Естественно, это вызывает массовое недовольство рабочих. Не случайно даже ублюдочная «Лига труда» вынуждена заявлять о необходимости ввести в действие «закон о трудовых стандартах» на всех предприятиях [46].

«Закон об урегулировании трудовых конфликтов» по существу является повторением декрета Американской военной администрации о принудительном арбитраже. Южнокорейские власти демагогически предоставляют право рабочим на забастовку экономического характера, но фактически рядом законодательных ограничений лишают их даже этого права. Так, забастовки могут быть прекращены на так называемый «период разрядки» или «период охлаждения» продолжительностью от 3 до 6 недель, т. е. на тот период, который предусмотрен законодательством для улаживания конфликта между сторонами при посредничестве административных властей или коллегии по вопросам труда, каковым органам стороны обязаны сообщить о конфликте. Имеются особые постановления, касающиеся государственных служащих, согласно которым на транспорте, предприятиях связи, электростанциях и медицинских учреждениях правительство имеет право запретить забастовку под тем предлогом, что она «поставит под угрозу повседневную жизнь общества». Кроме того, административные власти могут запретить забастовку под предлогом «нарушения эксплуатации или нормальной работы оборудования по обеспечению безопасности».

Посредничество и арбитраж при конфликтах в промышленности, которые с точки зрения марионеточных властей являются «законными», осуществляются коллегией по вопросам труда, созданной на основании специального закона. В функции этой коллегии входит также вынесение решений по вопросам, которые особо отмечены в «законе о профсоюзах», и др. К их числу отно-

[46] «Сасанге», 1959, № 4, стр. 187.

сится вопрос о соответствии или противоречии устава профсоюза «Общественному порядку и общественным интересам», о соответствии какой-либо резолюции профсоюза «постановлениям закона», о роспуске профсоюзов. Кроме того, коллегия по вопросам труда может давать административным властям «советы по улучшению условий труда». Следовательно, полномочия коллегии по вопросам труда весьма обширны. Фактически же главная задача этого органа — прикрывать произвол властей, по указаниям которых он и штампует свои резолюции. В качестве примера можно привести статью 32 «закона о профсоюзах», которая гласит: «Если профсоюз нарушил постановление закона или указа или деятельность его вредна для общества, административные власти могут дать указание коллегии по вопросам труда распустить упомянутый профсоюз». Структура и состав этого органа соответствуют его назначению. Помимо центральной коллегии по вопросам труда, существуют местные коллегии, а в случае необходимости учреждаются и специальные коллегии для определенного района или особой отрасли промышленности. Каждая коллегия состоит из девяти членов: по три представителя от рабочих и предпринимателей, назначенных по рекомендации профсоюзов и организаций предпринимателей, и трех представителей общественности. Назначение членов центральной коллегии по вопросам труда, которая предписывает процедуру работы для всех других коллегий, производится президентом сроком на год. В случае равенства голосов председатель, избираемый из числа представителей «общественности», имеет решающий голос. Подобная организация этого органа, по существу наделенного правами толкования и осуществления на практике трудового законодательства, исключает возможность участия в нем представителей трудящихся. В этот орган попадают лица, угодные властям: профсоюзные бонзы и представители высших слоев интеллигенции [47].

Это не случайно, так как центральная коллегия отнюдь не собирается защищать интересы трудящихся. Более того, она призвана отстаивать интересы предпри-

[47] Состав центральной коллегии по вопросам труда в 1954 г. см. в «Кёнчже ёнгам», 1955, отд. I, стр. 184.

нимателей. Особенно в этом усердствуют профсоюзные «вожди» — ставленники правительства, рьяные защитники капиталистической эксплуатации.

Верхушка проправительственных профсоюзов Южной Кореи развертывает свою деятельность в тесном контакте с американскими колонизаторами и их южнокорейскими наймитами.

Южнокорейская печать открыто называет «Лигу труда» «основной организацией либеральной партии» [48], являющейся, как известно, ревностной защитницей интересов американского империализма в Южной Корее. «Ввиду тесной связи между рабочими союзами и либеральной партией (президента Ли), а также политической остроты рабочего вопроса в Корее вообще, — заявил 5 апреля 1960 г. помощник государственного секретаря США Грэхэм Парсонз, — важно внимательно следить и тщательно оценивать политический смысл растущего рабочего движения» [49]. Это заявление было сделано в подкомитете по ассигнованиям палаты представителей в связи с предполагаемым назначением специального советника по вопросам рабочего движения в американское посольство в Сеуле.

Еще в 1950 г. бывший секретарь по вопросам труда южнокорейского правительства Дэвид Ли (кстати сказать, он получил ученую степень в Колумбийском университете) отправился в США с целью изучения профсоюзных институтов, ибо «корейские (южнокорейские.— *Б. С.*) профсоюзные лидеры, — как заявил он корреспондентам в Вашингтоне, — нуждаются в инструкциях и руководстве, которые должны помочь им понять применение на практике демократии в их профсоюзах...» [50]. Какие результаты дало это «практическое изучение демократии» в профсоюзах, ярко показывает заявление правительства Ли Сын Мана в июне 1955 г. о том, что «все бастующие будут рассматриваться как агенты коммунистов» [51]. Поэтому арест за участие в забастовке и заключение в тюрьму — обычное явление. Несмотря на такие драконовские меры, недовольство корейских трудящихся все чаще вырывается наружу и находит свое

[48] «Сасанге», 1959, № 4, стр. 186.
[49] «The Korea times», Seoul, 7.IV.1960.
[50] «Industrial worker», 14.VII.1950.
[51] «Всемирное профсоюзное движение», 1957, № 7, стр. 38.

выражение в массовых выступлениях. В 1956 г. рабочие провели 96 забастовок и демонстраций, что превышало число подобных случаев в 1955 г. почти в два раза[52]. Особо следует отметить забастовку 8 тыс. горняков каменноугольной компании «Тэхан»[53]. 1957 год также ознаменовался крупными выступлениями рабочего класса Южной Кореи: по неполным данным в этом году произошло более 50 крупных выступлений, в которых приняло участие в общей сложности более 114 тыс. рабочих[54].

Всего, как сообщала газета «Пхеньян синмун», со времени перемирия по март 1958 г. произошло 320 выступлений южнокорейских рабочих. Их основными требованиями были повышение заработной платы, улучшение условий и отмена незаконных увольнений рабочих.

Стремясь сдержать развитие рабочего движения, «Лига труда» всячески пытается помешать росту политической сознательности южнокорейского пролетариата. Это проявилось, в частности, в запрещении праздновать День международной солидарности трудящихся 1 Мая. Характерно, что руководители этой антирабочей организации мотивировали свое решение необходимостью иметь «самобытный» праздник и не нашли ничего другого, как отмечать «праздник труда» 10 марта, т. е. в день создания «Лиги труда Великой Кореи». Это решение было принято в октябре 1958 г.[55]. Однако пролетариат Южной Кореи полон решимости бороться за свои права в едином строю международного рабочего движения.

Ныне рабочий класс Южной Кореи после дезорганизации, вызванной войной и свирепым военно-полицейским террором, вновь выходит на дорогу классового сплочения во имя грядущих новых битв за свое социальное и национальное раскрепощение.

---

[52] «Новая Корея», Пхеньян, 1957, № 5, стр. 39—40.

[53] «Дружба», Пекин, 16.VIII.1957.

[54] Сводные данные вычислены по материалам газеты «Минчжу чосон», 9, 10, 13, 14.IV.1958.

[55] «Сасанге», 1959, № 4, стр. 186.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце апреля весь мир облетела весть: диктатор Ли Сын Ман ушел в отставку. Массовая волна митингов, протестов, мощных демонстраций, кровавых стычек с полицией и войсками предшествовала свержению ненавистной марионетки американских империалистов в Южной Корее. «Народное восстание в Южной Корее, — говорилось в обращении Центрального Комитета Трудовой партии Кореи к южнокорейскому населению от 21 апреля 1960 г., — это взрыв гнева, накопившегося у южнокорейского населения за 15 лет после освобождения, под деспотическим гнетом американских империалистов и клики Ли Сын Мана, это проявление единодушного стремления и решимости всего южнокорейского населения добиться свободы, демократических прав и новой жизни».

Непосредственным поводом для восстания послужила грубейшая фальсификация президентских выборов в Южной Корее 15 марта 1960 г. (По признанию бывшего министра внутренних дел Южной Кореи Цой Ин Гю 40% бюллетеней за кандидатуру Ли Сын Мана были опущены его агентами в избирательные урны еще до голосования.)

Фальсификация выборов 15 марта 1960 г. отнюдь не была случайной для клики Ли Сын Мана и его подручных. Они явились еще одним проявлением методов правящей клики, которая не брезговала никакими средствами, чтобы удержаться у власти. Террор, подкуп, шантаж, убийство из-за угла — вот чем характеризовалась политика правящей верхушки Южной Кореи в течение 12-летнего правления Ли Сын Мана. Только за период 1955—1959 гг. было арестовано и брошено в тюрьмы более 800 тыс. ни в чем не повинных людей. В 1958—1959 гг. власти запретили более 150 периодических изданий.

Малейшая критика со стороны оппозиции квалифицировалась как действия в «пользу коммунистов», а лица, осмелившиеся выступить с такой критикой, — как

«агенты коммунистов». Недовольство широких слоев южнокорейского населения полицейским режимом Ли Сын Мана чрезвычайно обострилось на почве экономических трудностей, неуверенности в завтрашнем дне. Действительно, лисынмановской клике, несмотря на американскую «помощь», так и не удалось вывести Южную Корею из состояния голода и нищеты. Вот, например, как оценивала положение крестьянства южнокорейская газета «Кориа таймс» в июне 1960 г.: «Ясно, что общество не может быть стабильным, если крестьянство, составляющее 62% населения, находится в нищете. Едва ли можно смотреть сквозь пальцы на тот факт, что крестьяне имеют огромную задолженность в 124 млрд. хван. В результате фермеры вынуждены продавать свою продукцию по неразумно низким ценам даже до сбора урожая, а некоторые даже покидать свои хозяйства»[1].

Американская пропаганда шумно вещала о больших успехах, якобы достигнутых в промышленном развитии Южной Кореи. Представитель ИКА Мойер заявил в октябре 1959 г. в Сеуле, что «Южная Корея, можно сказать, заложила фундамент промышленности, электроэнергетики и транспорта, необходимый для развития экономики»[2]. Однако южнокорейская печать сразу же опровергла эти утверждения. Газета «Саноб кёнчже синмун» 5 октября 1959 г. писала, что Мойер «сильно ошибается, утверждая, что создан фундамент электроэнергетики». Южная Корея, — отмечала далее газета, — «не имеет ни химической, ни машиностроительной промышленности, не говоря уже о производстве чугуна и стали, которое близко к нулю... Как же, следовательно, можно говорить о развитии самостоятельной экономики, если не созданы даже ее основы»[3].

Миллионы безработных бродят по селам и городам Южной Кореи. Те, кто имеет работу, влачат полуголодное существование. Даже официальная южнокорейская пропаганда признавала, что «заработная плата никогда не достигала прожиточного минимума, вычисленного Министерством здравоохранения и социальных дел»[4].

---

[1] «The Korea times», 11.VI.1960.
[2] Цит. по газ.: «Саноб кёнчже синмун», 5.X.1959.
[3] «Саноб кёнчже синмун», 5.X.1959.
[4] «Korea. Its land, people and culture of all ages», Seoul, 1960, p. 284.

Совершенно очевидно, что не только террористическая диктатура Ли Сын Мана, но и тяжелое экономическое положение были причинами взрыва гнева южнокорейского населения. Хотя восстание непосредственно было направлено против Ли Сын Мана и его приспешников, объективно оно явилось выражением протеста против американских империалистов, вынужденных в конце концов пожертвовать своей марионеткой.

Выступая на 5-й сессии Верховного Совета СССР 5 мая 1960 г., Н. С. Хрущев говорил: «...народы начинают понимать, где настоящая свобода, а где тирания. Возьмем хотя бы события в Южной Корее. Глава марионеточного режима Ли Сын Ман, лучший друг США и отец своей страны, как его называл кое-кто в Америке, ныне сброшен своим народом и является политическим трупом. И не коммунисты явились подстрекателями событий. Это вынуждены признать даже руководящие деятели США. Переполнилась чаша терпения и страданий народа Южной Кореи, он восстал против чудовищного гнета. Восстал пока стихийно, неорганизованно. Народ разбирается и все больше видит, что дело не только в Ли Сын Мане, но и в тех, кто поддерживал его, кто посадил Ли Сын Мана на шею народа Южной Кореи. Это они — главные виновники страданий народа Южной Кореи» [5].

Апрельское восстание в Южной Корее — это только лишь один из тех чувствительных ударов, которые нанесены по американскому «неоколониализму» в Азии в 1960 г. Мужественная борьба японского народа против заключения нового американо-японского военного договора, свержение режима Мендереса в Турции, события в Лаосе — все это отдельные звенья единого фронта борьбы азиатских народов за свободу и независимость. Южнокорейское восстание — один из знаменательных фактов последнего времени, свидетельствующих о слабости империалистов США, которые проводят свою политику против воли народов, опираясь на антинациональные правительства.

[5] «Об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа». Доклад товарища Н. С. Хрущева на сессии Верховного совета СССР 5 мая 1960 г. Раздел VI. Перед совещанием глав правительств, — «Правда», 6.V.1960.

«Однако нынешняя борьба южнокорейского народа, — указывал председатель ЦК Трудовой партии Кореи Ким Ир Сен, — не была последовательно проведена до конца, не завершилась полной победой. Это объясняется тем, что в этой борьбе не участвовали широкие круги рабочих и крестьян. Таким образом, южнокорейский народ еще не завоевал свободы и демократии, не осуществлены его требования»[6].

Пришедшее на смену лисынмановской клике так называемое переходное правительство Хо Чжона фактически пошло по стопам своих предшественников. Глава «переходного правительства» Хо Чжон поспешил заявить о намерении своего правительства «укреплять сотрудничество с правительством США», что и было подтверждено в совместном коммюнике Хо Чжона и Эйзенхауэра во время скандально знаменитого визита последнего в Южную Корею в июне 1960 г. Подобно Ли Сын Ману Хо Чжон во имя «укрепления сотрудничества с США» отверг какие бы то ни было контакты с КНДР под тем предлогом, что это якобы не соответствует желанию южнокорейского населения[7].

В начале июня 1960 г. палата представителей конгресса США приняла законопроект о предоставлении 10 436 тыс. долларов для оборудования военных баз американских вооруженных сил в Южной Корее[8].

Со своей стороны Хо Чжон заявил, что не может быть и речи о сокращении южнокорейских вооруженных сил, до тех пор пока США не снабдят их современными видами оружия[9].

Напуганное непрекращающимися выступлениями демократических слоев населения Южной Кореи правительство Хо Чжона не нашло ничего лучшего как прибегнуть к репрессиям. В середине июня 1960 г. было принято решение о том, что руководители «вредных демонстраций» будут подвергнуты тюремному заключению в целях «восстановления общественного порядка»[10].

---

[6] «Доклад Ким Ир Сена на торжественном заседании, посвященном 15-летней годовщине освобождения Кореи Советской Армией», — «Нодон синмун», 15.VIII.1960.

[7] «The Korea times», 24.VI.1960.

[8] «The Korea times», 11.VI.1960.

[9] «The Korea times», 24.VI.1960.

[10] «The Korea times», 17.VI.1960.

В такой обстановке в конце июля 1960 г. в Южной Корее состоялись выборы в «национальное собрание». На смену либеральной партии к власти пришла демократическая партия, лидер которой Чан Мен стал премьер-министром правительства так называемой «второй республики». (Это название произошло в результате изменения конституции Южной Кореи, в частности, теперь исполнительная власть сосредоточивается в руках премьер-министра, а не президента, как это было во времена диктатуры Ли Сын Мана.)

Политическая платформа демократической партии в то время, когда она была в оппозиции, принципиально ничем не отличалась от платформы лисынмановцев. Поэтому нет ничего удивительного в том, что демократы, став правящей партией, проводят политику, угодную монополистическому капиталу США.

В августе 1960 г. правительство КНДР выступило с новым предложением, направленным на скорейшее разрешение вопроса о мирном объединении Кореи. Правительство КНДР предлагало в качестве переходной меры к объединению создать федерацию Северной и Южной Кореи. При сохранении существующих политических систем в обеих частях страны и самостоятельной деятельности правительств КНДР и Южной Кореи предусматривалось создание верховного национального комитета из представителей обоих правительств, который координировал бы главным образом экономическое и культурное развитие Южной и Северной Кореи. Однако южнокорейское «национальное собрание» отвергло это предложение, тем самым расписавшись в нежелании не только достичь взаимопонимания между двумя частями страны, но и существенно облегчить тяжелое экономическое положение трудящихся Юга.

Между тем экономика Южной Кореи переживает тяжелые дни. В июне 1960 г. южнокорейская печать констатировала: «Очевидно, что экономическое положение нашей страны (т. е. Южной Кореи. — *Б. С.*) за последнее время стало довольно опасным: производство резко уменьшилось, сопровождаясь ростом безработицы; деловая активность находится в упадке вследствие падения покупательной способности» [11].

---

[11] «The Korea times», 11.VI.1960.

Одной из причин резкого ухудшения экономического положения на юге явилось введение с января 1960 г. нового грабительского обменного курса хвана по отношению к доллару (1 доллар к 650 хванам вместо 1 доллара к 500 хванам). В результате цены на все товары, особенно на предметы первой необходимости, поднялись, сократив и без того ограниченный платежеспособный спрос. Весьма мрачная перспектива южнокорейской экономики вырисовывается в связи с тем, что правительство не намерено сокращать военные расходы, в то время как размеры американской экономической «помощи» сокращаются. В 1960 финансовом году «помощь» США Южной Корее составила 188,5 млн. долл., что значительно меньше, чем в предыдущем году. Во время визита Эйзенхауэра южнокорейское правительство запросило на 1961 финансовый год 210 млн. долларов, но, как полагают должностные лица, можно рассчитывать максимум на 160 млн. долларов [12].

Сокращение американской экономической «помощи» [13] при сохранении огромных расходов на «оборону» приведет к увеличению налогообложения, ограничению кредитов мелким и средним предпринимателям, к росту инфляции и т. д., т. е. к дальнейшему ухудшению положения широких слоев населения Южной Кореи.

По такому насущному вопросу, как объединение Северной и Южной Кореи в единое независимое демократическое государство, южнокорейские власти по-прежнему занимают антинародную, антинациональную позицию, идя на поводу у американских империалистов.

После свержения Ли Сын Мана в Южной Корее довольно быстро растут силы, выступающие под лозунгами демократизации политики Южной Кореи и мирного объединения страны. Разумеется, невозможно сейчас предугадать, как в дальнейшем развернутся события на Юге. Несомненно одно — южнокорейская реакция уже вряд ли сможет, как прежде, безнаказанно проводить свою антинациональную политику, играя судьбой своего народа в угоду заокеанским империалистам.

---

[12] Ibid.

[13] Это вызвано стремлением США сократить дефицит своего платежного баланса. Подробнее об этом см.: М. Захматов, *Чем вызван дефицит платежного баланса США*, — «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 1, стр. 138—141.

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

АМГ —Американская военная администрация (American military government)
БИКИ —«Бюллетень иностранной коммерческой информации»
ВКО —Восточно-колонизационное общество
ГАРИОА —Управление по оказанию помощи в оккупированных районах (Government and relief in occupied areas)
долл. —доллар
доп. —дополнение
ИКА —Управление международного сотрудничества (International cooperation agency)
КСАС —Корейское управление гражданской помощи (Korean civil assistance command)
КФКР —Корейская финансовая корпорация по реконструкции
НАТО —Североатлантический блок (North Atlantic treaty organization)
ОЭС —Объединенный экономический совет
шт. —штуки
ЭКАДВ —Экономическая комиссия для стран Азии и Дальнего Востока
ЮНКРА —Орган ООН по восстановлению Кореи (United Nations Korean reconstruction agency).
WTIS — World trade information service

В таблицах 0 означает, что объем производства, торговли и т. д. равен нулю. Знак — показывает отсутствие данных.

ТАБЛИЦА МЕР

1 кван =3,75 *кг*
1 фунт (торговый) =0,4536 *кг*
1 ярд =0,9144 *м*
1 чонбо =0,992 *га*

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Глава первая. Экономика Южной Кореи под контролем Американской военной администрации 5

§ 1. Две линии решения корейского вопроса после окончания второй мировой войны 5
§ 2. Характерные черты южнокорейской экономики . 11
§ 3. Установление контроля Американской военной администрации над экономикой Южной Кореи . . 16
§ 4. Изменение форм господства американского империализма в Южной Корее 21
§ 5. Состояние промышленности Юга в годы оккупационного режима и агрессивной войны против КНДР 26

Глава вторая. Усиление зависимости промышленности Южной Кореи от американских монополий после войны 1950—1953 гг. 32

§ 1. Общий характер послевоенного развития южнокорейской экономики 32
§ 2. Энергетическая база 45
§ 3. Горнорудная промышленность 50
§ 4. Обрабатывающая промышленность (общая характеристика) 58
§ 5. Обрабатывающая промышленность (отраслевая характеристика) 69

Глава третья. Американский капитал в Южной Корее . 88

§ 1. Государственные предприятия 88
§ 2. Американская «помощь» Южной Корее . . . 100
§ 3. Частный американский капитал и политика марионеточного правительства 108

Глава четвертая. Положение рабочего класса Южной Кореи 120

§ 1. Численность и структура 120
§ 2. Условия труда 125
§ 3. Уровень жизни 128
§ 4. Трудовое законодательство 136

Заключение 145
Сокращения и условные обозначения 151
Таблица мер 151

Цена 50 коп.